РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы

С.Д. МАЛЛАЕВА-МАГОМЕДОВА

ИМЕННАЯ МОРФОЛОГИЯ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Махачкала 2017

УДК 81
ББК 811.351

Ответственный редактор –
Маллаева З.М., доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:
Шихалиева С.Х., доктор филологических наук
Ибрагимова М.А., доктор филологических наук

МАЛЛАЕВА-МАГОМЕДОВА С.Д. Именная морфология агульского языка. Монография. Махачкала, 2017. – 165 с.

Работа представляет собой попытку исследования морфологической структуры и функций падежной системы агульского языка с тем, чтобы его результаты стали составной частью создаваемой для этого языка научной и учебно-методической литературы. Система агульского склонения как отдельная морфологическая категория до сих пор не рассматривалась в специальной лингвистической литературе. Падежная система в настоящей работе интерпретируется с учетом выполняемых ею основных и дополнительных морфолого-синтаксических функций.

Работа представляет интерес для лингвистов-кавказоведов, вузовских и школьных преподавателей, а также читателей, интересующихся дагестанскими языками.

ISBN 978-5-91431-165-7

ВВЕДЕНИЕ

В представленной монографии предпринята попытка дать системное описание категории именного склонения агульского языка. Система агульского склонения как отдельная морфологическая категория до сих пор не рассматривалась в специальной лингвистической литературе. Многие вопросы агульского именного склонения не нашли достаточно глубокой разработки в исследованиях предшествующих авторов.

Падежная система в настоящей работе впервые интерпретируется с учетом выполняемых ею основных и дополнительных морфолого-синтаксических функций. Исследование одной из важных морфологических категорий – категории склонения имен существительных представляется, на наш взгляд, более чем актуальной. Актуальна она еще и тем, что дает развернутую картину структуры склонения агульского имени существительного как по основным (общим), так и по локативным падежам.

Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы в процессе создания школьной и вузовской практической грамматики, в учебных и методических пособиях для учителей агульского языка. Материал исследования будет небесполезен при создании теоретических грамматик по агульскому языку для студентов филологических факультетов вузов Дагестана, так как материал работы больше сориентирован на собственно агульский диалект, лежащий в основе агульского литературного языка.

В основе исследования лежит синхронный (традиционный описательно-аналитический) метод. Это вытекает из практической направленности результатов анализа. В ряде случаев в работе к интерпретации привлекается и

сравнительно-исторический метод, когда данные описываемой категории не поддаются объяснению с помощью внутренней реконструкции.

Источник исследования – полевой материал, собранный нами в местах компактного проживания носителей агульского языка; анализ результатов исследований предшествующих авторов; данные специальной кавказоведческой литературы.

Агулы или агульцы – одна из древних народностей Дагестана. По данным переписи населения за 2010 год, число агульцев доходило до 28,054 тыс. человек. Язык агулов – агульский язык относят к лезгинской группе восточнокавказских языков.

С первыми сведениями об агульском языке мы встречаемся в работе Р. Эркерта «Языки кавказского корня», изданной в Вене на немецком языке [Die Sprachen des kaukasischen Stammes, 1895]. О материале агульского языка, собранном Р. Эркертом анкетным путем, Р.М. Шаумян пишет, что он представляет собой «неудачные фрагменты агульского языка по кошанскому и гекхюнскому диалекту» [1941, с. 14]. Речь аула Буркихан (гекхюнский диалект) лежит в основе исследования Адольфа Дирра по агульскому языку [1907] . Монография А. Дирра – это первое исследование агульского языка, в котором освещены морфологические категории этого языка, и если бы мы по тем или другим ее недостаткам и недочетам, которые обнаруживаются в нем, стали бы упрекать или осуждать А. Дирра, то это было бы слишком несправедливо с нашей стороны, так как мы придерживаемся такого мнения, что не было бы работы А. Дирра, не появились бы на свет и другие, более подробные и скрупулезно выполненные монографии последующих исследователей агульского языка.

Следующая работа по агульскому языку – это исследование Р.М. Шаумяна [1941], в котором впервые учтены и данные диалектов рассматриваемого языка. О функционировании в прошлом в агульском языке категории грамматических классов свидетельствует и его статья [1936, с. 219-226], выявлялющая их следы в морфологической структуре этого языка. Агульский языковой материал в работах Р.М. Шаумяна приводится в латинской графике.

Значительным событием в истории изучения системы склонения лезгинских языков в сравнительном плане фактически стала кандидатская диссертация Б.Г.-К. Ханмагомедова «Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков», защищенная еще в 1958 году. В нем подробно освещены как вопросы основных, так и локативных падежей табасаранского языка в сравнении с соответствующими категориями лезгинского и агульского языков. Весьма полезной для нашего исследования оказалась и его монография «Система местных падежей в табасаранском языке» [1958], которая демонстрирует близкое сходство табасаранского и агульского языков и в формировании серий локативных падежей и в их функционировании. Хотя в данной работе нет материалов агульского языка, но он явно вытекает из самого содержания исследования. Автор не без основания считает, что кроме «... семи основных местных падежей, в табасаранском языке имеется еще 35 падежей – 5 групп по 7 падежей» [Ханмагомедов 1958, с. 43].

Падежная система табасаранского языка рассмотрена и в работах К.К. Курбанова [1986; 1995, с. 52-75]. Его интерпретация данной проблемы аналогична результатам исследования Б.Г.-К.Ханмагомедова.

Глубокой интерпретации подвергаются морфологические категории агульского языка в монографии А. А. Магометова «Агульский язык» [1970] В своем труде автор оперирует не только материалами диалектов агульского языка, но и табасаранского языка – языка наиболее близкого к агульскому из всех языков лезгинской группы.

Ценным исследованием диалектов агульского языка является и монография Н.Д. Сулейманова «Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка» [1993], в которой основным средством достижения цели является метод внутренней реконструкции. Исходя из данных диалектов агульского языка, это исследование реконструирует фонетическую и морфологическую системы праагульского состояния, устанавливает основные закономерности в области фонетики и морфологии этого состояния.

Наряду с данными других кавказских языков краткий грамматический очерк агульского языка приведен в обобщающем труде А. Дирра «Einfuhrung in das Studium der kaukasischen Sprachen» [1928]. На лексическом материале, извлеченном из трудов Адольфа Дирра, строится и фонетическая система агульского языка в работе Н.Трубецкого [1931]. Для сборника «Иберийско-кавказские языки» краткий очерк по фонетике и морфологии агульского языка составлен А.А. Магометовым [1967].

При сравнительно-историческом изучении фонетических систем дагестанских языков материалами агульского языка пользовались Е.А. Бокарев [1961], Б.К. Гигинейшвили [1977] и Б.Б. Талибов [1980]. В целях сравнительно-исторического изучения лезгинских языков лексико-морфологический инвентарь агульского языка привлекается к анализу и в работе М.Е. Алексеева [1985].

При сопоставительном изучении дагестанских языков значительное число агульских лексических единиц привлечено к рассмотрению и в работах А.Е. Кибрика, С.В. Кодзасова [1988; 1990] и В.М. Загирова [1987].

Одним из ведущих специалистов агульского языка, внесшим значительный вклад в исследование его диалектов, является Н.Д. Сулейманов, который опубликовал многочисленные статьи в научных изданиях Дагестана, Адыгеи и Грузии.

Как известно, Р. Эркерт выделял в агульском языке два диалекта: буркиханский и кошанский. А. Дирр также считал, что агульский распадается на два диалекта: собственно агульский и кошанский. Р.М. Шаумян выделяет в агульском языке четыре диалекта: собственно агульский, керенский, кошанский и гекхунский (буркиханский). Однако Р.М. Шаумян эти четыре диалекта объединяет в две группы: первая – собственно агульский и керенский диалекты, сближающиеся с лезгинским и рутульским языками; вторая – гекхунский и кошанский диалекты, сближающиеся с табасаранским языком.

Сторонником деления агульского языка на четыре диалектные единицы выступает и Н.Д. Сулейманов: собственно агульский, керенский, кошанский и гекхунский (по Н. Сулейманову, гехюнский). Н.Д. Сулейманов выделяет еще три самостоятельных говора: фитинский, хпюкский и цирхинский. По данным Н.Д. Сулейманова, самыми крупными диалектными единицами являются собственно агульский и керенский, из которых первая включает речь жителей восьми сел: Тпиг, Хутхул, Мисси, Дулдуг, Гоа, Дуруштул, Яркуг и Кураг. Керенский же диалект объединяет речь жителей сел: Бедюк, Квардал, Хвередж, Укуз, Усуг и Рича. Речь жителей аулов Худиг, Арсуг и Буршаг составляет кошанский диалект.

Речь жителей села Буркихан выделена как одноаульный диалект – гекхунский. Кроме промежуточных говоров – фитинского, хпюкского и цирхинского, все диалекты, за исключением гекхунского, по классификации Н.Д. Сулейманова, дробятся на соответствующие говоры со своими фонетическими и морфологическими особенностями.

В отношении диалектной дифференциации А.А. Магометов придерживается мнения, что расхождения, существующие внутри агульского языка, исходя из лингвистической точки зрения, носят характер говоров, а не диалектов. В этой связи А. А. Магометов выделяет в агульском языке говоры, а не диалекты. Наибольшие расхождения А.А. Магометов видит между кошанским говором и остальными говорами.

Это же самое подтверждает и Н.Д. Сулейманов, но только на диалектном уровне.

Хотя нет достаточно точного определения или эталона по делению языка на более мелкие единицы, составляющие его общее существо (диалекты, говоры, подговоры), мы склонны видеть в высказываниях Н.Д. Сулейманова больше обоснованности и аргументированности.

В настоящей работе нас, прежде всего, интересуют данные собственно агульского диалекта, лежащего в основе современного литературного агульского языка, так как весь материал нашего исследования сориентирован на создание научной, научно-методической и учебной литературы для вузов, педучилищ и агульских школ Дагестана.

Большинство дагестанских языков склонение имен существительных формирует по принципу двух основ. Подобного же принципа придерживается и агульский язык.

Суть данного принципа сводится к тому, что именительный падеж (номинатив) имеет одну основу, а остальные падежи имеют другую основу, т.е. номинатив не имеет специального падежного оформления, а родительный и дательный падежи образуются от основы эргативного падежа. Это свидетельствует о том, что родительный и дательный падежи, кроме свойственных им окончаний, содержат в своем составе и морфемы эргатива в качетсве элементов, стоящих перед окончаниями генитива и датива. Таково мнение подавляющего большинства исследователей дагестанских языков. Однако в специальной литературе встречаются и высказывания, расходящиеся с общепринятым мнением. Например, М.Е. Алексеев утверждает: «Так, распространенное в дагестановедении утверждение о многоформантности эргатива в действительности является переформулировкой тезиса о многоформантности косвенной основы, от которой в свою очередь образуется эргатив с помощью нулевого аффикса» [Алексеев 1985, с. 27].

Установившимся в дагестановедении мнением является и мнение о том, что за основой номинатива укрепилось название (термин) – «основа прямого падежа» или «прямая основа», а за основой остальных падежей – «основа косвенных падежей» или «косвенная основа» (более подробно об этих терминах см. ниже). Как указано выше, эти две основы и создают так называемый «принцип двух основ» при склонении субстантивов в дагестнских языках.

В дагестанских языках, в том числе и в агульском, все падежи распадаются на две группы: основные и местные (локативные).

Основные падежи (номинатив, эргатив, генитив и датив), хотя и являются элементами морфологической структуры, выражают синтаксические отношения одного

субстантива (имени) к другой лексеме высказывания или к высказыванию в целом. В этом плане основные падежи выполняют исключительно синтаксические функции. Отношения, выражаемые основными падежами, характеризуются как абстрактные отношения между предметами. И эти отношения должны быть выражены с помощью падежей, обладающих синтетизмом формирования.

Когда Адольф Дирр рассматривал основы косвенных падежей агульского языка, он пришел к выводу, что в основе косвенных падежей лежит родительный падеж. Он пишет, что показателю родительного падежа *-н* предшествуют гласные *а, е, и, у,* так что получается *ан, ен, ин, ун.* В некоторых существительных перед окончанием еще встречается связующий элемент, т.е. согласный или целый слог, состоящий из гласного и согласного [Дирр 1907, с. 4]. Это говорит о том, что, по мнению А. Дирра косвенная основа совпадает с эргативом.

А.А. Магометов [1970, с. 4] и Б.Г.-К. Ханмагомедов [1958, с. 546] придерживаются твердо утвердившегося в кавказоведении мнения о том, что основу косвенных падежей создает эргатив.

Кроме указанных выше четырех основных падежей, в дагестанских языках, включая и агульский, представлена богатая система так называемых локативных (местных) падежей, которые объединяются в них в несколько серий. Количество локативных падежей в некоторых дагестанских языках доходит до 30. По выражению Е.А. Бокарева, числом своих падежей дагестанские языки превосходят все другие языковые группы мира [1948, с. 56].

Основной функцией локативных падежей является то, что они указывают на различные положения предмета в пространстве. Там, где многие языки, например индоевропейские языки, для обозначения различной локализации

предмета в пространстве используют предлоги в сочетании с падежными формами, дагестанские языки пользуются значительным числом локативных падежей.

Кроме того, следует отметить, что наличие большого количества локативных падежей, сочетающихся с развитой системой глагольных превербов, создает в языке достаточно точное и конкретное выражение локализации предмета в пространстве.

Все локативные падежи агульского языка распадаются на восемь серий, включающих по три падежа в каждой. Основой же локативных падежей также являлется эргатив. От локативного падежа, выражающего нахождение предмета где- нибудь (т.е. от падежа «покоя» каждой серии), образуется направительный падеж, выражающий движение предмета «к покою» и исходный падеж, выражающий движение предмета «от покоя». Таким образом, в каждой серии представлены падежи: «покоя», сближения «с покоем» («к покою») и отдаления «от покоя».

В современном лезгинском языке представлено пять серий местных падежей [Мейланова 1970, с. 110], в табасаранском – семь серий [Магометов 1965, с. 117]. П.К. Услар выделял в табасаранском восемь серий [Услар 1979, с. 26], в цахурском языке выделены четыре полных серий, а семь серий дефектных, так как дефектность этих серий обусловлена совпадением направительного и исходного падежей [Ибрагимов 1990, с. 67], т.е. они выражены в цахурском синкретически. Подобный синкретизм наблюдается и в диалектах одного и того же языка. Так, формы «покоя», «отдаления» и «сближения», т.е. формы локативных и направительных падежей в губденском и хайдакском диалектах даргинского языка морфологически не дифференцированы [Магометов 1983, с. 195-196]. Та-

кая же нерасчлененность наблюдается и в лезгинском языке [Мейланова 1961, с. 206].

Справедлив Н.Д. Сулейманов, когда утверждает, что эволюция системы локативных падежей в дагестанских языках четче прослеживается на примере аварского языка. Эта тенденция, очевидно, уже была намечена в прадагестанском состоянии. Диалектные данные аварского языка дают основание считать, что формирование собственно направительных падежей – это явление вторичное. В некоторых диалектах аварского языка формирование собственно направительного показателя в сериях является живым процессом [Сулейманов 1993, с. 105]. По свидетельству М.Г. Исаева, в тлянадинском говоре анцухского диалекта в речи старшего поколения отражается архаическое состояние, при котором для 1-й и 5-й серии употребляется локатив вместо направительного падежа. Общая же тенденция в аварских диалектах указывает на зарождение в сериях направительного форманта *-ххун* [Исаев 1975, с. 12].

Путь развития направительных падежей, отмеченный в аварских диалектах, отражает особую тенденцию перехода дагестанских языков от синкретизма к дифференциации локативно-направительных значений.

ГЛАВА I. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПАДЕЖЕЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1.1. Имя существительное в агульском языке и его особенности

Существительные агульского языка, подобно существительным лезгинской подгруппы, достаточно сильно отличаются от соответствующих, скажем, аваро-андоцезских языков, прежде всего, отсутствием у них категории грамматических классов.

По мнению большинства специалистов иберийско-кавказских языков, сравнительно-историческое изучение категории грамматических классов помогает проследить развитие грамматического строя в отдельных группах кавказских языков. Многие явления морфологии, синтаксиса, словообразования, а также этимология ряда слов находят свое объяснение в связи с историей грамматических классов [Андгуладзе 1968, с. 201]. Эта древнейшая морфологическая категория агульским языком ныне утрачена. Утрачена она и в лезгинском, и в удинском языках. Несмотря на то, что ныне категория грамматических классов и не характерна для агульского языка, ее былое функционирование в нем обнаруживается реликтовыми окаменелыми элементами, выделяемыми специалистами в составе частей речи: «в именах существительных, прилагательных, числительных, местоимениях, наречиях и глаголах» [Магометов 1970, с. 44].

Специфической особенностью грамматического строя кавказских языков является наличие в них категории грамматического класса, которая представлена во всех дагестанских языках, за исключением лезгинского, агульского и удинского языков. Функциониро-

вание некогда этой древнейшей морфологической категории в данных языках признается всеми исследователями кавказских языков. О следах былого функционирования категории грамматических классов в агульском, лезгинском и удинском языках достаточно убедительно свидетельствуют исследования Р. Шаумяна, М.М. Гаджиева, У.А. Мейлановой, Б.Б. Талибова, Е.Ф. Джейранишвили, А.А. Магометова и др.

Былое функционирование грамматического класса в агульском языке обнаруживается реликтовыми окаменелыми элементами, выделяемыми в составе различных частей речи: в именах существительных, прилагательных, числительных, местоимениях, наречиях и глаголах.

Лучше всего классные экспоненты прослеживаются в именах прилагательных, причастиях, числительных, глаголах. Объясняется это тем, что категория класса – это реляционная согласовательная категория, которая проявляется в согласуемых с именами словах. Это связано также с тем, что в существительных классные экспоненты, выполняя словообразовательную функцию, оказались менее устойчивыми и легко окаменели или утратились, в то время как классные экспоненты в именах числительных, прилагательных, причастиях, глаголах, выражая грамматические (синтаксические) отношения между словами, оказались более устойчивыми, поэтому лучше прослеживаются [Рогава 1959, с. 131].

Исторически для всех иберийско-кавказских языков были характерны две основные категории – класс личности (человека) и класс вещи, которые дифференцировались до четырех классов (два – для человека, два – для всего остального) [Чикобава 1955]. При увеличении количества классов до четырех раньше возникает второй класс вещей и значительно позже – второй класс в катего-

рии личности. Видимо, исторически для агульского языка была характерна аналогичная четырехклассная система грамматических классов [Андгуладзе 1968, с. 202]. Четырехклассная система грамматических классов реконструируется для агульского языка и А.А. Магометовым, в которой для первого класса выделен экспонент *-в*, для второго *-д, р (й)*, для третьего *-б, -в, -ф, -м (← -б),* для четвертого *-д, (т, тг, т1), -р(-й,-н, -л)* [Магометов 1962].

Еще Н.Трубецкой [1922, с. 23] выделял в именах ***д*** и ***й*** в качестве префиксальных элементов окаменелых грамматических классов: агул. *йакк,* таб. *йакк,* лезг. *йак*, рут. *йак*, буд. *йек*, лак. *дикI,* дарг. *диъ* (мясо). О следах былого функционирования категории грамматических классов не только в агульском, но и в лезгинском и удинском языках свидетельствуют исследования М.Р. Шаумяна [1936], М.М. Гаджиева [1958, с. 217-227], У.А. Мейлановой [1961, 282-298], Б.Б. Талибова [1960], Е.Ф. Джейранишвили [1958, с. 347].

Подробный анализ окаменелых экспонентов грамматических классов в составе большинства частей речи агульского языка провел А.А. Магометов [1962, с. 44-69]. Функционирование в прошлом категории грамматических классов в агульском языке выявлено путем сравнительного анализа в именах существительных: агуль. *й-агъ* (день), таб. *й-игъ*, лезг. *й-угъ*; агуль. *й-акIв* (топор), таб. *й-акI*, лезг. *й-акIв*, лак. *р-икI*; агуль *р-уш* (девочка, девушка, дочь), таб. *р-иш*, лезг. *р-уш*, лак. *д-уш*, агуль. *д-иф* (туча, туман), таб. *д-иф,* лезг. *цц-иф* (←**д-иф*), арч. *д-илъ*, лак. *тт-ур-лу* (←**д- ур-лу*), дарг. *д-ирив* (урах. диал.), *д-и-рихь* (хайд. диал.)...

Путем сравнения таких многочисленных лексем А.А. Магометов справедливо приходит к выводу, что в именах существительных агульского языка выявляются префиксы

– окамененлые экспоненты грамматических классов: *д, р, и, й, н, л, б, в, м*. Наблюдается также полная утрата классных показателей [Магометов 1970, с. 48].

Подобным же анализом в агульских прилагательных и причастиях также выделены как префиксально-суффиксальные *д, р,* префиксальные *б* и *й* и суффиксальные *т, тт и ф* (←*в_←*б).

Количественные числительные в большинстве случаев имеют в ауслауте *д* или *р* (*д→р), однако же ряд числительных в агульском языке сохранил также анлаутный экспонент грамматического класса *й, м, (←*б), б, в (←*б).*

В глаголах же агульского языка выделены анлаутные окамененлые экспоненты грамматических классов *б, д, тт, тI, р* и *й*. В составе некоторых глаголов выделены по два окамененлых экспонента: в анлауте и инлауте (т.е. перед корневым согласным).

По данным Магометова А.А., окаменелые классные показатели в агульском языке лучше всего прослеживаются в именах прилагательных, причастиях, числительных, глаголах. По мнению Г.В. Рогава, это связано с тем, что в существительных классные экспоненты, выполняя словообразовательную функцию, оказались менее устойчивыми и легко окаменели или утратились, в то время как классные экспоненты в именах числительных, прилагательных, причастиях, глаголах, выражая грамматические (синтаксические) отношения между словами, оказались более устойчивыми [Рогава 1959, с. 131], поэтому лучше прослеживаются.

Как отмечает А.С. Чикобава [1955], исторически для всех иберийско-кавказских языков были характерны две основные категории – класс личности (человека) и класс вещи, которые дифференцировались до четырех классов (два – для человека, два – для всего остального).

Н.Д. Андгуладзе [1968, с. 202] полагает, что при увеличении количества классов до четырех раньше возникает второй класс вещей и значительно позже – второй класс в категории личности. Видимо, исторически для агульского языка была характерна аналогичная четырехклассная система грамматических классов.

Четырехклассная система грамматических классов реконструируется для агульского языка и А.А. Магометовым, в которой для первого класса выделен экспонент в, для второго – *д, р (й),* для третьего – *-б||→ в||→ ф, м(←б),* для четвертого – *д, (т, тт, тI), р (й), н, л.*

Экспоненты *д* и *р,* ныне используемые в табасаранском, лакском языках в качестве показателей для обозначения класса человека (женщины), исторически являлись показателями класса вещей [Чикобава 1942, с. 379-380].

Таким образом, хотя и реконструируется в диахронии система грамматических классов, в нынешнем состоянии развития агульский язык остался без одной из основных и древних морфологических категорий – категории грамматических классов. Теперь, когда категория грамматических классов утрачена, в агульском языке морфологически оформляемыми категориями существительного остаются число и падеж. Эти две категории и представляют для нашей работы существенный интерес.

1.2. Система основных падежей агульского языка

В лингвистике известно широкое и узкое понимание термина и понятия «грамматическая категория». В широком понимании данный термин позволяет включить в «грамматическую категорию» все классифицирующие термины морфологии и синтаксиса: части речи, субкате-

гориальные признаки частей речи, грамматические отношения и т.д. В узком понимании термин «грамматическая категория» охватывает только такие категории, как число, падеж, грамматический класс, время, вид, наклонение и т.д. В данном исследовании мы рассматриваем термин «грамматическая категория» в узком смысле, включая сюда только категории имени существительного, функционирующие на морфологическом уровне агульского языка, такие как падеж и число.

Для выделения самостоятельной грамматической категории, как известно, необходимо наличие двух обязательных признаков: 1) грамматическая категория должна обладать определенным обобщенным значением, которое может располагать разной степенью абстрагированности; 2) наряду с определенным обобщенным значением грамматические категории должны обладать и определенной грамматической (морфологической или синтаксической) формой выражения. Только сочетание обобщенного значения с грамматической формой выражения создает грамматическую категорию, поскольку обобщенное значение может быть выражено и лексическими средствами, например, словом. В последнем случае имеет место лексико-семантический факт, а не грамматический. Именно на обязательность сочетания этих двух признаков и указывает В.Д. Аракин, утверждая, что: «любая грамматическая категория осознается нами только тогда, когда она имеет свое материальное – звуковое – формальное выражение в данном языке» [Аракин 2005, с. 90].

Каждый язык располагает целой системой взаимосвязанных грамматических категорий, различающихся как по своему характеру, так и по объему. При этом разные грамматические категории выявляют существенные различия, как на это указывает З.М. Маллаева, исследуя

грамматические категории глагола аварского языка: «…одни (грамматические категории) действуют в сфере слова, другие – имеют место только в предложении. В соответствии с этим они рассматриваются в разных разделах грамматики: первые – в морфологии, вторые – в синтаксисе. И морфологические, и синтаксические категории, как известно, представляют собой единство грамматического значения и грамматической формы, т.е. формальных признаков их выражения» [Маллаева 2012, с. 4].

В отличие от преобладающего большинства дагестанских языков, в которых функционирует категория грамматического класса и для которых она является типологически релевантной категорией, в агульском языке также как и в лезгинском и удинском языках, грамматическая категория класса не представлена. Точка зрения, что современное состояние грамматического строя агульского языка – это результат утери, некогда активно функционировавшей категории грамматического класса, является в лингвистическом кавказоведении на сегодняшний день кавказоведении преобладающей. Такие известные исследователи кавказских языков, как Р. Шаумян, М.М. Гаджиев, У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов, Е.Ф. Джейранишвили, З.К. Тарланов и др. допускают функционирование в историческом прошлом категории грамматических классов в агульском, лезгинском и удинском языках. Поскольку в составе почти всех частей речи (в именах существительных, прилагательных, числительных, местоимениях, наречиях и глаголах) в агульском языке были выявлены реликтовые окаменелые элементы, выражавшие некогда семантику принадлежности к тому или иному грамматическому классу. На основании анализа таких данных А.А. Магометов реконструирует для агульского языка четырехчленную систему грамматических классов, в которой

для первого класса выделен экспонент *-в*, для второго *-д, р (й),* для третьего *-б, -в, -ф, -м (← -б),* для четвертого *-д, (т, тг, т1), -р (-й,-н, -л)* [Магометов 1970, с. 189].

Н.Д. Андгуладзе также приходит к закономерному выводу, что «исторически для агульского языка была характерна аналогичная четырехклассная система грамматических классов» [Андгуладзе 1968, с. 202].

На современном этапе развития агульского языка «важнейшими грамматическими категориями имен существительных являются категории числа и падежа» [Тарланов 2013, с. 91]. Семантика количества в системе имени существительного агульского языка проявляется в наличии двух чисел: единственного и множественного. Форма множественного числа у преобладающего числа имен существительных образуется от основы единственного числа посредством прибавления формантов *-ар* (у основ с согласным ауслаутом) и *-бур (-вур, -йар)* (у основ с гласным ауслаутом), например: *баб* «мама» – «*баб-ар*», *китаб* «книга» – *китаб-ар, цIа «огонь» – цIа-бур. даги* «осел» – *даги-бур* и т.д. Исключения из этого правила носят незначительный характер.

Категория числа характерна для всех имен существительных, независимо от его семантики и тематической принадлежности, однако сами формы множественного числа «нередко различаются по содержанию, многие из них представляют значение неопределенного количества, приблизительности, например у слов вещественных» [Тарланов 2013, с. 93]. Описание способов и средств образования множественного числа имен существительных в агульском языке не вызывает дискуссий среди исследователей, в отличие от исследования падежей.

Проблема изучения падежей в агульском языке, как и в других дагестанских языках, осложняется наличием в

них большого количества падежей и дискуссионным характером определения статуса локативных падежей. Среди исследователей дагестанских языков нет единого мнения по вопросу квалификации локативных падежей. Расходятся мнения языковедов также по вопросу о становлении системы падежей в дагестанских языках. Порой их точки зрения по вопросу генезиса падежных систем носят прямо противоположный (полярный) характер. Например, Е.А. Бокарёв и Т.Е. Гудава придерживаются мнения, что многочисленность местных падежей в именных парадигмах является признаком праязыкового состояния, а А.С. Чикобава, В.Г. Топуриа и их последователи рассматривают обилие локативов как инновацию.

Факт наличия разных мнений по вопросу о падеже Е.А. Бокарев объясняет тем, что недостаточно разработаны методологические основы описательной грамматики, недостаточно четко определено само понятие «падеж», в результате этого недостаточно разработана конкретная методика выявления падежа. Отмечая, что в направлении определения падежа с функциональной точки зрения в последнее время достигнуты определенные успехи, Е.А. Бокарев подчеркивал, что «понятие «падеж» требует не только функционального определения, но и формально-грамматического, которое исходило бы из структурных особенностей, характерных для того или иного конкретного языка. Вопрос о падежах должен по-разному разрешаться для таких структурно различных языков, как, например: английский, русский или какой-нибудь дагестанский» [Бокарев 1954, с. 30].

В дагестанских языках одним из активно дискутируемых вопросов является проблема квалификации локативных (по другой терминологии – пространственных, или семантических) падежей. Одни исследователи счита-

ют их падежами, другие – послеложными сочетаниями. Семантические (или обстоятельственные падежи) в отличие от синтаксических (абстрактных или грамматических) падежей выражают определенный смысл. Выражение смысла связано с синтаксическими ролями, выполняемыми падежами.

Падежные функции, как известно, связаны с тем фактом, что «падеж в большинстве языков оказывается главной (и практически единственной) словоизменительной синтаксической категорией имени; собственно, словоизменение имени (= склонение) и его изменение по падежам в традиционной грамматической терминологии фактически являются синонимами. < … > В сущности, падеж является смешанной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее отчетливы – в зависимости от конкретной падежной граммемы и от организации падежной системы в целом» [Плунгян 2003, с. 163-164].

В теоретической разработке вопроса о категории падежа на материалах отдельных языков в лингвистической литературе имеется немало разногласий. Как правило, они обусловлены проблемами разграничения падежных формы от послеложных конструкций, с одной стороны, от словообразования – с другой.

В монографии С. Свору «Грамматика пространства» (The grammar of space) [Svorou 1994] – первом исследовании, проведенном по всем правилам типологического метода (выдвинутые в работе гипотезы проверялись на материале специально составленной выборки из 26 генетически неродственных языков), рассматриваются сходства и различия между языками в кодировании и выражении пространственных отношений. С. Свору акцентирует внимание на семантике пространственных показателей в

языках мира, а также на их генезисе и диахронической эволюции. На основе анализа языковой выборки автор демонстрирует, что в число диахронических показателей в языках мира входит достаточно узкий набор лексем, регулярно повторяющихся в различных языковых ареалах. Наиболее распространенными примерами таких лексических источников являются названия частей тела («голова», «спина») и частей объектов («верх», «перед»), а также глаголы движения. Исследуя различные способы кодирования пространственной семантики в системе имени, С. Свору предлагает три модели реинтерпретации существительных, по которым лексемы-источники могут эволюционировать в грамматические показатели (антропоморфная, зооморфная и ландшафтная). В совокупности эти три модели достаточно убедительно объясняют пути эволюции пространственных показателей, и, кроме того, позволяют предположить возможные пути эволюции для того или иного лексического источника. Не ограничиваясь исследованием только семантики пространственных показателей, С. Свору акцентирует основное внимание в своих работах на проблемах концептуализации пространства языковыми средствами.

Семантические функции падежей в современной лингвистике обычно связывают с семантической и синтаксической «ролью» имени в составе определенной ситуации. Поэтому падеж в современной лингвистике определяется как грамматическая категория, выражающая различные синтаксические (и / или семантические) роли имени [Плунгян 2003, с.164]. Граница между семантическими и синтаксическими падежами, по мнению И.А. Мельчука «является достаточно зыбкой, и существует обширная переходная зона. Некоторые падежи в некоторых языках, действительно, могут быть чисто синтаксиче-

скими; но чаще встречается такая ситуация, когда падеж в одних контекстах выражает некоторый смысл, а в других – нет (например, там, где его появление определяется синтаксическими свойствами управляющей лексемы). С другой стороны, синтаксический падеж может приобретать семантические функции – например, в составе особой конструкции. Таким образом, противопоставление синтаксических и семантических падежей не следует считать слишком жестким и статичным; во многих случаях более целесообразно говорить о синтаксических или семантических УПОТРЕБЛЕНИЯХ некоторого падежа, чем о синтаксическом или семантическом характере этого падежа в целом. Тем не менее, несмотря на все оговорки, данное противопоставление оказывается очень полезным при обсуждении проблематики, связанной с категорией падежа» [Мельчук 1998, с. 327-328]. Условный характер такого деления отмечает также М.А. Даниэль, поскольку «с функциональной точки зрения граница между грамматическими падежами и локативными формами размыта, так как многие локативные формы имеют синтаксические употребления» [Даниэль 2001, с. 139].

В дагестанских языках наблюдается достаточно выраженная «синтаксизация» пространственных падежей, поскольку пространственные падежи во всех дагестанских языках используются не только для выражения определенной пространственной семантики, но и для выражения определенных синтаксических отношений. Как указывает В. А. Плунгян, «во многих нахско-дагестанских языках наблюдается постепенная «синтаксизация» пространственных падежей: многие падежи начинают кодировать не только локативные роли (например глагол «бояться» может управлять суб- или апуд-элативом, глагол «сражаться» – апуд-эссивом и т.п.); с другой стороны,

многие пространственные отношения начинают выражаться сочетанием падежа и послелога» [Плунгян 2003, с. 177].

На синтаксическое употребление пространственных падежей неоднократно обращалось внимание дагестановедов. Так, У. А. Мейланова пишет, что «основное значение местных падежей – выражение различного рода локальных отношений. Однако многие из этих падежей приобрели и абстрактную семантику. Отдельные из них могут выражать объект, и даже субъект действия при определенных группах глаголов, например, исходный первый падеж может выражать субъект действия при глаголах, выражающих случайное, непреднамеренное действие; местный первый падеж – объект сравнения, сопоставления; местный второй – предмет обмена, цену; исходный третий падеж – объект стыда, страха; направительный пятый – орудие действия» [Мейланова 2000, с. 157-168].

И. А. Мельчук также указывает на то, что «многие локативные падежи допускают также и чисто синтаксические употребления – иными словами, они могут быть сильноуправляемыми и в этом случае теряют свою семантическую нагрузку [Мельчук 1998, с. 337].

Проблемы определения статуса локативных падежей актуальна и для агульского языка, поскольку здесь наряду с общеграмматическими падежами активно функционирует целый ряд падежей пространственной семантики. Система локативный падежей агульского языка репрезентирует восемь граммем локализации:

1) локализация «за», «позади» ориентира (POST);
2) локализация «на» ориентире (SUPER);
3) локализация «под» ориентиром (SUB);
4) локализация «на» наклонной плоскости (AD);

5) локализация «между», «среди» ориентиров (INTER);

6) локализация в неопределенной близости к неодушевленному ориентиру, вместе с одушевленным ориентиром (CUM);

7) локализация «перед» ориентиром (ANTE);

8) локализация «в», «внутри» ориентира (IN).

Характерной особенностью категории локализации агульского языка является семантика локализации в неопределенной близости к неодушевленному ориентиру или вместе с одушевленным ориентиром – концепт CUM. Кроме того, агульская система локативных серий не различает пребывание в полом и сплошном пространстве. И та, и другая семантика передается посредством восьмой серии, формант -ъ, например: *сала*-ъ «в хлеве» (полое пространство), *цили*-ъ «в стене» (сплошное пространство).

В системе локативных падежей агульского языка представлена также редкая для дагестанских языков семантика – пребывание «за» ориентиром, «позади» ориентира. Агульский язык различает также (как и аварский, табасаранский языки) семантику локализации на вертикальной (формант *-к*) и горизонтальной (формант *-л*) поверхностях ориентира.

Система местных падежей агульского языка претерпела ряд изменений и представляет по диалектам довольно неоднородную картину. Так, Н.Д. Сулейманов отмечает процесс нарушения стройной системы местных падежей в керенском диалекте агульского языка. В ричинском говоре керенского диалекта имеет место совпадения функций аллативов и локативов. «Такая же картина наблюдается в буркиханском диалекте. …

В цирхинском говоре завершается процесс деградации аллативов, в кушанском в системе местных падежей

отмечается параллельное употребление аллатива и аблатива. В керенском они претерпели ряд фонетических изменений, которые расшатали систему местных падежей и привели к следующим изменениям: а) слияние падежных форм; б) слияние серий; в) выпадение целой серии [Сулейманов 1979, с. 104].

Как видим, проблема исследования падежной системы агульского языка на сегодняшний день содержит больше вопросов, чем ответов. Очевидно, это имел в виду З.К. Тарланов, утверждая, что «падежная система агульского языка, как и его грамматический строй в целом, изучена совершенно недостаточно. Нет разностороннего описания самой этой системы, нет аргументированного и документированного ответа на вопрос о том, каковы ее реальный состав и структура по диалектам и говорам, каковы принципиальные параметры оформления и функционирования каждого из падежей в их территориально фиксированных взаимных связях. Отсюда и главная задача – попытаться воссоздать эту действующую систему» [Тарланов 2013, с. 101].

Имена существительные современного агульского языка в основном представлены односложными, двусложными и трехсложными основами. Есть среди них заимствованная лексика, и есть среди них исконные агульские слова. Все имена имеют в анлауте любой гласный или согласный и аналогичные гласный или согласный они имеют в ауслауте. Нет ни одной морфемы, указывающей на их принадлежность к именам существительным. Такая морфологическая неоформленность агульских имен существительных создает довольно непреодолимые трудности при установлении принадлежности агульских слов к тем или другим частям речи, если исследователь не обладает практическими навыками этого языка.

Итак, имена существительные в назывной форме представляют именительный (номинатив) падеж агульского языка. В таких случаях принято говорить, что именительный падеж в агульском языке морфологически не оформлен. К именам существительным, стоящим в именительном (номинативе) падеже, как и во всех известных языках, ставится вопрос *фуш?* «кто?» и *фи*? «что?» в ед. числе и фушар кто? и фиппур что? во мн. числе. Вопрос *фуш*? «кто?» ставится к именам существительным, обозначающим разумные живые существа, т.е. к человеческим личностям. Вопрос *фи?* «что?» ставится к остальным существительным, Независимо оттого, обозначают ли эти имена одушевленные существа или неодушевленные предметы.

Эти же вопросительные местоимения в агульском языке имеют и формы множественного числа: *фуш?* «кто?» – *фуш-ар?* «кто?» (мн. число), *фи?* «что?» – *фиппур*? «что?» (мн. число). Так, если имена существительные, обозначающие живые разумные личности, стоят в номинативе в форме множественного числа, к ним ставится вопрос *фуш-ар?* «кто?» (во мн. числе), а к именам, обозначающим остальные одушевленные и неодушевленные существа и предметы – вопрос *фи-ппур?* «что?» (во мн. числе).

Дифференцированное выражение единственного и множественного чисел вопросительным местоимением «кто?» наблюдается и в лакском языке [Услар 1890, с. 69], но нет подобной дифференциации в вопросительном местоимении «что?». Если имена существительные I и II грамматических классов, т.е. существительные, обозначающие разумные существа мужского и женского пола, стоят в единственном числе, то к ним ставится вопрос *цу?*

«кто?». Если же они стоят во множественном числе, то ставится вопрос *цва?* «кто?» (во мн. числе).

Если вопрос агульского именительного падежа легко поддается интерпретации, то эргатив имеет достаточно сложную природу. Иначе этот падеж называют также «активным», «повествовательным». Эргатив происходит от греческого слова ergates, что означает «действующее лицо». Наличие в морфологической системе эргативного падежа является наиболее характерной и существенной особенностью всех иберийско-кавказских языков.

Нынешнее состряние эргативного падежа и его окончаний свидетельствуют о морфемы в процессе длительного исторического пути развития. Ныне в агульском языке число окончаний эргативного падежа доходит до пятнадцати глубоких фономорфологических изменениях, которым подверглись его.

Как известно, Р.М. Шаумян считает флексиями агульского эргатива следующие окончания: *а, и, у* (редко *е*), иногда *-ди, -ала (-еда), -ани (-уди), -ура* и т.д. [Шаумян 1941, с. 32]. Б. Г.-К. Ханмагомедов, впервые проведший глубокий анализ показателей эргатива восточно-лезгинской подгруппы языков (лезгинского, агульского и табасаранского языков), выделяет в агульском языке 10 флексий эргативного падежа: *и, у, а, йи, ла, ри, ра, на, ни, ди* [Ханмагомедов 1967, с. 308]. В данном случае справедлив Б. Г.-К. Ханмагомедов в том, что при реконструкции исходного состояния флексий эргатива рассматриваемых языков их анлаутные гласные *а, и, у* едва ли являлись принадлежностью исторического эргатива. Вот что Б. Г.-К. Ханмагомедов пишет об этом: «Что же касается показателей *ни, ди* в лезгинском языке и *да, ра, на, ни* в агульском языке с предшествующими им тематическими гласными *а, е, и, у, уь, ю* (лезг. *ини, уни, уьни, еди, ади,*

агульск. *ала, ела, ура, юра, уна, ани, уни*), то их мы не выделяем как отдельные показатели» [Ханмагомедов 1967, с. 306]. Дело в том, что «... эти гласные исторически относились к корню, а затем, под влиянием тенденции к утрате конечных гласных, исчезли» [Ханмагомедов 1967, с. 307]. Б. Г.-К. Ханмагомедов называет их тематическими гласными.

В отличие от Б. Г.-К. Ханмагомедова, рассматривающего флексии эргатива в диахроническом аспекте, мы, наоборот, анлаутные гласные *а, и, у* флексий агульского эргатива воспринимаем как органический инвентарь этих флексий эргатива, так как нас больше интересует их синхронический аспект и их практическую направленность в процессе преподавания агульского языка в школах и вузах республики Дагестан. В этой связи мы выделяем в агульском литературном языке следующие флексии эргатива:

1. Окончание *-ди* в эргативе принимают имена существительные в форме единственного числа: *гардан* «шея»: *гардан-ди, нугъул* «конфета»: *нугъул-ди, мяIалим* «учитель»: *мяIалим-ди, джил* «голос»: *джил-ди, баркаван* «благодатность»: *баркаван-ди, бизарвел* «мучение»: *бизарвел-ди, хан* «князь»: *хан-ди, душман* «враг»: *душман-ди, пагьливан* «канатоходец, акробат»: *пагьливан-ди, духтур* «врач, доктор»: *духтур-ди, майдан* «площадь, равнина»: *майдан-ди, зуран* «край»: *зуран-ди, мал* «скотина: *мал-ди, айван* «балкон»: *айван-ди, чул* «поле»: *чул-ди, гъван* «камень»: *гъван-ди, джан* «душа, дух, тело»: *джан-ди*, джин «черт»: *джин-ди, хизан* «семья»: *хизан-ди, бустан* «огород»: *бустан-ди, кьургьушум* «свинец»: *кьургьушум-ди, ккелехъан* «пастух»: *ккелехъан-ди и х1уппехъен* «чабан»: *х1уппехъен-ди, кар* «работа»: *кар-ди* и т.д.

Как свидетельствует высказывание А.А. Магометова [1970, с. 73], а также данные выше имена существитель-

ные, морфему *-ди* в эргативе принимают в основном слова, оканчивающиеся на сонорные звуки *л, н, м* и *р*. Однако, в агульском представлены и слова, оканчивающиеся на гласный или на шумный согласный, которые в эргативе принимают все же морфему *-ди*: *мирас* «родственник»: *мирас-ди, бег* «князь»: *бег-ди, багъ* «сад»: *багъ-ди* и другие.

2. Окончание *-ура* в эргативе принимают имена существительные единственного числа: *диф* «туча»: *диф-ура, арс* «серебро»: *арс-ура, йиркI* «сердце»: *йиркI-ура, луф* «голубь»: *луф-ура, дустт* «друг»: *дустт-ура, чаркк* «птенец»: *чаркк-ура, нетI* «гнида»: *нетI-ура, мез* «язык»: *мез-ура, г1уд* «куропатка»: *г1уд-ура, зибз* «муравей»: *зибз-ура, варв* «пчела»: *варв-ура, гIуб* «лягушка»: *гIуб-ура, тIутI* «муха»: *тIутI-ура, чIид* «блоха»: *чIид- ура* и т.д.

При сравнении данных выше лексем с соответствующими других родственных дагестанских языков выявляется, что анлаутный *у* окончания эргатива *-ура* не является принадлежностью основы данных имен. Этот гласный, возможно, является или органическим элементом самого окончания, или же гласным, сформировавшимся перед окончанием -ра и основой имени во избежание стечения согласных. С течением времени этот гласный мог бы стать элементом морфемы эргатива, хотя агульский язык допускает стечение «шумный + сонорный». Гласные звуки, стоящие между согласным основы и согласным морфемы эргатива, мы рассматриваем как принадлежность окончания эргатива, так как его выделение из состава морфемы противоречит и склонению существительных по принципу двух основ. В частности, получается одна основа для номинатива и две основы для косвенных падежей (гласный + морфема эргатива).

В этой связи гласные элементы, стоящие между именами, оканчивающимися на согласный и перед сонорным согласным морфемы эргатива, мы рассматриваем как органические принадлежности окончания эргативного падежа.

3. Окончание *-ари* пока зарегистрировано лишь с двумя именами существительными, в частности, с именем *яI* «талия»: *яI-ари, чIирх* «мусор»: *чIирх- ари.*

4. Окончание *-ана* создает эргатив следующих имен существительных: *хьид* «весна»: *хьид-ана, гIул* «лето»: *гIул-ана, Iурд* «зима»: *Iурд-ана, цIул* «осень»: *цIул- ана.*

5. Окончание *-уна* представлено: *вец* «бык»: *вец-уна, урч* «теленок»: *урч-уна, лучI* «телка»: *лучЬуна, ярд* «бычок»: *ярд-уна, ург* «ягненок»: *ург-уна.*

6. Окончание *-ани* имеем со следующими словами: *ттур* «имя»: *ттур-ани, кIаш* «палка»: *кIаш-ани, яI* «середина»: *яIани.*

7. Если же имя имеет в ауслауте *-й*, то окончание эргатива будет *-яни*: *Iуй* «вилка»: *Iуй-ани, гIуй* «картошка»: *гIуй-ани.*

8. Окончание *-уни* принимают имена: *кIарч* «рог»: *кIарч-уни, борщ* «борщ»: *борщ-уни, бахтт* «счастье»: *бахтт-уни, гаф* «слово»: *гаф-уни, бурдж* «долг»: *бурдж-уни, вахтт* «время»: *вахтт-уни.*

9. Окончание *-ала* принимают имена: *кIантI* «нож»: *кIантI-ала, пяI* «курица»: *пяI-ала, къаз* «гусь»: *къаз-ала, хIуб* «овца»: *хIупп-ала, джакьв* «птица»: *джакьв- ала, ваз* «месяц»: *ваз-ала, кьуш* «ковш»: *кьуш-ала, ттур* «пажа для резки кизяка»: *ттур-ала.*

10. Окончание *-ела* принимают имена: *IамкI* «пот»: *IамкI-ела, ккекк* «петух»: *ккекк-ела, цIегь* «козел»: *цIегь-ела, чIекI* «рыба»: *чIекI-ела, чIапI* «хлопок»: *чIап-ела.*

11. Окончание *-йи* регистрируется в основном с именами, имеющими в номинативе гласный исход: *зурба* «молодец»: *зурба-йи, хунча* «поднос»: *хунча-йи, курпа* «крупа»: *курпа-йи, кIялла* «башня»: *кIялла-йи, устта* «мастер»: *устта-йи, чанта* «мешок»: *чанта-йи, куьча* «улица»: *куьча-йи, сумка* «сумка»: *сумка-йи, пIалтIу* «пальто»: *пIалтIу-йи, шуша* «бутылка»: *шуша-йи, аптека* «аптека»: *аптека-йи, бахта* «лепешка»: *бахта-йи, бала* «горе»: *бала-йи, банка* «банка»: *банка-йи, бахча* «сад»: *бахча-йи, бадра* «ведро»: *бадра-йи, будала* «дурной»: *будала-йи, гада* «мальчик»: *гада-йи, сукIра* «миска»: *сукIра-йи* и т.д.

В составе данных выше морфем эргатива участвуют согласные элементы: *д, р, н, л* и *й*. Последующие морфемы эргатива состоят лишь из гласных звуков. Основы таких имен оканчиваются на согласный звук.

12. Гласный *а* экспонирует эргатив нижеследующих имен существительных: *абаб* «тетя»: *абаб-а, адад* «дядя»: *адад-а, баб* «мама»: *баб-а, дад* «пап»: *дад-а, руш* «девочка, девушка»: *руш-а, сул* «лиса»: *сул-а, хIуч* «волк»: *хIуч-а, гIур* «заяц»: *гIур-а, рух* «родник»: *рух-а, хIабаб* «бабушка»: *хIабаб-а, хIадад* «дедушка»: *хIадад-а, кIирк* «сын»: *кIирк-а, сал* «сарай»: *сал-а, ккел* «ягненок»: *ккел-а, кьедибан* «еж»: *кьедибан-а, хIан* «двор»: *хIан-а, къурч* (заброшенный дом) – *къурч-а* и другие.

13. Гласный *и* имеют в эргативе следующие лексемы: *абанкьул* «лоб»: *абанкьул-и, адвокат* «адвокат»: *адвокат-и, аджал* «смерть»: *аджал-и, азият* «мучение»: *азият-и, айрупалан* «самолет»: *айрупалан-и, гIазаб* «мука»: *гIазаб-и, Iазар* «болезнь»: *Iазар-и, Iайиб* «стыд»: *Iайиб-и, багниш* «медведь»: *багниш-и, балугъ* «рыба»: *балугъ-и, балхун* «гной»: *балхун-и, бармак* «шапка»: *бармак-и, баракат* «счастье»: *баракат-и, базар* «базар»: *базар-и, бурунз* «рис»: *бурунз-и, битIун* «бидон»: *битIун-и, бархIам*

«платье»: *бархIам-и, дагьар* «гора»: *дагьар-и, джил* «земля»: *джил-и, гитан* «кошка»: *гитан-и, бетIур* «грязь»: *бетIур-и, дерец* «коса – орудие труда»: *дерец-и, джехьер* «груша»: *джехьер-и, кIил* «голова»: *кIил-и, ппил* «лук»: *ппил-и, чIил* «ремень»: *чIил-и, чIир*» «поле»: *чIир-и, гъил* «рука»: *гъил-и, гъул* «ниша»: *гъул-и, къадакъ* «гвоздь»: *къадакъ-и, цIахун* «бревно»: *цIахун-и, ттун* «шерстяная нитка»: *ттун-и, ишан* «шрам»: *ишан-и, кулак* «ветер»: *кулак-и, угъал* «дождь»: *угъал-и, ибур* «ухо»: *ибур-и, силеб* «зуб»: *силеб-и, сив* «рот»: *сив-и, ул* «глаз»: *ул-и, устул* «стул»: *устул-и, кIедж* «бумага»: *кIедж-и, фун* «живот»: *фун-и, шалвар* «штаны»: *шалвар-и, тIагар* «окно»: *тIагар-и, тIибитI* «виноград»: *тIибитI-и, зерфел* «сито»: *зерфел-и, хьириг* «веник»: *хьириг-и, гъалатI* «ошибка»: *гъалатI-и, муджур* «борода»: *муджур-и, утун* «спина»: *утун-и, мухур* «грудная клетка»: *мухур-и, ярхIун* «рана»: *ярхIун-и* и т.д.

14. Гласный *у//уь* образует эргатив зафиксированных ниже слов: *зав* «небо»: *зав-у, лек* «нога»: *лек-у, тук* «цветок»: *тук-у, цIаб* «лист»: *цIаб-у, рудж* «хвост»: *рудж-у, чIар* «волос»: *чIар-у, ракк* «дверь»: *ракк-у, Iул* «мышь»: *Iул-у, рагъ* «солнце»: *рагъ-у, багъ* «фитиль»: *багъ-у, чарх* «колесо»: *чарх-у, хIав* «воротник»: *хIав-у, рукь* «железо»: *рукь-у, чад* «цепь»: *чал-у, пул* «деньги»: *пул-у, ранг* «краска»: *ранг-у, нецIв* «река»: *нецIв-у, лит* «бурка»: *лит-у, некк* «молоко»: *некк-у, уьтв* «мед»: *уьтв-у, нирх* «просо»: *нирх-у, чанг* «щепотка»: *чанг-у, таб* «вена»: *таб-у...; ибхь* «снег»: *ибхь-уь, ряхъ* «дорога»: *ряхъ-уь, руьхъ* «зола»: *руьхъ-уь, амкI* «сон»: *амкЬуь, лекI* «печень»: *лекЬуь, мидж* «крапива»: *мидж-уь, эхъ* «тень»: *эхъ-уь* и т.д.

15. В агульском языке ныне регистрируются и имена существительные, эргатив которых формирует нулевая морфема, т.е. выступают в чистой основе. Это свидетель-

ствует о том, что у таких существительных основа эргатива совпадает с основой номинатива. По справедливому замечанию А.А. Магометова [1970, с. 79], такими именами в агульском языке оказываются существительные, в исходе которых представлен гласный *и: ризкьи* «хлебный злак»: эрг. также *ризкьи, къари* «старуха»: эрг. *та*кже *къари, идеми* «мужчина»: эрг. также *идеми, хIуни* «корова»: эрг. также *хIуни, гуни* «хлеб»: *гуни, бизи* «женская грудь»: *бизи*, а также: *гъури* «вешалка»: *гъури, дяIви* «война»: *дяIви, мяIни* «песня» *мяIни, къери* «облако»: *къери, сюри* «каталка для покойника»: *сюри, даги* «осел»: *даги,* собственные имена: *Нури, Бари, Шафи, Суфи, Пери, Гури* и т.д.

Без морфемного оформления ныне в собственно агульском диалекте выступают имена существительные, оканчивающиеся на гласный *-и*, и, по всей вероятности, в результате фонетического процесса *-йи* → (выпадением → *ии*) (и слияние гомогенных их в одном).

Для иллюстрации процесса образования эргатива в современном агульском языке мы привлекали как можно больше лексического материала по следующим причинам.

Во-первых, чтобы по мере возможности избежать не слишком обоснованных выводов, основанных на двух-трех примерах.

Во-вторых, оказать посильную помощь начинающим исследователям агульского языка, практически не владеющим его основами, так как определить какое существительное в эргативе примет та или иная морфема заранее определить невозможно. Невозможно также предугадать, какой гласный звук начнет функционировать между основой имени и согласным элементом морфемы эргатива.

В-третьих, отстутствие в современном литературном агульском языке каких-либо лексикографических, орфо-

графических и других справочных источников заставило нас использовать как можно больше фактического материала, способного в определенной степени оказать действенную помощь в становлении литературного агульского языка.

Как указано выше, мы выделили пятнадцать случаев образования эргатива в агульском языке, четырнадцать из которых формируются морфологическими средствами. Морфемами эргатива современного агульского языка мы считаем: *-ди, -ари, -ура, -ана, -уна, -ани(-яни), -уни, -ала, -ела, -йи, -а, -и, -у*. Мы не включили в их состав морфемы *-джу, -джи*, и *е*, характерные для цирхинского говора [Сулейманов 1993, с. 100], а также *-й* [Магометов 1970, с. 80], специфичный для керенского диалекта. Б.Г. Ханмагомедов выделяет в агульском десять морфем эргатива: *-и, -у, -а(аь), -ди, -ий, -ла (-ала, -ела), -ри, -ра(-ура, уьра), -на(-уна), -ни(-ани, уни)* [Ханмагомедов 1958, с. 308].

Эргативный падеж, как выяснено еще П.К. Усларом [1890, с. 27], является узловым пунктом в склонении имен дагестанских языков.

Исторически образование же эргатива в свою очередь регулируется принадлежностью имени к тому или иному классу; наблюдаемые же отклонения – явления вторичного порядка; они обусловлены сдвигами в истории грамматических классов, следовательно, представляют собою ценнейший материал для уяснения содержания и характера этих сдвигов [Чикобава 1948, с. 11].

В этой же статье Арнольда Степановича Чикобава на примере флексии аварского эргатива *-с (ваца-с, бечеда-с...)* отмечает, что «ярко прослеживается связь флексии эргатива с грамматическими классами» [Чикобава 1948, с. 11].

Раз существует прямая связь образования эргативного падежа и грамматических классов, то распределение имен существительных по показателям эргатива исторически действительно осуществлялось по семантическому принципу. По поводу этого принципа Б.Ханмагомедов справедливо замечает, что согласные элементы в детерминантах эргатива д, р, д, н мы вслед за А. Дирром и другими исследователями считаем древнейшими классными показателями, которые в настоящее время уже не ощущаются в языке как таковые..., перестали ощущаться давным-давно. Отнесение слов к той или иной группе или классу при образовании эргатива, которое в далекой древности основывалось на каких-то семантических принципах, издавна уже стало чисто формальным явлением... Далее, Б. Г.-К. Ханмагомедов указывает, что в односложных древних словах... мы можем проследить отдельные явления, говорящие о том, что в основе отнесения тех или иных слов к различным типам образования эргатива лежали семантические признаки. Так, в лезгинском языке почти все слова, в показателе эргатива которых фигурирует р, являются названиями различных животных и птиц, что было замечено еще П.К.Усларом, а затем и Л.И. Жирковым. В табасаранском и агульском языках большинство этих слов также образует эргатив посредством показателей с согласными р, д. Любопытно весьма, что слово *лукI* «раб», которое в лезгинском языке относится к той группе слов, куда входят названия животных и птиц (на что также обратил внимание П.К. Услар и Л.И. Жирков), в табасаранском и агульском языках образует эргатив по тому же способу. Ср. лезгинск. *лукI-лукIра* с табасаранск. *лукI-лукIру* и агульск. *лукI- лукIура* [Ханмагомедов 1958, с. 319 - 320].

Не слишком убедителен М.Е. Алексеев [1985, с. 28], который пытается распространить семантический принцип на лезгинские языки в целом, несмотря на то, что еще в 1958 году Б.Г.-К. Ханмагомедов достаточно ясно установил суть этого принципа как в прошлом, так и в нынешнем состоянии развития лезгинских языков.

Одновременно необходимо отметить, что не только образование морфем эргатива связано с категорией грамматических классов, но и формирование показателей множественного числа. В образовании этих двух категорий имени существительного непосредственное участие принимают одни и те же консонантные элементы, выступающие в качестве экспонентов грамматических классов в тех языках, где эта категория и по настоящее время является функционирующей. Даже в тех языках, где эта категория перестала функционировать (лезгинский, агульский), выделенные окаменелые элементы грамматических классов: *д (т, тт, тI), р, й, н, л, б (м||в,ф)* свидетельствуют о том, что некоторые из них принимают участие в образовании множественного числа имен существительных.

Так, проделанный еще в 1958-1961 годах Акиевым А.Ш. анализ реликтовых элементов лакского эргативно-родительного падежа и показателей множественности имен существительных, достаточно убедительно указывает, что при формировании этих категорий использованы в прошлом одни и те же консонантные элементы, возводимые по нижеследующей схеме к экспонентам грамматических классов:

д ↗ *л, н*
д → *р* → *й*
д ↘ *т, тт* [Акиев 1964, с. 15].

При образовании в лакском множественного числа элементы *д, р, л, н, т, б, в, тт* в ауслауте оформлены гласными *и* и *у*. Далее А.Ш. Акиев пишет, что при исключении из состава периодически чередующихся одинаковых согласных элементов, останутся следующие согласные флексии: *д, р, д, н, т, и, б, в, хъ, кI*. Из этих флексий *д, р, д, н, й, б, в* ныне выступают как в лакском, так и в других дагестанских языках в роли экспонентов грамматических классов [Акиев 1964, с. 16].

Теперь, если сравнить согласные элементы морфем эргатива агульского языка с данными выше флексиями лакского языка, то станет ясным, что в образовании эргатива и множественности участвуют одни и те же консонантные элементы (*д→ р→й; д→ н; д→ л;* и *д→ р→ й→ ∅* – нулевая морфема), обрамленные с обеих сторон огласовкой. Ср. также показатели множественности современного агульского языка *-ар, -б-ур (→||-вур), -й, -ар*, в которых *в* и *й*, по мнению А.А. Магометова, представляют наращения, появившиеся в интервокальной позиции между исходным гласным имени и гласным суффикса множественного числа *-ар* [Магометов 1970, с. 70]. А.А. Магометов также свидетельствует о том, что в табасаранском языке во множ. числе грамматические классы не различаются и что нынешние показатели категории человека используются для выражения множественного числа [Магометов 1965, с. 80].

Что касается фонетического процесса *д→ р→ й*, наблюдаемого как на общедагестанском уровне [Чикобава 1942, с. 379-387] (лак. *д-уш*: «девочка», «девушка», «дочь» -> лезг. *р-уш* → авар, *й-ас)*, так и на диалектном уровне одного и того же языка [Магометов 1982, с. 18] (мегеб. диал. *дурси* → урах., акуш. *рурси* → кубач. *й-уссе*), то в

литературе имеется достаточно обоснованная интерпретация.

И, наконец, чрезмерная рефлексация основного консонантного элемента морфемы агульского эргатива *д (д→ р→ й→ ∅; д→ н, д→ д)* [Чикобава 1948, с. 116] свидетельствует о том, что эргатив в этом языке переживает период ущербности, упадка его морфологической значимости, период его деструкции. Особенно это проявляется в именах существительных, в которых эргатив ныне образуется как нулевой морфемой *(д→ р→ ∅)*, так и гласными маркерами (*а, и, у*). Об этом же говорят и диалектные данные, в которых образование эргатива одной и той же лексемы проводится разными морфемами. Спонтанная рефлексация элемента основной морфемы *д* на несколько согласных с более слабыми артикуляционными характеристиками также убеждает нас в том, что образование эргатива ныне в агульском находится в состоянии распада, процесс которого может протекать все дальше и дальше в течение длительного периода времени. Видимо, идентичными были и причины, способствовавшие исчезновению эргативного падежа в лакском языке, который оставил после себя в качестве реликтовых элементов многочисленные показатели этого падежа, проявляющиеся ныне в формах родительного и других падежей.

Однако же существует и другое мнение, что наличие множества показателей эргатива, обусловленное исторически развитой системой грамматических классов, явление более древнее, сравнительно с оформлением эргатива меньшим количеством падежных флексий [Чикобава 1948, с. 113].

В процессе исследования флексий эргатива лезгинского, агульского и табасаранского языков в плане диахронии Б.Г.-К. Ханмагомедов пришел к такому заключе-

нию: а) согласные элементы в флексиях эргатива *д, р, д, н* – показатели грамматических классов; б) исконными показателями эргативного падежа являлись *и, а, у*, которые могли выступать или в чистом виде или же в сочетании с согласными *д, р, д, н*, причем основную роль показателей эргатива играют указанные гласные; в) из указанных же выше гласных «возможно, основным и единственным, показателем эргатива являлся гласный *и*» [Ханмагомедов 1958, с. 318 - 319].

В этом контексте мнения ученых-кавказоведов значительно расходятся. Так, по мнению А.А. Магометова, исходным для суффикса *-и* в агульском языке является суффикс *-ди* ... Наличие одного гласного в качестве суффикса эргатива в подобных примерах вторично. Гласный, исторически не являющийся суффиксом эргатива, но ныне несущий функции падежного форманта, может оформить эргатив заимствованного слова. Многообразие суффиксов эргатива в агульском ... является результатом фонетических изменений и диалектных вариантов. В ряде случаев обнаруживается утрата самого суффикса эргатива и его совпадение с именительным падежом [Магометов 1970, с. 76, 78, 80; 1965, с. 97-1000].

Как известно, лакский язык – это единственный язык из всех дагестанских языков, в котором утерян эргативный падеж, но его исторические рефлексы, выступающие и ныне в формах родительного и других падежей, свидетельствуют об идентичных фонетических процессах, подвергшихся в прошлом морфемы эргатива и множественного числа. По этому поводу А.Ш. Акиев замечает: «... при образовании форм эргатива и основы множественного числа имен в лакском языке в прошлом основную роль играли экспоненты грамматических классов... Древнейшим экспонентом грамматического класса вещей в гор-

ских иберийско-кавказских языках является д̲. Согласный д̲ и его огласованные фонетические варианты – основные показатели множественного числа имен также и в лакском языке» [Акиев 1964, с. 124].

1.3. Образование множественного числа номинатива и эргатива агульского языка

Имена существительные, оканчивающиеся на согласный звук, в собственно агульском диалекте образуют номинатив множественного числа с помощью маркера *-ар*||-*ер*, а если номинатив в ауслауте имеет й̲, то с помощью -*яр(йар)*.

1. *-ар: цул* «осень»: *цул-ар, вец* «бык»: *вец-ар, урч* «теленок»: *урч-ар, диф* «туча»: *диф-ар, мез* «язык»: *мез-ар, гардан* «шея»: *гардан-ар, джил* «голос»: *джил- ар, душман* «враг»: *душман-ар, лек* «нога»: *лек-ар, хвецI* «клещ»: *хвецI-ар, нетI* «гнида»: *нетI-ар* и т.д.

2. *-ер* принимают имена существительные: *ибхь* «снег»: *ибхь-ер, ряхъ* «дорога»: *ряхъ-ер, руьхъ* «зола»: *руьхъер, лекI* «печень»: *лекI-ер, эхъ* «тень»: *эхъ-ер* и т.д. По мнению А.А. Магометова, гласный суффикса множественного числа может ассимилироваться также с *е*, в частности, под влиянием гласного основы, т.е. наблюдаются элементы сингармонизма (*чуькI* «кузнечик»: *чуькI-ер, чIекI* «рыба»: *чIекI-ер.; лекI* «печень»: *лекI-ер*) [Магометов 1970, с. 72].

Нам думается, что в данном случае не совсем точен А.А. Магометов, так как подобная «ассимиляция и элементы сингармонизма» не наблюдаются в таких словах, как *хвецI – хвецI-ар, нетт – нетт-ар, мез – мез-ар* и т.д. О какой ассимиляции и явлении сингармонизма может идти речь в лексеме *гъван* «камень»: *гъван-ар*, в которой, наоборот, представлен процесс диссимиляции.

3. Маркер множественности *-яр (-йар)* принимают имена существительные, имеющие в ауслауте сонорный *й*. При этом необходимо учесть, что между <u>й</u> основы имени и инициальным <u>й</u> маркера проходит слогораздел: *Iуй* «вилка»: *Iуй-яр (-йар), гIуй* «картошка»: *гIуй-яр (-йар), пай* «половина»: *пай-яр (-йар), даллай* «частушка»: *даллай-яр (-йар), хьей* «шерсть»: *хьей-яр(-йар).*

4. Показатель, множественности *-бур* в собственно агульском принимает «большинство имен существительных, имеющих в ауслауте основы гласный звук: *хунча* «поднос»: *хунча-бур*, *чанта* «мешок»: *чанта-бур*, *куьча* «улица»: *куьча-бур*, *бадра* «ведро»: *бадра-бур, бала* «горе»: *бала-бур, даги* «осел»: *даги-бур, туьтуь* «слюна»: *туьтуь-бур, кIетIа* «лопата»: *кIетIа-бур, бизи* «сосок»: *бизи-бур* и т.д. Слово *гада* «мальчик» в этом диалекте образует форму множественности с помощью маркера – *вур (←бур): гада – гада-вур*. Еще Н.Д. Сулейманов свидетельствует, что в агульском языке отмечен факт, когда повсеместно, т.е. во всех локальных единицах, включая керенский диалект и хпюкский говор, субстантивы с гласным исходом присоединяют аффикс *-вар (-вур),* и это зафиксировано им всего лишь в двух словах: хлеб и корова: собс. агуль. диал. *гуни* «хлеб»: *гуни-вар, хIуни* «корова»: *хIуни-вар* [Сулейманов 1993, с. 92-93]. В слове *ху* «пашня», «поле» для собственно агульского диалекта Н.Д. Сулейманов регистрирует форму множ. числа с морфемой *–<u>ппур</u>* [Сулейманов 1993, с. 93]. Морфема *-<u>ппур</u>* может встретиться в этом диалекте и с другими лексемами как фонетический вариант исходного *-<u>бур</u> (←*бар)* в устах отдельных представителей данного диалекта.

При образовании множ. числа от слов *хьир* «женщина» и *руш* «девочка, девушка, дочь» возникает явление супплетивизма: *руш – шибер* (эрг. *руш-а – шибер- и), хьир*

– *хум-бар* (ср. лак. *щар// щар-сса* «женщина, жена» -множ. ч.: *хъами)*.

5. Для маркеров множественности -бур(→ | -вур) исходной формой является -бар (→ ||-вар) и гласный у маркеров -бур(→ ||-вур) вторичен, так как а изменяется в у под влиянием губного б(в) [Магометов 1970, с. 69 - 70].

Мы полагаем, что маркер множественности *-бар(→ || -вар)*, регистрируемый ныне в агульских диалектах, представляет собой один из древних аффиксов множественности. Его отзвук обнаруживается и в соответствующем показателе лакского языка, используемом для образования множ. числа от слов *чу* «мужчина». Ныне этот показатель имеет следующую звуковую оболочку *-баркI (→ -варкI*).

По поводу этого показателя А.Ш. Акиев пишет: «В составе форманта множественности *-варкI||-баркI*» (в вицх. говоре) обнаруживаются элементы: а) экспоненты грамматических классов б и в; б) формант множ. числа *р*; и *в*) неизвестный ныне согласный элемент *кI*. По мнению А.Ш. Акиева, *-кI-* остаток другого имени, которое следовало за формантом *-р-,* так как после *кI* в родительном падеже обнаруживаются еще: а) реликт эргатива *ы* и *б*) второй показатель множ. числа *н (←д)||д-* в вицх. говоре.

Им. п. *чи-варкI||чи-баркI* (мужчины)

6. Род. п. *чи-в-а-р-кI-у-н-н-а-л||чи-б-а-р-кI-у-н-д-а-л* [Акиев 1977, с. 17].

Так, если выбросить из состава этого маркера конечное наращение *-кI,* то останется показатель *-бар||-вар* вполне идентичный соответствующему аффиксу современного агульского языка.

7. Что касается анлаутных согласных *й||в* агульского аффикса *-бар||-вар*, все специалисты видят в них окаменелые показатели категории грамматических классов [Магометов 1970, с. 70; Топуриа 1973, с. 263].

1.4. Аблаут и редупликация основы при образовании форм множественного числа

Аблаут – древнее грамматическое чередование гласных, с помощью которого происходило формообразование различных категорий в морфологической системе языка. Следы аблаута сохранили до сего времени и некоторые иберийско-кавказские языки. По мнению Ю.Д. Дешериева, чередование гласных именных и глагольных основ ... своими корнями уходит в глубокую древность, поэтому оно должно было в какой-то мере отразиться в дагестанских и абхазско-адыгских языках. Далее Ю.Д. Дешериев подчеркивает, что подобно тому, как германский аблаут не может быть освещен, как полагают, только на основании данных германских языков, так и нахский аблаут не может быть проанализирован с необходимой полнотой без данных дагестанских и абхазско-адыгских языков [Дешериев 1963, с. 363-364].

В качестве реликтового явления аблаут сохранился в агульском языке в отдельных односложных именах существительных при образовании форм падежей как единственного, так и множественного числа. При этом происходит чередование «внутренней флексии», т.е. гласный *а* замещается гласным *у*:

ед. число	множ. число
ном. *хал* «комната, дом»	*хул-ар*
эрг. *хул-а*	*хул-ар-и*
ном. *хьар* «печь для выпечки хлеба»	*хьур-ар*
эрг. *хьур-а*	*хьур-ар-и*
ном. *бав* «мать» (с. Рича)	*був-ар*

эрг. *був-а* *був-ар-и*

Встречается и аблаут, когда гласный *а* основы заменяется гласным *и*:

ном. *цал* «стена» *цил-ар*
эрг. *цил-и* *цил-ар-и*

Попадаются и лексемы, единственное число которых избавилось от аблаута, но множественное число сохранило его:

ном. *кIар* «палка» (с. Буршаг) *кIур-ар*
эрг. *кIар-у* *кIур-ар-и*

8. Явление аблаута сравнительно шире сохранилось и в лакском языке [Муркелинский 1971, с. 99]: *мах* «железо», род. п. *мухх-а-л; баргъ* «солнце», род. п. *бургъ-и-л* и т.д. Единственной отличительной особенностью лакского аблаута является то, что его действие распространяется лишь на родительный падеж обоих чисел, в то время как в агульском языке им охвачен и номинатив множественного числа:

ед. число	множ. число
ном. *хъацI* «саранча»	*хъацI-ру*
род. п. *хъуцIулил*	*хъуцIурдил*
ном. *ттархь* «палка»	*ттархь-ру*
род. п. *ттуршал*	*ттуршардил*.

9. Значительный след оставило явление аблаута и в именах существительных диалектов даргинского языка [Магометов 1963, с. 97-107].

Но особенно сильно его влияние в системе изменения глагольных форм кубачинского и других диалектов даргинского языка. Так, в образовании аспекта в даргинском языке участвует противопоставление основ, т.е. одним из

способов различения аспекта является чередование гласных в основе глагола:

кубач. диал. *урах. диал.*

ассий «купить» – *иссий* «покупать» *асис-исис*

балгъий «срубить» – *булгъий* «рубить» *балъис* – *булъис* и т.д.

Такими чередованиями гласных при образовании аспекта в даргинском А.А. Магометов считает: *а-и, е-и, у-и, а-у, е-у, и-у* [Магометов 1963, с. 160]. Влияние аблаута в системе даргинского глагола ныне настолько велико, что возникает сомнение, не является ли оно явлением вторичного происхождения. Так или иначе, способ формообразования имен и глаголов путем использования внутренней флексии как агульского, так и других дагестанских языков представляет наиболее существенный интерес для реконструкции исторической морфологии этих языков. Однако, к сожалению, на это явление обращается в них меньше всего внимания.

Не менее важными, с нашей точки зрения, для исторической морфологии дагестанских языков являются и следы образования грамматических форм путем редупликации основ имени. В собственно агульском диалекте мы имеем таких слов всего два: *чу* «брат»: ср. лак. *чу* «мужчина», а форма множ. числа – *ччуччу; чи* «сестра», а форма множ. числа *ччиччи*. На наш взгляд, выпадение конечного <u>*й*</u> едва ли могло вызвать редупликацию основ этих лексем [Магометов 1963, с. 169]. Явление это намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Ср. данные цирхинского говора: чи-чи- джи и чу – *чу-джу (←джи||-джу←*ди||-*ду→ ри||-ру)*. «Появление в цирхинском говоре показателей -<u>*джи*</u> *и* -<u>*джу*</u> наводит на мысль, что эти формы восходят к *-ди* и *-ду* и является результатом частичной ассимиляции под влиянием корневой аффрикаты

ч» [Сулейманов 1993, с. 100].. Бесспорно прав Н.Д. Сулейманов, когда конечные *ччи инну* этих слов возводит к -*ди* и -*ду*. Ср. также два основных показателя множ. числа лакского языка -*ду* и -*ди*, которые способствовали формированию в нем многочисленных маркеров плюральности имен [Акиев 1977, с. 17-18].

Далее, для нашего исследования представляет интерес и лексемы, которые образуют множественное число путем повтора соответствующей морфемы множественности. Таких слов А.А. Магометов приводит всего два: *куч* «коса» и *некьв* «могила» [Магометов 1963, с. 71], а Н.Д. Сулейманов к ним добавляет еще: *пут* «конская грива» и *уд* «зернышко» [Сулейманов 1993, с. 94]. Таким образом, эти слова образуют множ. число путем повтора одной и той же морфемы: *куч* «коса»: *куч-ар-ар, некьв* «могила»: *некьв-ар-ар, пут* «конская грива» – *пут-ар-ар* и *уд* «зернышко» – *уд-ар-ар.* Нами еще зарегистрированы: *джин* «черт» – *джинарар, хъухъ* «нос» – *хъухъерар.*

Когда язык в течение нескольких тысячелетий находится в состоянии естественного развития, не имея никакого внешнего нормативного влияния, в нем формируется множество отклонений, подчиняющихся внутренним законам его развития. Такие исключения из общего правила встречаются и в других языках. Так, в лакском языке слово *ттучан* «магазин» оформляется двойным маркером множественности: *ттучан + т* и *ттучан-т-ру* или слова, оформляющие множ. число маркером -*уллу*, имеют еще и второй аффикс множественности *-в (-улли + в←*уллу + в): хъунтIа* «яма»: *хъунтI-уллу* и *хъунтI + улли + в (←*хъунтIуллув)* [Акиев 1977, с. 11] и т. д.

В лезгинском языке предприняты попытки один из аффиксов такого множ. числа квалифицировать как показатель ограниченного множественного (двойственного)

числа [Мейланова 1985, с. 56]. Как нам думается, аргументированность двойственного числа имен существительных приобретает свою значимость только тогда, когда оно находит свое выражение в соответствующих морфемах в системе глагола. Но таких согласовательных морфем двойственного числа в глагольной системе ни одного из дагестанских языков пока еще не обнаружено.

1.5. Образование эргатива, генитива, и датива единственного и множественного чисел

Во множественном числе агульские имена существительные также склоняются по принципу двух основ. Однако, в отличие от единственного числа, где отличается большое количество показателей основы эргатива, во множественном числе он присоединяет единственную морфему -*и*. Как и в других агглютинативных языках, между основой имени и падежным окончанием эргатива -и стоит маркер множественности -ар- и спорадично -бур-:

ед. число	*мн. число*
ном. *дад* «отец»	*дад-ар*
эрг. *дад-а*	*дад-ар-и*
ном. *бахча* «сад	*бахча-бур*
эрг. *бахча-йи*	*бахча-бур-и*
ном. *хал* «комната, дом»	*хул-ар*
эрг. *хул-а*	*хул-ар-и*
ном. *чу* «брат», (с. Рича)	*чучч-ар* (с.Рича)
эрг. *чучч-у*	*чучч-ар-и*

и т.д. [Магометов 1970, с. 70].

Таким образом, образование эргатива множественного числа не представляет никаких трудностей.

Зная основу эргатива единственного числа, легко образовать и родительный (генитив) падеж агульского языка, так как к основе эргатива обоих чисел прибавляется морфема генитива *-н*:

ед. число	*мн. число*
эрг. *гага-ди* «отец», (с.Буршаг)	*гага-бур-и*
род. *гага-ди-н*	*гага-бур-и-н*
эрг. *гада-й-и* «мальчик»	*гада-вур-и*
род. *гада-й-и-н*	*гада-вур-и-н*
эрг. *вец-уна* «бык»	*вец-ар-и*
род. *вец-уна-н*	*вец-ар-и-н*
эрг. *йуркIура* «сердце»	*йуркI-ар-и*
род. *йуркI-ура-н*	*йуркI-ар-и-н*
эрг. *мирас-ди* «родственник»	*мирас-ар-и*
род. *мирас-ди-н*	*мирас-ар-и-н.*

[Магометов 1970, с. 70].

Соответственно, прибавляя к основе эргатива морфему дательного падежа *с*, также легко образуются и формы датива:

эрг. *кIур-лни* «палка»	*кIур-ар-и*
род. *кIур-ани-н*	*кIур-ар-и-н*
дат. *кIур-ани-с*	*кIур-ар-и-с*
мн. число	*ед. число*
эрг. *джил-ди* «голос»	*джил-ар-и*
род. *джил-ди-н*	*джил-ар-и-н*
дат. *джил-ди-с*	*джил-ар-и-с*
эрг. *шуша-йи*	*шуша-бур-и*

род. *шуша-йи-н* *шуша-бур-и-н*
дат. *шуша-йи-с* *шуша-бур-и-с*

эрг. *хул-а* «дом» *хул-ар-и*
род. *хул-а-н* *хул-ар-и-н*
дат. *хул-а-с* *хул-ар-и-с*

эрг. *ракк-у* «дверь» *ракк-ар-и*
род. *ракк-у-н* *ракк-ар-и-н*
дат. *ракк-у-с* *ракк-ар-и-с* и т.д.

Такова парадигма склонения имен существительных агульского языка по основным его падежам.

1.6. Функции основных падежей агульского языка

Номинатив единственного числа в агульском языке морфологически не оформлен. Он является основой имени существительного. Во множественном числе номинатив оканчивается на сонорный *-р*, являющийся ауслаутным согласным маркером множественности: *-ар, -бар*||*-вар*→ *-бур*||*-вур, -ппур(*←*-бур)*.

Когда мы говорим об основных функциях падежей, мы, прежде всего, имеем в виду их синтаксические функции, указывающие на взаимоотношения субъекта, предиката и прямого и косвенного объектов. В этой связи номинатив агульского языка, как и во всех дагестанских языках, является, во-первых, падежом субъекта «при интранзитивах статической и динамической природы: *гада гъархьунаая* – «мальчик спит», *дад итархьунаая* – «отец болеет», *руш гьуккая* – «девочка (девушка) бегает»..; во-вторых, номинатив является падежом субъекта при составном именном сказуемом: *руш иджеф э* – «девочка

(девушка) хорошая», *хулар ппара ая* – «много домов» (букв.: дома много есть)», *Iумур джекъе э* – «жизнь коротка (букв.: жизнь короткая есть)»..; в-третьих, номинатив в агульском входит также в состав самого именного сказуемого: *ги ликIенди а* – «он пишет (есть)», *Iумар хьунай меIалим* – «Омар стал учителем (учитель)», *Юсуп Iакьул кейе-гада э* – «Юсуп умный мальчик (есть)» и т. д.

Номинатив в агульском является и падежом объекта (прямого дополнения) при транзитивах (при переходных глаголах). Примерами, иллюстрирующими участие номинатива в функции реального объекта при переходных глаголах, могут служить: *баба (эрг.) ярхГуне руш* (ном.) – «мать побила дочь»; *дада (эрг.) утIуне гуни* (ном.) – «отец поел (покушал) хлеб»; *Кьубайи (эрг.) гъушуне китаб* (ном.) – «Кубай взял книгу» и т.д.

Как известно, основной синтаксической особенностью кавказских языков, в том числе и всех дагестанских, является наличие в их составе эргативной конструкции, неизвестной для индоевропейских языков, в частности, для русского языка. Сущность этой конструкции в том, что при переходных глаголах субъект действия стоит в специальном падеже, именуемым «эргативом». В школьной практике названием этого падежа служит «активный», а грузины называют его повествовательным (мотхробити).

Из специальной литературы известно, что эргативный падеж исторически является «первым именительным падежом» иберийско-кавказских языков [Чикобава 1937, с. 175].

В связи с этим падежом в кавказоведении возникли теории: о пассивном характере, об активном характере и о нейтральном характере глаголов кавказских языков.

Так, П.К. Услар [1889, с. 122-123] считал, что «в аварском языке так же, как и в чеченском, вовсе нет гла-

голов *действительных*, а одни лишь средние и страдательные. Винительного падежа нет в аварском языке по самому существу аварского глагола». Свою точку зрения о пассивности аварских глаголов П.К. Услар обосновывает следующим образом. В предложении: *инсуца чу бичула* «отец лошадь продает», реальный субъект *инсуца* «отец» стоит в эргативном падеже, в то время как реальный же объект *чу* «лошадь» стоит в именительном падеже. Кроме того, глагол согласуется в грамматическом классе с реальным объектом *чу* «лошадь», а не с реальным субъектом *инсуца* «отец».

По Услару, все эти странности легко разъясняются, если отказаться от мысли, что переходный глагол действительного залога и если в соответствующем предложении переходный глагол заменить глаголом страдательного залога: *инсуца чу бичула* (отцом лошадь продается). Такая структура, по Услару, окажется в полном соответствии друг с другом: реальный субъект *инсуца* (отцом) – эргативный падеж (косвенное дополнение!), а реальный объект *чу* (лошадь) – именительный падеж (подлежащее!); глагол согласуется с подлежащим, а не с косвенным дополнением.

Такова в основном сущность теории о пассивном характере глагола в кавказских языках.

«Представители теории активности считают, что переходные глаголы в эргативной конструкции – глаголы активные, равнозначные глаголам действительного залога. Но если это так, то в чем же заключается их своеобразие? Ведь переходные глаголы нормально и являются глаголами активными, глаголами действительного залога» [Чикобава 1950, с. 7]. Представителями теории активности переходного глагола являлись С.Л. Быховская, Н.Ф. Яковлев, Ф.Н. Финк

Теории нейтральности эргативной конструкции придерживается А.С. Чикобава. Эта теория не касается вопроса о том, какого залога переходный глагол эргативной конструкции – действительного или страдательного; так как, по мнению А.С. Чикобава, залоги эти при образовании эргативной конструкции в переходном глаголе не различались, то, следовательно, и переходный глагол не был дифференцирован в отношении залогов [Чикобава, 1950, с. 7]. Более того, А.С. Чикобава считает, что эргативный падеж генетически связан с именительным падежом [Чикобава 1948, с. 15] и, что он прямой, но отнюдь не косвенный падеж, представляя исторически (по времени образования) «первый именительный падеж» [Чикобава 1950, с. 17].

Исключительно важное значение для теории эргативности имеет и вывод, вытекающий из исследований дагестанских и картвельских языков, о том, что «на примере этой флексии (имеется в виду флексия аварского эргатива на-с) ярко прослеживается связь флексии эргатива с грамматическими классами» [Чикобава 1950, с. 9].

Таким образом, проблема эргатива и эргативной конструкции – это узловая проблема всех иберийско-кавказских языков, в том числе и агульского языка.

Так, эргатив в агульском языке не совпадает ни с каким другим падежом, а представляет собой самостоятельную морфологическую единицу.

Как было отмечено выше, основной синтаксической функцией эргатива в агульском языке является выражение реального субъекта при транзитивах (при переходных глаголах): *ччуччу атIариа кIурар* «брат рубит дрова», *ччуччу атIариа кIурар якIванилди* «брат рубит дрова топором»; *дада фикир аркьая* «отец думает» (букв.: отец думу делает); *Iумара йине Камилас хIуни* «Омар отдал Камилю ко-

рову»; *баба хIайзур акьуне ямак* «мать приготовила обед», *гадайи ликIендиа кIидж* «мальчик пишет письмо» и т.д.

В процессе исследования табасаранского языка – языка генетически самого близкого к агульскому языку, П.К.Услар заметил, что в его хинагском говоре значение орудия действия (т.е. значение инструменталиса, соответствующего творительному падежу русского языка) передано эргативом и как представитель «пассивного характера глагола» кавказских языков (см. выше) он переводит такие конструкции предложения страдательными оборотами: *армири якIи илдивтIурдур гьар* «человек рубит дерево топором» (а по Услару: человеком топором рубится дерево); *армири белли ялкундур йишв, дирси йившурдур вукI, дагьури вугурдур дяхин* «человек заступом копает землю, косой косит траву, серпом жнет пшеницу» (а по Услару: человеком заступом копается земля, косой косится трава, серпом жнется пшеница») Однако П.К. Услар [1979, с. 18]. дает в своей монографии и примеры, выражающие функции инструменталиса местными падежами, образованными с помощью окончания *-ри.* Употребление эргатива в функции инструменталиса в табасаранском языке подтверждают и данные А.А. Магометова: «В ряде говоров табасаранского языка и в настоящее время, эргатив может выступать в функции орудия действия... В говорах табасаранского языка и поныне сохранилось употребление эргатива в функции орудия действия» [Магометов 1965, с. 132-133].

Употребление эргатива в функции инструменталиса всецело не прекращено ныне и в агульском языке. В этой функции эргатив агульского языка еще достаточно живуч в устном общении наряду с формами инструменталиса, образованного с помощью – формы суперессива на *-лди* (супераллатив). Однако, к сожалению, специалисты

агульского языка почему-то обходят в своих исследованиях эту проблему, хотя она имеет как практическую ценность, так и научно-теоретическую значимость.

Название инструменталис, как известно, дается орудию, с помощью которого совершается действие реальным субъектом и в определенном смысле соответствует функции, выполняемой творительным падежом русского языка. Выше мы привели пример: ччуччу атIариа кIурар якIвонилди, где и ччуччу (субъект действия) «брат», и якIвалди (инструменталис) «топор» стоят в эргативном падеже. Это вполне адекватно структуре предложения аварского языка: *инсуца* (эрг.) *къотIула цIул* (RO) *гIоштIоца* (эрг. в функции инструменталиса), ср. агульский вариант: *дада* (эрг.) *кIурар* (RO) *кьатI аркьая якIвалди* (эрг., инструменталис), или же: *руша* (эрг.) *гвар* (RO) *ацIас акьуне хьетти* (эрг., инструменталис) «девушка заполнила кувшин водой, т.е. *руша* (эрг.) и *хьетти* (эрг., интструменталис) стоят в эргативе.

То, что эргатив в иберийско-кавказских языках выполняет функцию реального субъекта, общеизвестно. В этой связи, на наш взгляд, больше следовало бы обращать внимание на функцию эргатива, выступающего в качестве инструменталиса, и в особенности в агульском языке.

Употребление эргатива в агульском языке зависит и от специфики некоторых переходных глаголов. Так, в агульском языке не произошла семантическая дивергенция глаголов «сжечь» и «сгореть». Как в значении «сжечь», так и в значении «сгореть» употребляется один глагол *угас: Хал угунай* «дом сгорел», *хал* (ном.) *угунай Iумара* (эрг.) «дом сжег Омар», *цIилди* (эрг.) *угунай хал* «огонь сжег дом».

Такой же семантической дифференциации нет и в глаголе *кIинай* «убить» и «умереть». В обоих случаях мы

имеем одну форму *кIинай: АхIмад кIинай 1850-пе йиса (йиса* – эргатив от *йис* «год». Таким образом, мы имеем следующую структуру: 1850 год убил Ахмеда, хотя на русский язык мы и переводим ее в форме наречия: Ахмед умер в 1850 году. В данной структуре агульский язык может использовать и двa эргативных падежа: *АхIмад Аллагьди (эрг.) кIинай 1850-пе йиса (эрг.)* || *Аллагьди (эрг.) кIинай АхIмад (ном.) 1850-пе йиса (эрг.)* «Бог убил Ахмеда (с помощью) 1850 года» или «Бог убил Ахмеда 1850 годом». В обоих случаях год «*йис*» стоит в форме ныне действующего эргативного падежа.

Мы ежедневно используем синтаксическую конструкцию: *зе гада хуруфе гIуфцIурна Iуппе йиса* (эрг.) и переводим: мой сын родился в пятьдесят втором году. При этом мы не учитываем два важных обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к оригинальной интерпретации фактов агульского языка. Первое из них то, что не только в агульском, но и во всех дагестанских языках переходный глагол всегда остается переходным, так как в их составе нет возвратной частицы *-ся*, как в русском языке, способной изменить переходность глагола в непереходность; и, во-вторых, раз нет перехода глагола с транзитивного действия в интранзитивное действие, то в такой конструкции обязательно должен быть представлен реальный субъект, выраженный эргативным падежом. Так, в случае *зе гада хуруфе гIуфцIурна iуд-пе йиса* мы имеем «мой сын родил 52-й год», так как производитель (родитель) не упомянут, а год «йис» стоит в эргативе. Понять подобное для лиц и специалистов с индоевропейским языковым мышлением крайне трудно, несмотря на то, что факты агульского языка действительно таковы.

Если же в данной конструкции возникает реальный субъект в лице производителя (родителя), стоящий также

в эргативном падеже, то роль второго эргатива *йиса* «годом» теряет свою грамматическую и семантическую значимость, ассоциируясь в сознании личностей с наречной временной категорией: *баба (эрг.) хурунай гада (ном.) гӀуфцӀурна Ӏуд-пе йиса* (эрг.) «мать родила сына в пятьдесят втором году», а в действительности же «путем года», «с помощью года».

В агульском языке существует выражение *зун кӀесхъунай мекӀила*, которое переводится как: я чуть не умер от холода, т.е. когда хотят сказать, что «им было очень холодно». Если данное выражение перевести на русский язык буквально, то получится: холод убил меня, а в агульской структуре: *зун* «я» (ном.) – прямое дополнение и *мекӀила (эрг. от мекӀ* «холод») – реальный субъект, производитель действия. Эта конструкция используется в агульском языке в качестве идиоматической единицы (фразеологизма), когда хотят сказать «мне было очень холодно».

Если же мы используем данное выше фразеологическое выражение в прямом смысле те кӀинай ругъуна «он умер от мороза», то опять-таки получится «мороз убил его», т.е. реальным субъектом (активным деятелем) являетсся ругъу «мороз», стоящее в эргативном падеже.

И, наконец, необходимо отметить, что в формировании наречий от имен существительных активную роль в агульском языке сыграл также эргатив: *хьид-ана* «весною» (*хьид* «весна»), *Ӏурд-ана* «зимою» *Оурд* «зима»), *гӀул-ана* «летом» (*гӀул* «лето»), *цул-ана* «осенью» (*цул* «осень»), *йагъ-ури* «днем» (*йагъ* «день»): *са йагъ-а* «в один (прекрасный) день», *Ӏуьш-ири* «ночью» (*Ӏуып* «ночь»)...

В плане участия эргатива в качестве наречий времени примечательно и одно высказывание Гуго Шухардта: «Активный падеж, как и все падежи, кроме именительно-

го, который вовсе не является падежом, и родительного, возникшего из прилагательного, является наречием и развился, вероятно, в результате присоединения приложения: Vater – Ort (отец – место) = seitens des Yaters (с помощью отца) и т.п. [Шухардт 1950, с. 104-105]. По всей вероятности, этому высказыванию Г. Шухардта способствовали материалы монографии А. Дирра [1907, с. 14-15]. Таковы основные морфолого-синтаксические функции эргатива в агульском языке.

Родительный падеж (генитив). В основу этого падежа в агульском языке ложится эргативный падеж с характерными для него маркерами, т.е. к основе эргатива прибавляется окончание -ы, не нарушая общедагестанскую систему склонения «по принципу двух основ».

Этот падеж, не без основания, иногда называют и посессивом (от латинского possessivus, обозначающий принадлежность и притяжательность), так как с помощью этого падежа из имен существительных образуются формы, соответствующие русским относительным и притяжательным прилагательным. В действительности же этот падеж не превращает имена существительные в прилагательные, а способен создать формы существительных, выступающих в предложении с синтаксической функцией определения: *кIураний-н кIар* «деревянная работа» (работа из дерева; букв, дерева работа), *гъвандин цилар* «каменные стены» (стены из камня; букв, камня стены), *Дагъустандин университет* «Дагестанский университет» (университет Дагестана, точнее Дагестана университет), *дадан руш* «отцовская дочь» (девочка, девушка), т.е. «отцова дочь», *Iумаран хIуни* «корова Омара» (Омарова корова, Омаровская корова), *зе азардин сабаб микIиланф э* «причина моей болезни – простуда» (букв.: моей болезни причина (есть) замерзание) и т.д.

Дательный падеж (датив). Этот падеж в агульском также образуется от основы эргатива путем присоединения окончания -*с*(s).

В составе предложения датив агульского языка в основном выполняет функцию косвенного дополнения: *Зун дада-с китаб ине* «Я отдала отцу книгу»; *АхIмада учин илдеши-с туп ине* «Ахмед дал своему товарищу мяч; *Мурада-с дада кьаламар гъушуне* «Отец купил Мураду карандаши»; *Iумара ине Камила-с хIуни* «Омар отдал Камилю корову» и т.д.

Не менее важной функцией агульского датива является и то, что он, подобно другим дагестанским языкам, используется и для выражения субъекта (производителя) при глаголах чувственного восприятия, т.е. при так называемых verba sentiendi: *Iали-с агвуне гада* «Али увидел мальчика», *Вали-с гьарауяр ун хьуна адавуй* «Вали не слышал звука (крика)»; *гадайи-с кканде ибур алийинас хIикатарил* «мальчик любит слушать сказки»; *IахIмада-с агвуне автобус* «Ахмед увидел автобус»; *шиникквари-с-на шибери-с ккан хьуне вес хулади* «мальчики и девочки захотели идти домой»; *меIалимди-с адине фикир башламиш акьас даре* «учитель подумал (пришла мысль), начать урок»; *гIурчахъандин гъуруури-с гIурар агвуне* «собаки охотника увидели (заметили) зайца»; *гитанари-с ккан вея нек-на яккв* «кошки любят молоко и мясо»; *идемари-с ягIар хьуне дяIви ушуна кканеф* «мужчины поняли, что необходимо отправиться на войну», *зе мукьунттари-с ун хьуне идже хабарар* «мои родственники услышали добрые вести» и т.д.

При использовании датива для обозначения косвенного дополнения возникают и трудности, обусловленные национальной психологией. Так, агульцы обычно говорят: *баба-с гада хурунай*, т.е. «мать родила сына». Однако же

баба-с стоит в дативе и не является субъектом предложения, так как переходный глагол *хурунай* не является глаголом чувственного восприятия и не может рассматриваться как субъект предложения. Подобные конструкции больше соответствуют таким русским предложениям, как « у матери родился сын». В агульском же варианте глагол – переходный и в этой связи субъект должен присутствовать, несмотря на то, что в предложении он отпущен. Если субъект предложения восстановить, то получится: Аллагьди (эрг.) хурунай (ине) гада баба-с (дат.) «Бог родил (дал) мальчика матери (для матери)». Структура предложения остается неизменной. Случаи отпущения субъекта предложения при транзитивах агульского языка – явление нередкое. Подобное предложение встречается и у Шаумяна «*къаведи-с кӀулакьаяр рухьуна а*» и переводится это предложение Шаумяном «женщина родила близнецов», что не совсем соответствует действительности. На наш взгляд, было бы правильнее, если бы оно было переведено: женщине родились близнецы.

Датив в агульском языке может выступать в функции обстоятельства предложения: *заву-с хъутурф* «смотри на небо» (обстоятельство места) и т.д.

После краткого рассмотрения путей образования и функционирования номинатива, эргатива, генитива и датива агульского языка следует, на наш взгляд, заключить:

Во-первых, эти четыре падежа в агульском языке являются основным морфологическим инвентарем, выполняющим синтаксические функции по выражению субъекта и объекта, а также их взаимоотношение с предикатом. И в этой связи не слишком правомерны те исследователи дагестанских языков, которые видят в них функции «абстрактного» выражения. Мы полагаем, что эти четыре падежа в агульском языке выполняют наиболее конкретные

функции, способствуя установлению грамматической и семантической связи между членами предложения и отдельными его синтагмами.

Во-вторых, при склонении имен существительных агульского языка эти падежи, как указано выше, создают «принцип двух основ». Этот принцип свойственен и для существительных других дагестанских языков. В основе данного принципа лежит способ формирования падежной системы дагестанских языков. По этому принципу для номинатива мы имеем одну основу (имя в назывной форме), а для генитива, датива и других локативных падежных форм – другую основу, т.е. основу эргативного (активного) падежа. «Принцип двух основ» сам подсказывает нам, что в дагестанских языках мы имеем две основы: основу номинатива и основу эргатива.

В-третьих, и номинатив, и эргатив, а также датив при транзитивах чувственного восприятия в агульском языке являются падежами реального субъекта.

В этой связи хотелось бы отметить, что «в иберийско-кавказском языкознании широко используются термины «косвенная основа», «косвенный падеж», но в научной литературе уже поставлен вопрос о том, что «понятия «прямой падеж», «косвенный падеж», перенесенные из морфологии древнегреческого языка в синтаксис индоевропейских языков, вряд ли могут служить критерием для квалификации падежей в иберийско-кавказских языках». [Топуриа 1987, с. 15; Чикобава 1987, с. 5-9].

Чтобы и в терминах разграничить эргатив двух разных уровней, Гурамом Топуриа вводится новый термин «палеоэргатив», который одновременно указывает и на древность формы и на его назначение – функцию выражения реального субъекта. Как считает Г. Топуриа, термин «палеоэргатив» имеет и то преимущество, что более удо-

бен в словообразовательном смысле: «палеоэргатив», «палеоэргативная основа», «палеоэргативный уровень в склонении» и т.д. [Топуриа 1987, с. 15].

Далее Г.В. Топуриа считает, что в дагестанских языках в диахронии функционирвали две основы, т.е. одна – маркированная (VC), а другая – демаркированная (чистая основа), » и что на таких производных формах базировалось склонение на начальном этапе своего развития, т.е. существовала бинарная оппозиция двух именных основ (немаркированная – маркированная), являющаяся фундаментом, на который опиралось склонение в дагестанских языках [Топуриа 1987, с. 26, 61].

Что же касается нашего мнения, то мы предпочтение оказываем терминам: «основа номинатива», «номинатив» вместо «прямой основы», так как по своей семантике и по выполняемой функции «прямых основ» не бывает. Или же, как это предлагает Г. В. Топуриа мы бы предпочтение оказали термину «немаркированная основа» или «чистая основа». Не отражает природу основных падежей агульского языка и термин «косвенная основа», так как он не способен объяснить, в чем заключается «косвенность» такой основы. Полагаем, что было бы вернее, если мы употребляли вместо «косвенной основы» термин «основа эргатива», или же, как это предлагает Г.В. Топуриа, «маркированная основа». На наш взгляд, термины «основа номинатива» и «основа эргатива» больше и лучше выражают не только сущность склонения «по принципу двух основ», но и морфологический способ формирования падежной системы агульского языка.

1.7. Склонение имен существительных во множественном числе

Имена существительные агульского языка образуют множественное число суффиксальным способом. Для общеагульского состояния Н.Д. Сулейманов выделяет три показателя множественного числа **-бар, *-йар* и **-ар* [Сулейманов 1993, с. 92]. А.А. Магометов считает, что существительные с исходом на гласные во множественном числе имеют суффикс *-бар (|| вур)* или *-йар* (различие в зависимости от говора). Гласный <u>*у*</u> в суффиксе множ. числа вторичен – <u>*а*</u> изменяется в <u>*у*</u> под влиянием губного <u>*б*</u> [Магометов 1970, с. 69]. Г. В. Топуриа считает, что этот *-б-* в составе суффикса множ. числа – древний экспонент грамматического класса, функция которого в дальнейшем подверглась реинтерпретации [Топуриа 1973, с. 263].

Магометов А.А. полагает, что *в* и *й*, появляющиеся в формах множ. числа, являются наращениями в интервальной позиции между исходным гласным имени и гласным суффикса множ. числа *-<u>ар</u>* [Магометов 1970, с. 70]. Большинство же существительных, оканчивающихся на согласные и полугласные звуки, принимает показатель *-<u>ар</u>* [Шаумян, 1941, с. 21].

Из-за сильной рефлексации падежного окончания эргатива единственного числа (*ди→ ри→ йи→ ∅*) принцип агглютинации в агульском языке и не выдержан, но при склонении имен существительных во множественном числе, как и в других агглютинативных языках, показатель множественности вклинивается между основой субстантива и падежным окончанием.

Окончанием же эргатива множественного числа всегда служит гласный и (правда, за исключением двух, трех слов). При этом склонение «по принципу двух основ»

строго выдержано. Одна основа – основа номинатива с формантом множественности *-бар|| – йар|| -ар,* а другая – основа эргатива с формантом множественности *-бар|| - йар|| -ар* плюс окончание эргатива *-и*. Исключениями из общего правила являются: вместо ожидаемой формы *кIетIайар* «лопаты» в собственно агульском имеем *кIетIабур,* вместо *дагийар* «ослы» имеем *дагибур, гуни* «хлеб» *– гунивар, хIуни* «корова» – *хIунивар, цIа* «огонь» (←*цIай*) – *цIабур, ху* «пашня» – *хуппур*. По свидетельству Н. Д. Сулейманова, некоторые слова в ряде диалектов присоединяют во множественном числе двойной суффикс в виде – ар: соб. аг. *некьв-* «могила» – *некьварар, куч* «коса» (из волос) – *кучарар, пут* «грива»(конская) – *путарар, уд* «зернышко» – *ударар* [Сулейманов 1993, с. 93]. *Некьв* «могила» и *куч* «коса» с двойным суффиксом множественности приводятся и у Магометова А.А. [Магометов 1970, с. 71]. Отклонение в образовании множественного числа от имени *руш* в тпигском говоре собственно агульского диалекта видит и Шаумян Р. – *руш* «дочь» – *шибер* «дочери» [Шаумян 1941, с. 21].

Что же касается морфолого-синтаксических функций, выполняемых номинативом и эргативом агульского языка, то они аналогичны соответствующим единственного числа: номинатив выражает реальный субъект при интранзитивах: *Шиникквар ушуне мактаби* «Дети пошли в школу»..., или объект при транзитивах: Мухтара усттулар файдине «Мухтар стулья принес»; *шибери тукар завал акьуне* «девочки цветы собрали», *дада гъуюне хIачар* «отец купил яблоки», *баба уджуне гунивар* «мама испекла хлеб (хлеб во множ. числе), *ччиччи фататуне кучерар* (редупликация показателя множественности, см. выше) «сестра распустила косы», *ччуччу дахъуне тIагарар* «брат открыл окна» и т.д.

Генитив множественного числа в агульском образуется так же, как и в единственном числе, с помощью сонорного -ы. Аналогично единственному числу основными функциями агульского генитива является морфолого-синтаксические функции, выступая в качестве адъектива посессивной направленности, выполняет роль русского относительного и притяжательного прилагательных: *ччиярин курар дуздинттар ири* «работы сестер были правильными», *шиниккварин савкьати хизан шад хьуне* «подарок сыновей (сыновний подарок) обрадовал семью», гебури ишламиш аркьай уй маларин къарк «они пользовались (использовали) кожу животных», *кучайин Iу багв ацIуна уй инсанари* «обе стороны улицы были переполнены людьми» и т.д.

Выполняя синтаксическую функцию определения, генитив агульского языка сочетается с определяемым именем существительным, стоящим как в форме основных падежей, так и в форме локативов:

идже инсан «хороший человек» (номинатив)

идже инсандин берхIем «хорошего человека рубашка» (генитив)

идже инсандин ччуччус «брату хорошего человека» (датив)

идже инсандин гъилил «на руке хорошего человека» (суперессив)

идже инсандин хулаъ «в доме хорошего человека (инессив) и т.д.

Он может сочетаться и с определяемым именем, стоящим в форме того же генитива: *хулан дакIарин гьававел* «высота окна дома», *гъвандин цIупевалдин четтин хьуне кар* «из-за твердости камня осложнилась работа»...

Когда мы утверждаем, что агульский генитив сочетается с любой падежной формой определяемого имени су-

ществительного, это не говорит о том, что он согласуется с определяемым существительным. Морфологически изменяемой частью всегда является определяемая часть. Что же касается определяющей части, то она может приобрести любые падежные формы. Генитив же при этом всегда сохраняет свою исходную форму с окончанием -н:

дагъустандин университет
дагъустандин университет-и
дагъустандин университет-и-н
дагъустандин университет-и-с
дагъустандин университет-и-л
дагъустандин университет-и-к
дагъустандин университет-и-гь ...

Как и в единственном числе, датив множественности в агульском языке имеет окончание *-с*. Основными синтаксическими функциями этого падежа являются: во-первых, выражение косвенного дополнения: *зун фаттихьуне зе гъуй хучарис* «я бросил свою собаку волкам», *инсанарис кар акьас гереке* «людям необходимо работать (букв, работу делать) и т.д. и, во-вторых, выражение субъекта при переходных глаголах чувственного восприятия: *гІурчахъандин гъурурис гІурар агвуне* «собаки охотника (букв, «охотника собакам») увидели зайца», *зе мукьунттарис ун хьуне идже хабарар* «мои родственники (букв, «моим родственникам») услышали добрые вести» и т.д.

Таковы синтаксические функции и морфологическая структура основных падежей агульского языка (номинатива, эргатива, генитива и датива).

ГЛАВА II. СИСТЕМА ЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

2.1. Краткая характеристика локативных падежей и их место в структуре дагестанских языков

Отличительной особенностью категории падежа дагестанских языков, в отличие от соответствующей системы индоевропейских языков, является то, что в дагестанских языках представлена развитая система локативных (местных) падежей противоположность предложной системе индоевропейских языков.

Локативные падежи дагестанских языков призваны выполнять функции, уточняющие не только нахождение предмета в той или иной точке пространства, но и направление к нему или от него. За длительный исторический период развития падежной системы дагестанских языков локативы стали выполнять не только свои непосредственные (пространственно-динамические) функции, но и функции основных падежей таких языков, которые относятся к другим лингвистическим ареалам. Так, если в русском языке творительный падеж (инструменталис) является одним из основных падежей его морфологической системы, то его функции в агульском и в других дагестанских языках выполняют локативные падежи или эргатив. Об этом подробно см. ниже, так как этот вопрос представляет из себя наименее разработанный из всей падежной системы дагестанских языков.

Системе локативных падежей в дагестанском языкознании обращается значительное внимание. Мимо этой проблемы не проходит ни одно исследование, имеющее как научно-теоретическую, так и учебно-практическую ценность.

Пионером же разработки вопроса о локативных падежах в дагестанском языкознании следует считать, на наш взгляд, П.К. Услара [1889; 1890; 1892; 1896; 1970]. Хотя научная терминология еще не получила у него четкой формулировки, но функции и значимость локативных падежей интерпретированы безукоризненно.

Упорядочением научной терминологии локативных падежей дагестанских языков впервые занялись Шаумян Р. [1941] и Бокарев Е.А. [1948].

Вопросы локативных падежей дагестанских языков освещаются как на уровне диахронии, так и синхронии, в следующих работах: Абдуллаева З.Г. [1961] , Абдуллаева С. Н. [1959], Жиркова Л.И. [1921; 1946], Гайдарова Р.И. [1961], Мейлановой У.А. [1960], Магометова А.А. [1963; 1965; 1970], Ибрагимова Г.Х. [1978; 1990].

Вопросы дагестанских локативов в диахроническом аспекте освещаются в работах И.Х. Абдуллаева [1974], Г.А. Климова, М.Е. Алексеева [1980; 1985], Сулейманова Н.Д. [1993] Ценная информация диахронического плана содержит и работа Г.В. Топуриа [1987]; с привлечением данных диалектов лакского языка овещаются вопросы локативов и в работе Г.Т. Бурчуладзе [1970] .

Исходя из целей и задач нашего исследования – глубже ознакомить с падежной системой агульского языка как студентов филологического профиля, так и школьных учителей, мы сочли целесообразным привлечь к рассмотрению точки зрения исследователей дагестанских языков на системы локативных падежей и используемую ими в этой области терминологию с тем, чтобы приобщить их к чтению и пониманию научной лингвистической литературы по агульскому языку. И в этом отношении неоценимую помощь нам оказала монография Мусаева М.-С. М., специально посвященная вопросам диахронии и синхро-

нии локативов даргинского языка, хотя сам автор считает, что они «вынуждены были ограничиться освещением истории только местных падежей (локативов) [Мусаев 1984]. Вопросы истории в этой работе интерпретируются на основе ныне функционирующего в этом языке диалектного материала.

Давая описание того или иного диалекта дагестанских языков, исследователи ни в коей мере не проходят мимо структуры локативных падежей. В этом отношении примечательны работы Сулейманова Я.Г. [1960], Муталова Р.О. [1992] , Дибирова И.А. [1993], Магомедова М.А. [1993] и других.

Освещена система основных и местных падежей в специальных научных статьях Талибова Б.Б., Ибрагимова Г.Х., Магомедовой П.Т., Исакова И.А., Сулейманова Н.Д., Гасановой С.М., Сулейманова Я.Г., опубликованных в сборнике ИИЯЛ Даг. ФАН СССР [Именное склонение в дагестанских языках. Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала. 1979, 173 с.], в статьях исследователей Магомедбековой З.М., Гайдарова Р.И., Ибрагимова Г.Х., Мейлановой У.А., Муркелинского Г.Б., Саидовой П.А., Исаева Н.Г., Исаева М.Г., Мусаева М.-С.М., также в статьях, опубликованных в сборнике ИИЯЛ Даг. ФАН СССР [Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала. 1987, 239 с.]

2.2. О научной терминологии, выражающей особенности системы локативов в агульском языке

Касаясь научных терминов, употребляемых в дагестанском языкознании для обозначения местных падежей,

хотелось бы привести высказывание одного из ведущих ученых-даргиноведов Мусаева М.-С.М.: «В даргиноведческой литературе ... падеж сближения, или латив, обозначается такими терминами, как падеж сближения, аллатив, латив, лативы, направительный падеж, направительные падежи, серия направительных падежей, местный падеж, местные падежи, гъамдешла падеж («падеж приближения»)[1]. При этом Мусаев М.-С.М. ставит вопрос: «один это падеж или же несколько?» [Мусаев 1984, с. 8]. Высказывание Мусаева М.-С.М. говорит о том, что не только в даргиноведении, но и в дагестановедении наблюдается «терминологический лабиринт», созданный для обозначения различных форм местных падежей, и в котором очень легко заблудиться. Вопрос о терминах локативных падежей осложняется еще и тем, что в различных лингвистических направлениях создаются все новые и новые термины, еще больше усложняющие механизм системы местных падежей. Некоторые из этих новых терминов понятны лишь тем, кто хорошо ориентируется в лингвистическом «метаязыке».

При обозначении различных форм агульских местных падежей мы намерены придерживаться традиционно установившейся терминологии, признанной как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Прежде чем дать научную интерпретацию терминов агульских местных падежей, необходимо сначала определить основу, на которой строилась терминология агульских локативов.

При создании некоторых терминов агульских локативов Шаумян Р. воспользовался названием одного из ла-

[1] Мусаев М.-С.М. См. цит. выше лит., с.8.

тинских падежей, а именно – аблативом. Прав ли был Шаумян Р.?

Известно, что вплоть до Варрона (автор грамматики латинского языка I в. до нашей эры) римляне не пользовались термином ablativus, а называли его «шестым падежом» (sextus casus), так как в латинском языке, кроме пяти падежей греческого языка, имелся еще и шестой падеж; впоследствии они дали ему название ablativus (от ab «от», «из», «у», «со стороны» + lat + us = причастие (супплетивная форма) от aufero «уносить»), отметив тем, что его главная функция – это изъятие, удаление, отделение. При этом не было принято во внимание, что ablatuvus в латинском языке выполнял и функции инструменталиса, средства и образа действия. Более того, Шаумяном было упущено из виду и то, что латинский ablativus являлся падежом, обозначавшим «удаление», «отделение» с внешнего пространства, в то время как агульский ablativus обозначает «удаление», «выход», «отделение» из внутреннего пространства.

В этой связи мы предпочли в своем исследовании заменить термины, связанные с ablativus, на термины, образованные с помощью elativus «элатив» (в лат. е=ех «из» + latus причастие от aufero «уносить»), как более точно выражающие природу агульского внутренне-местного исходного падежа.

Эссив – это греческое название, используемое для обозначения предмета или личности в определенном состоянии покоя. Самостоятельного эссива в агульском языке не существует. Эссив здесь органически сопровождается с определенной пространственной локализацией предмета или личности. Предмет или личность в агульском языке может синкретически находиться лишь в определенных точках (пунктах) пространства. Такими простран-

ственными пунктами нахождения предмета или личности в покое в агульском языке являются наречные понятия места, вроде: наверху, внизу, внутри, позади и т.д. Таких совмещенных эссивов в агульском языке всего восемь. Всех их объединяет также один термин локатив(-ы), т.е. от латинского слова «местный(-ые)». Термины эссивов, составленные Шаумяном Р., в целом, верно отражают природу агульских локативных падежей, обозначаемых ими, за исключением, конечно, падежа Diffusivus-a и Adhaesivus-a. Такими терминами являются: superessivus, subessivus, inessivus, postessivus, obessivus, adessivus. О диффузивусе и адгезивусе будет сказано более подробно при рассмотрении системы серий агульских локативов. Указанные выше 8 падежей «покоя» создают в агульском 8 серий местных падежей, в каждую из которых входят еще по два падежа направительного значения, т.е. локативы движения, указывающие, что предмет или лицо направляется, приближается к предмету или лицу, находящемуся в состоянии покоя, или же предмет или лицо отдаляется, удаляется, отходит от него. Таковы основные значения лативов «удаляющих». Когда падеж выражает приближение к покою, он называется аллативом (лат. ad – приставка, обозначающая приближение или нахождение около чего-либо; часто по регрессивной ассимиляции d приставки переходит в анлаутный звук знаменательного слова ad + latum – latum причастие от fero «носить», «нести» «приносить» → allatum → allat – ivus «аллатив»; ad + fero «при + ношу» → affero «приношу»). При этом приставка «ad» в латинском имеет значения «к», «при», «около» и др. Значит, аллатив выражает «приближение». П.К. Услар этот падеж называл падежом «сближения». Исходя из трех терминов (эссив-ы, латив-ы и элатив-ы), будут нами сформированы научные названия всех форм

агульских локативов, не пренебрегая и такими, всем понятными терминами, как «падеж покоя», «падеж сближения» и «падеж отдаления» (вместо падежа «удаления», или «удалительного падежа»).

2.3. Образование и основные функции агульских местных падежей

I СЕРИЯ

Суперессив (Superessivus, букв.: «верхнепокоящийся падеж») образуется от основы эргатива путем прибавления окончания *-д*: *хIайван* «лошадь»: *хIайван-ди* (эрг.) + *л*: *хIайвн-ди-л*, *зав* «небо»: *зав-у* (эрг.) + *л: зав-у-л* и т.д. Этот падеж выражает нахождение предмета или лица наверху чего-либо или кого-либо в состоянии покоя. Предмет или личность может находиться в покое как на небе, т.е. на предмете, находящемся выше говорящего, или же на земле, т.е. на предмете, находящимся ниже говорящего. Главное в том, что предмет или лицо покоится «на», «над».

Локативные падежи агульского языка, в том числе и суперессив, отвечает на вопросы как наречия, так и имени существительного. Так, рассматриваемый падеж отвечает на вопросы: *нанди*? «где?», *нандил?* «где?» «на ком?», *фитти-л*? «на чем?» Наречные вопросы *нанди*? «где?», «*нандил*? «где?» являются общими вопросами, а именные вопросы гьинал? «на ком?», *фиттил*? «на чем?» являются конкретными вопросами. Например: *кIуранил* (*нандил*? «где? и *фиттил*? «на чем?») *алдея джакьв* «на дереве есть (имеется) птица», *кIиркI ахъухьуне джилил* (*нандил*? и *фиттил*?) «мальчик лег на землю»; *хуппурил инсанар алди уйи* «на огородах были люди», *чIирарил малар алди уйи*

«на полях был (находился) скот», *завул рагъ алдия* «на небе находится солнце», *китаб алдия устулил* «книга лежит на столе», *зун уй кардил* «я была на работе», *цилил алдия гитан* «на стене (на верху стены) есть (находится) кошка», *дадал але кастум батIарфе* «на отце красивый костюм», *зе гъилил хьед алгьат* «налей на мою руку воды», *хулагъил алдия ибхь* «на крыше есть (лежит) снег» и т.д.

2. Вторым падежом серии супересива в агульском языке является супераллатив, т.е. падеж, выражающий направление предмета или лица в сторону предмета или лица, покоящегося на ком-либо или на чем-либо. Он образуется от супересива «покоя» путем прибавления окончания *-ди* и отвечает, как и падеж «покоя», на наречный и именной вопросы (*нандилди*? «куда?», *гьиналдй?* «(на) к кому?», т.е. в сторону кого? и *фиттилди?* (на) к чему?, т.е. «в сторону чего?»: *ахъатуне гъван кIиркIалди (найичди*? «куда?» нандилди? «куда?» и *гьиналди*? «на кого?», «в сторону кого?») «на мальчика бросили камень», *гъван цилилди агъихьуне* «камень накинули на стену (нандилди? «куда?», *найичди?* «куда?», *фиттилди*? «на что?»). *Яг Iа зун* кардилди ушуна канди ая «сегодня мне надо идти на работу», усттабур *алгъушуне цилилди*» мастера поднялись на стену», *цайе йиса ушуне зун дадалди* «на Новый год я поехала к отцу», *хулагъилди алгъушуне дад* «на крышу поднялся отец» и т.д.

3. Третьим падежом супересива в агульском языке является суперелатив (superelativus). Этот падеж обозначает направление предмета или лица от покоящегося на верху предмета или лица наружу, т.е. движение изнутри наружу. Он образуется от супересива «покоя» путем прибавления окончания *-ас*. Как и другие локативы, суперелатив (падеж отдаления) отвечает как на наречные, так

и на именные вопросы: *нандилас*? «откуда?», *гьиналас*? «от кого?», *фиттилас*? «от чего?» При этом следует иметь в виду, что движущийся предмет удаляется от другого, лежащего на поверхности в покое: *зун гъушуне китаб устули-л-ас* «я взял книгу со стола» (*нандилас*? «откуда?); *зун гъушуне китаб дадалас* «я взял книгу, (которая) лежала (т.е. лежащая) на отце» (сверху отца); вопросы: *нандилас*? «откуда?», *гьиналас*? «от кого?» «с кого?»; *джилилас алтархьуне хьириг* «по земле провели веником», *джандилас алатуне тIакI* «с тела (т.е. сверху тела) смыли грязь», *зун кардилас вефе хулади* «я с работы иду домой», *цилилас алтивуне са гъван* «со стены сняли (убрали) один камень» или *цилилас алтивуне луз а бадра* «со стены сняли ведро с раствором», *дадалас алдахъуне багьа бармак* «с отца сняли дорогую шапку», *зе гъилилас алтушуне хинзазай* «по моей рук прошел паук», *хулагъилас алдикуне пяIар* «с крыши прогнали кур» или же: *хулагъилас алархьуне хьириг* «с крыши упал веник» и т.д.

II СЕРИЯ

1. Вторая серия локативов представляет собой антонимическую по отношению к первой серии падежную категорию. Так, если падежи первой серии способны обозначить предметы, находящиеся на верху поверхности, то локативы второй серии обозначают предметы и личности, располагающиеся ниже поверхности, т.е. под чем-либо или под кем-либо. И в этой связи все три падежа этой серии в анлауте имеют латинскую приставку sub-, соответствующую русской приставке «под-», от чего и получила название «субессив».

Как и в суперессиве, первый падеж этой серии также носит название «субессив» потому что он указывает на предмет или лицо, покоящееся под чем-либо или под кем-

либо. Субессив образуется в агульском языке от основы эргатива путем прибавления окончания *-кк* (гемината, интенсивный) и отвечает на вопросы как наречия, так и имени существительного (*нандикк*? «где? и *фиттикк*?» «под чем?», *гьинакк*? «под кем?»). Вопросы *фиттикк?* «под чем?» и *гьинакк?* «под кем?» являются конкретными (уточняющими) вопросами: *хулакк ккея бомба* «под домом лежит бомба», (*нандикк*? «где?» и *фиттикк?* «под чем?»), *мугIукк алийина а рахI* «под мостом построена мельница» (*нандикк?* «где? и *фиттикк*? «под чем?», *завукк ккея инсанар* «под небом находятся люди», *хулакк ккея сал* «под домом имеется сарай», *Iарабаикк ккея фурар* «на арбе имеются колеса», т.е. «арба имеет колеса», *булахьикк ккея гвар* «под краном (источником) находится кувшин» и т.д.

2. Второй падеж этой серии указывает, что прдмет или лицо движется в направлении предмета или лица, покоящегося под чем-либо или под кем-либо. Он образуется от субессива этой же серии путем прибавления окончания *-ди*. В научной терминологии он именуется субаллативом (suballativus). Он отвечает и на наречные и на именные вопросы (*нандикк-ди*? «куда?», *гьинаккди*? «под кого?», *фиттиккди*?» «под что?»): *гъвандиккди кечушуне илан* «под камень подползла змея» (*нандиккди?* «куда?», *фиттиккди*? «под что?»), *ги дагъуне лакар усттулдиккди* «он протянул ноги под стол», *шиниккварушуне булахиккди* «дети пошли к роднику», *мугруйиккди кечушуне инсанар* «под мост залезли люди», *циликкди кечушуне илан* «под стену подползла змея» и т.д.

3. Третий падеж этой серии, так называемый субелатив (subelativus), указывает на то, что предмет или лицо удаляется (отходит) от предмета или лица, покоящегося под чем-либо или под кем-либо. Отвечает как на нареч-

ные, так и на именные вопросы. Сам падеж образуется от субэссива путем прибавления окончания *-ес*: гъвандиккес ккейчІуне илан «(из-) под камня выползла змея» (*нандиккес?* «откуда?», *фитиккес?* «из-под чего?)», *иргъваниккес ккейчІуне руш* «из-под одеяла вышла девушка», *хІуягиккес ккейчІвай цІа* «из-под котла выходил огонь», *іарабаиккес ккетархьуне фур* «из арбы выпало колесо», *чакмаиккес ккетархьуне іашв* «из сапога упал каблук, т.е. «из-под сапога...», *дагьариккес ккеттушуне инсан* «из-под горы вышел человек», *баб адине хьураккес* «мама пришла из пекарни» и т.д.

III СЕРИЯ

В третью серию агульских локативных падежей мы включаем имена существительные, обозначающие нахождение предмета внутри полого пространства. Еще Р.Шаумян, справедливо называя этот локатив инессивом, писал, что в гекхунском диалекте он одновременно имеет значение и направительного падежа. В керенском диалекте (hamza) успел исчезнуть, поэтому там iness, по своей форме ничем не отличается от Activa [Шаумян 1941, с. 36]. Более подробно об этом написано Н.Д. Сулеймановым, который указывает, -что серия на -ъ в агульском оказалась расстроенной из-за выпадения показателя этой серии в усугском говоре керенского диалекта, повлекшее за собой слияние формы эргатива и локатива, а также датива и исходного падежа [Сулейманов 1990, с. 108]. В результате выпадения показателя этой серии в хпюкском говоре форма локатива также совпала с эргативом, а формы направительного и исходного падежей совпали с формами дательного падежа. Приблизительно такая же трансформация с этой серией произошла и в табасаранском языке. Так, в результате утраты падежной флексии этой серии

форма эргатива стала выполнять функции локатива [Ханмагомедов 1958, с. 5]. «Для выражения направления во что-нибудь (куда-нибудь) вместо направительного падежа с суффиксом *-ъ-на* обычно используется дательный падеж: *гьари-з* «в лес», *хула-з* «домой», *базариз-з* «на базар» и т.д.[Магометов 1965, с. 120]. Нет расхождений среди специалистов агульского языка и во взглядах на эту падежную серию и на выполняемые падежами этой серии функции. Все они придерживаются такого мнения, что падежи инессива, как мы нарекаем эту серию инессивом первым, обозначают предметы или лица, находящиеся «внутри чего-нибудь» (А.А. Магометов), «на нахождение предмета в чем-либо, в ком-либо» (Н.Д. Сулейманов», «inessivus»... переводится посредством предлогов в, на» (Р. Шаумян).

Наше мнение о выполняемых этой падежной серией функциях соответственно идентично мнению ведущих исследователей агульского языка. Единственным расхождением является то, что мы прибавляем лишь одно слово, а именно – «полый», т.е. нахождение предмета или лица внутри полого пространства или полого объекта.

Итак, третья серия – это серия инессива (inessivus primus «инессив первый», т.е. падеж внутренне-местный локализации предмета или личности.

Итак, в третьей локативной серии представлены, во-первых, инессив первый покоя (inessivus I), который обозначает предмет или лицо, покоящееся внутри полого пространства и отвечает на вопросы как наречия, так и существительного (*нанди- ъ*? «где?», *фитти-ъ*? «в чем?»). Он образуется в собственно-агульском, от основы эргатива путем прибавления ларингального абруптива (ларингальной смычки) *ъ*: *ишникквар луъхъай уй хулаъ (нандиъ?* «где?», *фиттиъ?* «в чем?») «мальчики танцуют дома»

(т.е. в доме), *тибитиъ ая ппара шейэр* «в сундуке много вещей», *хутуъ ая кьур* ~ «в бочке (плетеной) есть (имеется) зерно», *че хIуьриъ ая батIар чIнрар* «в нашем селе есть (наше село имеет) красивые поля», *хулаъ ая инсанар* «в доме есть (находятся) люди», *гIанаъ узуне кIурар* «в огороде посадили деревья» и т.д.

Текучие вещества агульцами воспринималось, видимо, как плотное пространство (как плотная материя). Таково состояние текучего вещества и в статике. Если же текучее вещество использовано в метафорическом смысле, т.е., если выражение приобретает определенный фразеологический оттенок, то текучее вещество используется в этой серии. Так, например, имеем: *хьиттаъ архьуная ниъ* «вода протухла» (букв.: в воду упал запах, т.е. вода впитала в себя запах, вода вобрала в себя). Как видно из этого примера, текучее вещество (вода) употреблено здесь не в прямом смысле, а в переносном, чтобы передать смысл понятия протухшей воды.

2. Вторым падежом этой серии является иналатив (inallativus), т.е. падеж, указывающий, что предмет или лицо движется в направлении предмета или лица, покоящегося внутри чего-либо или кого-либо. Он образуется от инессива этой же серии путем прибавления окончания -*ди*. Как и все остальные локативные падежи он отвечает как на наречные, так и именные вопросы (*нандиъди*? «куда?, *фиттиъди*? «во что?»): *хулаъди ачушуне баб* «в комнату вошла мать» (*нандиъди*? «куда?», *фиттиъди*? «во что?»), *дуканиъди ачушуне идеми* «в магазин вошел мужчина» и т.д.

3. Третьим падежом рассматриваемой серии является инелатив (inelativus), т.е. падеж, указывающий на предмет или лицо, удаляющееся (отходящееся) от предмета или лица, покоящегося внутри кого-либо или чего-

либо. Он образуется от основы инессива этой же серии путем прибавления окончания *-ас* и отвечает на вопросы как наречия, так и имени существительного (*нандиъас*? «куда?», *фиттиъас*? «из чего»: *дадаъас агъархьуне эмкI* «из отца вышел пот», *мактабиъас ушуне меIалим (нандиъас*? «откуда?», *фиттиъас?* «из чего») «из школы ушел (вышел) учитель», *дадаъас аттархьуне іэмал* «из (уст) отца вышла неправда (вышел обман), *зун гараdж иъас адикуне машин* «я из гаража выпустил (выгнал) машину» и т.д.

В отдельных диалектах агульского языка, в том числе собственно агульском, ларингальный абруптив ъ (показатель инессива) в интервокальной позиции инелатива (*дада-ъ-ас*) порой выпадает. При этом (в качестве компенсационной) в гласном окончания *-ас* возникает долгота, которая способна снять совпадение с другими формами локативов (*дада-ъ-ас* → *дадаас* → *дадас*).

IV СЕРИЯ

Четвертая серия, которая образуется в литературном агульском языке с помощью окончания – *гI* (фарингальный спирант), в специальной литературе последних лет (А.А. Магометов, Н.Д. Сулейманов) именуется серией «между». По поводу этой серии в литературе имеется достаточно широкий спектр расхождений как в понимании значимости этой серии, так и в интерпретации выполняемых ею функций.

По поводу падежа этой серии еще Р. Шаумян писал, что в собственно агульском и кошанском диалектах diffusivus оканчивается на *-гI* (в нашей транскрипции), а в керенском на *-гъ* (в нашей транскрипции). И, судя по моим немногочисленным примерам, означает «смешать», «расходиться», «впускать» [Шаумян 1941, с. 37]. Обраща-

ем внимание на не слишком уверенный тон высказывания Шаумяна «... судя по моим немногочисленным примерам...».

Кажется, не совсем осознал значение и функции падежей этой серии и Л.И. Жирков в табасаранском языке, так как отмечает, что эта серия представляет собой исключительное явление с точки зрения вообще теоретического учения о падежных категориях» [Жирков 1948, с. 75].

А.А. Магометов же считает, что серия на *-гъ* «между чем-то» чаще употребляется во множественном числе и для иллюстрации этой агульской серии дает лишь один пример: *гада акьунаъай дадан лакаригъ* (транскрипция «наша) «мальчик сидел между ног о т ц а» [Магометов 1970, с. 83]. В связи с этим высказыванием А.А. Магометова нам бы хотелось отметить, что если лексический материал агульского языка, стоящий в падежных формах этой серии, переводить на русский язык с помощью предлога (и наречия) «между», который требует после себя наличия имен существительных, выражающих два или более предмета, то А.А. Магометов, без сомнения, справедлив. Ради этой же справедливости мы должны отметить и то, что анализ агульского фактического материала свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев падежи этой серии употребительны с именами существительными, которые фактически не имеют форм множественного числа, с такими, как существительные, обозначающие сыпучие и текучие вещества и материалы, существительные с собирательным значением и т.д. (сіуі. ниже наш иллюстративный материал).

Что же касается русского предлога «между» и правдоподобности его использования для обозначения грамматических функций этой агульской локативной серии, то

прежде всего необходимо определить сущность этого предлога в русском языке и наличие соответствующего понятия в дагестанских языках.

Итак, «между», - расстояние, промежуток двух предметов..., черта, разделяющая две плоскости, особенно применяется к поверхности земли, к владению» [Даль 1956, с. 314].

«Наречие «между» есть (locativ. dual, а не accus.sing) [Шаумян, 1941, с. 36].

МДв у Преображенского означает местный падеж двойственного числа, а латинское разъяснение говорит, что эта форма – локатив двойственного, а не винительный падеж единственного числа.

«Между является местным падежом двойственного числа от межда «граница...» [Мейе, 1951 , с. 378].

Это же высказывание Антуана Мейе повторяет и С.Д. Никифоров [1952, с. 86]. В древнерусском языке можно было сказать: «Святополкъ стояше межи двъма озерома» («Повесть временных лет») [Черных, 1952, с. 144], т.е. «Святополк стоял между двумя озерами», но с таким же успехом использовалась и форма без числительного двъма, так как предлог «межи» (между) требовал, чтобы имя существительное, к которому он относится, стояло в местном падеже двойственного числа (озерома). После прекращения функционирования двойственного числа в славянских языках нагрузка была переложена «на плечи» множественного числа. Вот почему ныне предлог «между» (старославянская форма) требует после себя имена существительные, обозначающие два и более предметов. Видимо, такая позиция этого предлога в современном русском языке и послужила причиной для утверждения А.А. Магометовым такого высказывания, как: «Серия на -

гъ «между чем-то» чаще употребительна во множественном числе...» [Магометов 1970, с. 83].

Теперь возникает вопрос, сформировалась ли в дагестанских языках, в том числе и в агульском, такое понятие, как «межа». Адекватно ли оно по своим семантико-морфологическим функциям русскому предлогу (и наречию) «между»? Как свидетельствуют опубликованные лексикографические источники дагестанских языков, у народов Дагестана понятие «между» непосредственно ассоциируется с понятием «середина», и все лексические единицы и их формы, созданные в этих языках на базе понятия «середина», содержат основу исходной лексемы. Такие понятия, сформировавшиеся в дагестанских языках, как «средь», «среди», «посреди», «в середине» не совсем оправданно увязываются как синонимичные значению русского слова «между», хотя оно обозначает пространство меж двух предметов, которые оставляют выход свободным как спереди, так и сзади. Дагестанское же понятие, сформировавшееся на базе лексемы «середина», обозначает, наоборот, пространство, окруженное со всех сторон, и стоящий на нем предмет занимает центральное положение, в то время как понятие между допускает близость или дальность от двух окружающих плоскостей.

После отмеченного выше возникает вопрос, правдоподобно ли именовать серию местных падежей, обозначающую понятие «в середине», «среди» и т.д. названием понятия, которого нет и не сформировалось в дагестанских языках?

Когда мы рассматривали точки зрения специалистов агульского языка на эту серию локатива, мы убедились в том, что мнение Р. Шаумяна стоит намного ближе к истине, чем тех специалистов, которые предпочли именовать эту серию «между чем-либо». Как указано выше, Р.

Шаумян писал: «И, судя по моим немногочисленным примерам (серия на *-гъ*), означает «смешать», «расходиться», «впускать». Как известно, все эти три указанных глагола ныне в русском языке употребляются (наряду с другими), с предлогом «в»: (с-)-мешать(-ся) в», «расходиться в», «впускать в». Я бы, конечно, добавила и глагол «бросить в»... Это свидетельствует о том, что предмет или лицо, обозначаемое падежом этой серии, должен находиться «в чем-то», «внутри пространства», но какого пространства? – Пространства, окруженного со всех сторон! Это – названия сыпучих и текучих веществ и материалов, это – собирательные имена существительные и т.д., которые понимаются, в частности агульцами, как плотные, из которых нет выхода. Это – трава, дрова, отары (овец, лошадей, коров), камни, металл и пр. Сюда можно отнести даже «ноги», если они плотно зажаты, чтобы можно было удержать другой предмет или лицо (ср. пример А.А. Магометова: *гада акьунаъай дадан лакари-гъ* «мальчик сидел между ног отца», который дает автору основание именовать эту серию «между чем-нибудь» [Магометов 1970, с. 83].

Как нам думается, если мальчик сел между ног отца, то он обязательно упадет на пол или на землю, так как предлог «между» требует пространства между двумя объектами, а пространство, возникающее между двумя ногами, как известно, не дает человеку возможности садиться, так как он не может удержаться в воздухе. Поэтому люди обычно говорят, что сын сидел на коленях отца. Не совсем удачно и название diffusivus [Шаумян 1941, с. 37], данное Р. Шаумяном для обозначения локативных форм этой агульской серии. Оно переводится с латинского языка как падеж «смешения».

Сказанное выше в основном и послужило причиной того, что мы вынуждены были назвать эту серию агульских местных падежей inessivus Secundus «инессив второй», и, как нам думается, не без основания.

Мы ясно представляем себе и то, что специалисты, которые в течение длительного периода времени твердили о том, что эта серия в агульском обозначает «между», окажут определенный скептицизм. Но в любом случае мы рассчитываем на то, что и наша точка зрения может иметь право на существование.

И, наконец, нам бы хотелось указать на имена существительные, зарегистрированные в форме данной серии Р. Шаумяном: смешал с его баранами; положи мясо в чеснок; пустил в лес скот; нами: в воде есть рыба; в речку бросили рыбу; в муку положили соль; в траву упало кольцо; посоли молоко; в воде был песок и т.д. Спрашивается, где хотя бы отдаленное понятие в этих примерах, связанное с русским предлогом «между»: чтобы именовать эту серию «между»?

1. Итак, первым падежом серии инессива второго (inessvus II, secundus) является сам инессив II, который указывает на нахождение предмета или лица внутри плотного (заполненного) пространства. Он образуется в литературном языке от основы эргатива путем прибавления окончания *-гI* (фарингальный спирант). Если окончание инессива первого *-ъ*, заменить окончанием инессива второго *-гI*, то наречные и именные вопросы обеих серий окажутся адекватными: *хьитти-гI гIая балугъар* «в воде есть (имеется) рыба» (*нанди-гI*? «где?», *фиттигI?* «в чем?»), *нецIугI гIихьуне балугъар* «в речку впустили (бросили) рыбу», *гIуругI кьял гIихьуне* «в муку положили соль», *уькIеригI гIархьуне зе тIубул* «в траву упало мое

кольцо», *неккигI гIахъ кьял* «посоли (засыпь соль в) молоко», *хьиттигI гIуй ругар* «в воде был песок» и т.д.

2. Вторым падежом серии инессива второго – это иналлатив II (inallativus secundus), обозначающий движение предмета или лица в направлении предмета или лица, покоящегося в плотном (заполненном пространстве материи). Он образуется от инессива этой же серии путем прибавления окончания *-ди: ругуйигIди гIатуне хьед луз акьас* «в песок налили воду, чтобы сделать раствор» (*нандигIди?* «куда?», *фиттигьди?* «во что?»), *ракьугIди гIахъ калтуфар* «в (суп) бульон добавь картошки», *неккигIди хъат кьял* «в молоко брось соль», *къумугIди хъатуне гъванар* «в песок бросили камни», *чIвахIигIди хъатуне нис* «в простоквашу бросили сыр» и т.д.

3. И третьим падежом серии инессива второго является инэлатив II (inelativus II secundus), который указывает, что предмет или лицо удаляется (отходит) от предмета или лица, покоящегося внутри плотного пространства (материи). Он образуется от инессива этой же. серии прибавлением окончания *-ас: хьиттигIас гIаттивуне балугъар (нандигIас*? «откуда?», *фиттигIас*? «из чего?») «из воды вытащили рыбу», *арсурагIас гIаттивуне къизил* «из (от) серебра вытащили (отделили) золото», – *кIураригIас гIаттивуне якIв* «из дров вытащили (удалили) топор», *хуппуригIас гIадикуне малар* «из огорода прогнали скот», *раккагIас гIаттивуне чапп,* «из дверей вытащили тряпку», *чин гIаттийне дарагIас* «мы вышли из леса» и т.д.

Как свидетельствуют имена существительные, стоящие в падежных формах инессива второго, все они в агульском языке фактически не имеют множественного числа и используются в этой серии, как имена существительные, имеющие плотное пространство, т.е. пространство из которого нет выхода: *хьиттигI* «в воде», *нецIугI*

«в речке (имеется в виду «вода»), *гIуругI* «в муке», *уькIеригI* «в траве», *неккигI* «в молоке», *чIвахIигIди* «в простокваше», *арсурагIас* «из серебра», *кIурариг Iac* «из дров» и т.д.

С целью выявления психолого-лингвистического восприятия одного и того же грамматического материала представителями двух генетически близких народов, каковыми являются агульский и табасаранский народы, мы предложили студентам 3 курса филологического факультета педагогического университета (Якубовой Ф., Шерифовой Г., Магомедовой Э., Загирову А., Магомедовой Л.) переизложить на родном языке материал соответствующей локативной серии табасаранского языка, приведенный А.А. Магометовым в своей монографии [Магометов, 1970, с. 124-125].

Из пяти студентов выражение «среди девушек» четверо передали с помощью инессива второго на *-гI* (*шивгIаригI//шиберигI*); выражение «...пошел быть (среди) девушек» – иналлативом вторым на *-гI-ди* (*шиваригIди//шивгIаригIди*), в третьем варианте: «...вышел от девушек» передали инелативом вторым на *-гI-ас* (*шиваригIас//шивгIаригIас//рушаригIас*): выражение «в дыму» три студента передали инелативом на *гIас: кумагIас*, а два студента – инессивом этой же серии: *кумагI;* выражение «в моей книге» (есть письмо) все пять студентов передали одинаково инессивом вторым на *-гI: китабигI*: этим же инессивом все они передали и выражения «в волосах»: *чIарариг I; куппаригI* «в кизяке», а для выражения «из углей» использовали инелатив второй на *-гIас*: *куппаригIас* «из кизяка».

Предложение «мальчик сел между ног отца», во-первых, все студенты написали как «мальчик сел на коленях отца», и во-вторых, выражение «на коленях» передали

суперессивом на *-л: кьвакьварил* «на коленях», а для кошки, которая прошла между ног, все студенты использовали инелатив второй на *-гIас: лекаригIас*. Предложение «мальчик упал в пшеницу» трое из студентов передали иналлативом на *-гI-ди: кьурагIди,* а двое – инессивом на *-гI: кьварагI, кьурагI*. Фактически не справились студенты с предложением «мальчик пошел на базар» (просто так) и «мальчик пошел на базар» (в гущу людей), так как первый случай передали: *базари-ди (← базари- ъ-ди), базариъ, базариъди, базари-гI-ди,* а второй вариант: *базарис, базаригIди, базаригI.* В предложении «я смешал пшеницу с ячменем» только две студентки дали форму инессива второго на *-гI: кьурагI*, а другие: *кьурна* и *кьур.*

Предложение же: «мальчик на дереве» (сидит) все студенты передали суперессивом на *-л: кьуранил или дарил.* При проведении указанного теста нами не принимались во внимание диалектное представительство вовлеченных студентов и их школьный и последующий уровень подготовки. Если исключить из нашего поля зрения указанные факторы, то можно заключить, что большинство предложений, где необходимо было использовать падежные формы инессива второго: а) на *-гI* (в табасаранском соответственно *-гъ*), б) на *-гI-ди* (в табасаранском соответственно – *гъ-на*), в) на *-гI-ас* (в таб. соотв. *-гъ-аьн*), студенты (за исключением отдельных случаев) в целом передали их локативные значения в соответствии с грамматическими нормами табасаранского языка, проявляя тем как психолого-грамматическую близость, так и логическую идентичность в выражении одних и тех же морфологических категорий, которые еще не успели подвергнуться достаточно глубокой языковой дифференциации в двух близкородственных языках – в агульском и табасаранском.

И, наконец, с удовлетворением хотелось бы отметить, что наша точка зрения на пространственные значения падежных форм этой серии всецело поддерживается и Отиа Илларионовичем Кахадзе: «Арчибское окончание местного падежа *-хъ //-къ*, указывающее на нахождение предмета внутри какой-либо сплошной среды, соответствует в табасаранском и агульском языках падежному суффиксу *гъ*...»посреди», «между, а не...» [Кахадзе, 1979, с. 518]. Обратите внимание еще на такое высказывание С.М. Хайдакова: «Для выражения нахождения внутри существуют две серии местных падежей: падежи III серии выражают нахождение или движение внутри *полого* предмета (бочки, комнаты, пещеры и т.д.), IV серии – нахождение в *заполненном* пространстве, в *сплошной* массе (в воде, лесу, бороде и т.д.)» [Хайдаков 1967, с. 611-612].

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПАДЕЖАХ V И VI СЕРИЙ

Как известно, когда П.К.Услар исследовал табасаранский язык (это охватывает период приблизительно 1868-1875 годы), им было замечено, что в этом языке восемь серий местных падежей и по три падежа в каждой из них. Интересно отметить тот факт, что Услар выделяет как самостоятельные серии формы локативных падежей наф и нагъ. По выражению Услара, различие в значении форм местных падежей на *ф* и на *гь* весьма тонкое и большей частью одна форма может заменять другую [Услар 1979, с. 26]. Нам думается, что данное высказывание Услара, иллюстрирующее тонкости двух локативных серий табасаранского языка (серий на *ф* «у», «около» и на *гь* «у», «около»), вполне справедливо можно отнести к характеристике нынешних агульских серий локативов, обозначающих нахождение предметов или лиц около (у) чего-либо

или около кого-либо. По поводу этих серий *Р.Шаумян* пишет: «Adhaesivus оканчивается на полугласный -в и выражает близость, присоединение, а также лицо или предмет, которому что-нибудь принадлежит... Adessivus во всех диалектах оканчивается на -*гь* и выражает нахождение около чего-нибудь» [Шаумян 1941, с. 34]. Не согласиться с мнением Р. Шаумяна невозможно, так как локативы, образованные с помощью окончания *-гь*, выражают простое нахождение предмета около чего-нибудь или кого- нибудь, в то время как локативы, образованные с помощью окончания *-в* (и *ф* по диалектам), выражают не просто «около», «у», а больше «присоединение» и такое «присоединение» и «близость», что вещь или лицо может непосредственно принадлежать той или иной личности или объекту, т.е. падежи серии на -*в* указывают на то, что предмет или лицо покоится в непосредственном соприкосновении с другим предметом или лицом, или же находится непосредственно при нем.

В этом отношении позиция Р. Шаумяна, нам думается, намного ближе к истине.

Не можем не приветствовать и высказанное А.А. Магометовым мнение в отношении соответствующей серии табасаранского языка: «Падежная форма на *-хь* выражает не только нахождение «у чего-нибудь», «около чего-нибудь», но и значение обладания, наличия» [Магометов 1965, с. 124].

Употребление форм падежей серии на *-в* и на *-гъ* в агульском языке, как в свое время заметил П.К. Услар в отношении соответствующих серий табасаранского языка, дело «весьма тонкое», требующее глубокого знания родного языка и его психологии. Что касается современного табасаранского языка, то в нем серии на -*ф* и на -*гь* сведены к одной серии – к серии на -*хь*//*гь* (по А.А. Магомето-

ву, «тенденция ослабления конкретизации») [Магометов 1965, с. 118].

Однако же, хотя в табасаранском языке наблюдается тенденция стирания различия между двумя близкими по значению сериями, результатом чего и является сведение восьми серий к семи, все же различие между обеими сериями в ряде говоров еще налицо, отражением чего и является восемь серий у П.К. Услара, А. Дирра, а также в школьных грамматиках Т. Шалбузова [Магометов 1965, с. 118].

Выше мы отметили, что латинская приставка ad- указывает не только на направление предмета или лица к чему-либо, к кому-либо, но и нахождение предмета или лица около (у, при) чего-либо или кого-либо. В связи с этим предлагаемые нами термины падежей этих двух серий включают в себя латинскую приставку ad-. Таким образом, ныне в агульском языке мы имеем две разновидности серий адессива. Адессив первого вида указывает на предмет или лицо, покоящееся около (поблизости) кого- либо или чего-либо. Адессив же второго вида указывает на то, что предмет или лицо покоится в непосредственном соприкосновении с другим предметом или лицом, или же находится непосредственно при нем. Объединять эти две серии нет никакой необходимости, так как каждая из них маркируется самостоятельным морфемным инвентарем, и каждая из этих серий находит достаточно широкое применение в современном агульском языке. Такова точка зрения и А.А. Магометова на предмет этих серий в агульском языке: «падежи со значением «у чего-нибудь» и «перед чем-нибудь» дифференцированы» [Магометов 1970, с. 81].

V СЕРИЯ

1. В пятой серии падежом покоя является адессив первый (adessivus primus), который указывает, что предмет или лицо покоится около (поблизости) чего-либо или кого-либо. Он образуется от основы эргатива путем прибавления окончания *-гь* (ларингальная аспирата) и отвечает на вопросы *нандигь?* «где?», *фиттигь?* «около чего?»: *раккагь гъузуная кIиркI* «около (у) двери стоит мальчик» (*нандигь*? «где?», *фиттигь*? «около-чего?»), *че хIур эас-ф дагьаригь* «наше село находится (есть) около (у) горы», *пичигь экьуна ая хIадад* «около (у) печки греется дедушка», *къуджайигь экьуна ая джигьилар* «около (у) старика сидели молодые (юноши)», *гъвандигь гъархьуна а гъуй* «около (у) камня спит собака», *че кучагь акьуне демар* «на (около, у) нашей улице сделали (сыграли) свадьбу», *мугуйигь гьайя гъуй* «у (около) будки находится (есть) собака» и т.д.

2. Вторым падежом этой серии представлен аллатив первый (ad + lativus → allativus primus), который обозначает движение предмета или лица в направлении покоящегося объекта. Аллатив I образуется от основы адессива первого путем прибавления окончания -<u>*ди*</u>: *гъвандигьди гьучадине гъуй* «к камню подошла собака» (*нандигьди*? «куда?», *фиттигьди*? «к чему?»), *рахIугьди ушуне рахIухъан* «к мельнице пошел мельник», *вазалагьди вея космонавтар* «к луне направляются космонавты», *хулагьди гьуча файдине сус* «к дому привели невесту», *раккагьди ушуне шиникквар* «на улицу пошли дети» и т.д. Этот падеж в агульском может быть также назван и адитивом (от латинского aditus (adeo) «приход», «приближение»), так как обозначает движение по направлению к кому-либо или к чему-либо.

3. Третьим падежом этой серии является элатив первый (от латинского e = ex + latus → elatus; e = ex «из», «от»...), который указывает на то, что предмет или лицо движется от покоящегося объекта изнутри наружу. Этот падеж в агульском языке можно было также назвать дисцедентивом (от латинского discedo «ухожу», «удаляюсь», «отделяюсь»), так как этот термин обозначает удаление от кого-либо или от чего-либо.

Этот падеж образуется от основы адессива первого путем прибавления окончания *-ас: рагъугьас вея Iакв (нандигьас*? «откуда?», *фиттигьас*? «от чего?») «от солнца идет свет», *къуншис гучIая кардигьас* «сосед боится (от) работы», *раккагьас гьищине гъуй* «от (около) двери убежала собака», *раккагьас гьайчIв* «отойди от (около) двери» и др.

VI СЕРИЯ

Как указано выше, в составе шестой серии – те же самые падежи, что и в составе пятой серии с единственной той разницей, что последние служат для указания предметов и лиц, находящихся в непосредственном соприкосновении (контакте) с предметами и лицами, находящимися в покое, движении по направлению покоящихся объектов или удаляющихся от них.

1. В связи, с отмеченным выше первым падежом этой серии – падежом «покоя» является адессив второй (adessivus secondus), который обозначает предметы и лица, покоящиеся в непосредственном соприкосновении с объектами пространства. Он образуется от эргатива путем прибавления окончания *в: ве бабав фая зе берхIем* «у (при) твоей матери находится мое платье» (*нав*? «где?», *фиттив*? «у кого?»), т.е. в полном ее обладании, в непосредственной близости от нее, сравн.: *бабав фая шиниккв*

«у (при) матери (есть, держит) на руках ребенок», *къарив фая ягълукъ* «старуха имеет платок» (т.е. платок на старухе), *гъурав фая irkkв* «у собаки есть (имеется, держит) кость», *гитанив фая Iул* « кошки есть (держит) мышь», *зав фая китабар* «у меня есть (я имею при себе) книги» и т.д.

2. Вторым падежом шестой серии является аллатив второй (allativus secundus), который указывает на то, что предметы и личности движутся в направлении объектов пространства с тем, чтобы находиться в непосредственном соприкосновении с ними. Аллатив второй в агульском языке образуется от адессива второго путем прибавления окончания *-ди: бабавди тин шиниккв* «отдай ребенка матери» (*навди*? «куда?», *фиттивди*?, «к чему?», «кому?»), *тин дафтар ччуччувди* «отдай тетради брату», т.е. «отнеси к брату» (но не навсегда), *ччуччувди фачиен китаб* «брату отдай книгу», *дадавди фачийна уй кардилас цIайе машин* «отцу была дана с работы новая машина» и т.д.

3. Третьим падежом рассматриваемой серии является элатив второй (elativus secundus), указывающий на то, что предметы или лица удаляются (отходят) от покоящегося пространственного объекта. Он образуется от адессива второго путем прибавления окончания *-ас: илдешивас гъушуне пул* «у друга взял деньги», т.е. деньги, непосредственно принадлежащие (или находящиеся у друга) другу» (*навас*? «откуда?», *фиттивас*? «с (от) чего?», «у кого?») *хумбаривас фаттивуне гебурин ахтияр* « у (от) женщин отняли их права (*наривас*? «у кого?»); *хумбаривас фаттивуне IуькIвер* «у женщин отняли траву» и т.д.

Говоря о падежах пятой и шестой серий, т.е. о падежах адессива первого и адессива второго в агульском язы-

ке, хотелось бы отметить, что подобное же деление этих серий наблюдается и в лакском языке.

Формы адессива первого в лакском языке указывают на то, что предметы и лица покоятся «около чего-нибудь» или «около кого-либо», хотя на русский язык и переводят предлогом «у»: «у чего-нибудь», «у кого-либо», «у кого-нибудь». Так, адессив первый в лакском: *яттичIа хIухчуур ур* «около баранты пастух есть»; *ттучIа лу бур* «у меня книга есть». Примеры эти взяты у Г.Б. Муркелинского, который указывает, что адессив первый на *-чIа* показывает «...около чего-либо»: Если так, то и второй пример следовало перевести «около меня книга есть», но автор предпочитает перевести его «у меня книга есть» [Муркелинский 1971, с. 133].

Другая же серия адессива – серия на *-цI*, хотя и выражает нахождение у чего-либо в соприкосновении, то данный выше пример «у меня книга есть» нельзя употребить с падежами этой серии. По устному сообщению нашего научного руководителя А.Ш. Акиева, серия на *-цI* ныне в лакском языке принимает лишь ограниченное количество имен существительных, и, по его мнению, эта серия ныне в лакском языке пребывает в состоянии слияния с адессивом первым, так как в большинстве случаев вместо падежей этой серии лакцы употребляют адессив первый, образуемый окончанием *-чIа* «около», «близко», «поблизости». Кроме того А.Ш. Акиев считает, что ныне в лакском языке сформировались выражения, которые употребляются только с серией на *-чI*, и выражения, которые употребляются только с серией на *-цI* . В области локативных падежей в лакском произошло такое переосмысление, что даже постессив может передать значение предлогов «около», «у». Так, например, *та хьулу-х*

шяивкIун ур «он сидит у порога (в дом)», а не «сзади порога (в дом)».

По поводу этой серии Г.Б. Муркелинский пишет: «Постессив с суффиксом *-х* выражает нахождение позади чего-либо и отвечает на вопрос *за чем*? Например: *та чIирах шяивкIун ур* «он за стеной сидит», *оьрчIру столданух шябивкIун бур* «дети за столом сидят», *на нузкьунттух лаивкIра* «я за дверью спрятался» [Муркелинский 1971, с. 132].

А.Ш. Акиев же считает, что в первом примере чIирах «за стеной», хотя и стоит в форме постессива, но не выполняет постессивную функцию, а, наоборот, выполняет функцию адессива первого и второго, потому что вместо *чIира-х* можно употребить с успехом *чIира-чIа* или *чIира-цI*. Постессивную же функцию имени *чIира-х* в лакском языке выполняет послеложная форма *чIира-л махъ* «сзади стены», «за стеной»; лишь в примере *на нузкьунттух лаивкIра* «я за дверью спрятался» имя *нузкьунттух*, стоящее в постессиве, выполняет свою прямую постессивную функцию «за дверью», «сзади двери». Такова квинтэссенция и некоторых лакских эссивов. Как говорится, «не все то золото, что блестит».

VII СЕРИЯ

Локативы седьмой серии в агульском языке – это падежи обессива (obessivus), предназначенные для обозначения предметов или личностей, располагающихся в пространстве, занимающем вертикальное положение.

1.Первый падеж этой серии – это падеж покоя, названный по научной терминологии «обессивом» (латинская приставка ob- «перед кем-либо» или «перед чем-либо», «ради», «для», «в течение», «за» не слишком отвечает требованиям локативов этой серии агульского языка,

но мы вынуждены заимствовать его из-за отсутствия более подходящего термина).

Обессив (obessivus) обозначает предметы и личности, покоящиеся в вертикальном пространстве, и образуется от эргатива путем прибавления окончания -к: *цилик шикилар кехъуна ая* «на стене висят картины» (*нанди-к*? «где?», *фиттик?* «на чем?»), *дагьарик кея тукар* «на скале есть (имеется) цветы» и т.д. Однако не поддаются интерпретации такие примеры, сформированные с помощью этой серии, но по содержанию не слишком стыкующиеся с предназначением агульского обессива: *хIуийегик кьял кехъ* «насыпь в кастрюлю соль», или же: *цIахуник мюркьил акирхьуна* «под бревно подставили столб» и др.

2. Вторым падежом этой серии является обаллатив (oballativus), указывающий, что предмет или лицо движется в направлении предмета или лица, покоящегося в вертикальном положении. Он образуется от основы обессива путем прибавления окончания -ди: *циликди кехъуне пIалтIу* «на (букв.: к стене) стене повесили пальто», *закди Кедишине иттал* «на меня (букв.: ко мне) перешла болезнь (т.е. заразился)», *циликди Iул гьишине* «по стене побежала мышь» (т.е. по вертикали стены)...

3. Третьим падежом этой серии является обэлатив (ob + elativus). Он указывает, что предмет или лицо удаляется от другого предмета или лица, покоящегося в вертикальной плоскости, и образуется от обессива этой же серии путем прибавления окончания *-ас (-яс, -ес)*: *ччуччукес зас пул рукьая* «с брата мне причитаются деньги», *хутулакес дадас къял адине* «на племянника рассердился отец»; *гьаме кIур кучавелдикес рукъуне* «это дерево засохло от жары», *хIуягикес кеттархьуне кIучар* «от кастрюли оторвались ручки» и т.д.

VIII СЕРИЯ

В составе восьмой серии также участвуют три падежа. Они выражают понятие «позади», «за кем-то», «за чем-то».

Первым падежом этой серии является постессив (postessivus). Он образуется от основы эргатива путем прибавления окончания *-хъ*. Этот падеж указывает на то, что предмет или лицо покоится позади (за) кого-либо или чего-либо» и отвечает на вопросы *нандихъ?* «где?», *фиттихъ?* «позади (кого? – чего?)», за кем? – за чем?: *гъуй хулахъ хьуна а* «собака находилась, имелась за домом», *хулахъ хъая сал* «за домом есть (имеется) сарай», *зе чибхар неджбярихъ хIуппехъен хьефе* «мой двоюродный брат у крестьянина (букв.: за крестьянином) был пастухом», *хьумбеттин гъилихъ кьваниш хъая* «на руке женщины есть (имеется) браслет», *че паIалахъ ицIу чIарккв хъая* «у нашей курицы (букв.: за нашей курицей) есть (имеется) десять цыплят», *сувахъ хIучар хъая* «за горой (позади горы) есть (имеются) волки», *рушахъ идже кунар хъая* «девочки (за девочкой) есть (имеется) хорошее платье» и т.д.

2. Вторым падежом этой серии является посталлатив (postallativus), который указывает на то, что предмет или лицо направляется в сторону предмета или лица, покоящегося позади кого-либо или чего-либо, за кем-нибудь, за чем-нибудь. Он образуется от постессива прибавлением окончания *-ди* и отвечает на вопросы: *нандихъди?* «куда?», *фиттихъди?* «за что?», «за кого?»: *ягIа ччуччухъди хIулар адина а* «сегодня к брату (букв.: позади брата) пришли гости», *багнишар дарахъди адина а* «медведи пришли (появились) за лес (за лесом)», *хIучар сувахъди адине* «волки пришли (появились) за гору (позади горы).

3. Третьим падежом восьмой серии является постелатив (postelativus). Он образуется от постессива путем при-

бавления окончания -<u>*ас*</u>. Постелатив указывает на то, что предмет или лицо удаляется от предмета или лица, покоящегося за кем-то или за чем-то, и отвечает на вопросы: *нандихъас?* «откуда?», *фиттихъас*? «сзади кого?» или «сзади чего?»: *зун ягIа дадахъас лихьанас адефе* «я сегодня пришел работать за отца (букв.: сзади отца), *ге цилихъас къуттурфуне* «он смотрел из-за стены» (букв.: сзади стены), *ме тукарихъас ниъ вейдава* «от этих цветов не пахнет», *гъуй хулахъас ухIафе* «собаку держат для дома» (букв.: сзади дома»), *раккахъас хъайчIуне зун* «от; дверей (т.е. сзади дверей, из-за дверей) отошла я*», зун ягIа бабахъас ушуне маларин нубатиди* «я сегодня за маму (из-за мамы; був.: сзади мамы) пошла на очередь скота (т.е. дежурить скот) и т.д.

2.4. Образование множественного числа агульских местных падежей

Зная структуру единственного числа местных падежей, образование множественного числа не представляет никакой трудности. Так, к основе имени существительного прибавляют показатель множественности -<u>*ар*</u>-, а за ним следуют окончание эргатива -<u>*и*</u>- и формант соответствующей серии. Для иллюстрации отмеченного представляем парадигму (образцы) склонения одного имени существительного в форме множественного числа по трем падежам всех восьми серий.

СЕРИЯ I

1. Суперэссив *цил-ар-и-л-ди*
2. Супераллатив *цил-ар-и-л-ас*
3. Суперэлатив *цил-ар-и-л* «на стенах»

СЕРИЯ II

1. Субэссив — *цил-ар-и-кк* «под стенами»
2. Субаллатив — *цил-ар-и-кк-ди*
3. Субэлатив — *цил-ар-и-кк-ас*

СЕРИЯ III

1. Инэссив (первый) — *хул-ар-и-ъ* «в домах»
2. Иналлатив (первый) — *хул-ар-и-ъ-ди*
3. Инэлатив (первый) — *хул-ар-и-ъ-ас*

СЕРИЯ IV

1. Инессив (второй) — *цил-ар-и-гI* «в стенах»
2. Иналлатив (второй) — *цил-ар-и-гI-ди*
3. Инелатив (второй) — *цил-ар-и-гI-ас*

СЕРИЯ V

1. Адессив (первый) — *цил-ар-и-гь* «около стенок»
2. Аллатив (первый) — *цил-ар-и-гь-ди*
3. Элатив (первый) — *цил-ар-и-гь-ас*

СЕРИЯ VI

1. Адессив (второй) — *цил-ар-и-в* «у стенок»
2. Аллатив (второй) — *цил-ар-и-в-ди*
3. Элатив (второй) — *цил-ар-и-в-ас*

СЕРИЯ VII

1. Обессив — *цил-ар-и-к* «на стенах (вертикально)»
2. Обалатив — *цил-ар-и-к-ди*
3. Обелатив — *цил-ар-и-к-ес*

СЕРИЯ VIII

1. Постессив — *цил-ар-и-хъ* «за стенами»
2. Посталлатив — *цил-ар-и-хъ-ди*
3. Постелатив — *цил-ар-и-хъ-ас*

Таков в целом сериальный образец локативов агульского языка в форме множественного числа. О структуре указанных выше падежей более подробная информация изложена в сводный таблице, демонстрирующей склонение агульского имени существительного по всем падежам и числам. Она входит в состав диссертации в качестве приложения.

2.5. О нелокативных функциях агульских локативов

Как видно из вышеизложенного материала, – основное предназначение локативов – это обозначение предметов и лиц, находящихся в различных точках пространства, а также их перемещение в пространстве. При этом не следует забывать и о том, что локативы в дагестанских языках, наряду со своими основными локативными функциями, выполняют также и синтаксические функции, как выражаются некоторые специалисты дагестанских языков «выполняют абстрактные функции». Так как морфолого-синтаксические функции – это не абстрактная категория, мы считаем, что агульские локативы способны выражать такие синтаксические функции, которые выражаются в других языках формами основных падежей.

Как известно, в системе русского склонения творительный падеж занимает одно из основополагающих мест, выражая наиболее типичное для него значение *орудия* или *средства,* при помощи которого производится действие. Это – творительный *орудия* [Грамматика русского языка,

1960, с. 124]: *писать чернилами, резать ножом, расколоть топором, влиять своим авторитетом* и т.д.

Так как основная функция этого падежа в русском языке – это обозначение орудия труда, его иногда называют и орудийным падежом, и инструменталисом, и инструментальным падежом. В латинском языке этот падеж называется Ablativus-ом и переводится на русский как творительный. Ablativus, как показывает само его название, является падежом, означающим удаление, и точный перевод слова ablatives был бы «удалительный» или «отложительный». Но, так как в числе своих значений ablativus имеет значение и орудия или средства, при помощи которого совершается действие, т.е. отвечает на вопрос «кем?», «чем?», то в целях сближения с русской грамматической терминологией латинский ablativus переводится как творительный.

Творительного падежа, подобного индоевропейских языков, нет в дагестанских языках, в том числе и в агульском. Однако же функции этого падежа в дагестанских языках выполняет или эргатив, или один из местных падежей.

Так, в агульском языке функции инструменталиса (творительного падежа) выполняет супераллатив, который является вторым (направительным) падежом первой серии: *хурд-а-л-ди ярхIуне* «кулаком ударил», *якIв -ани-л-ди кIурар кьатIар акьая* «топором рубит дрова», *хьира маккал-и-л-ди уцая ху* «женщина серпом жнет поле», *ччуччу атIариа кIурар* «брат рубит дрова», *но ччуччу атIариа кIурар якIванилди* «брат рубит дрова топором», *дадалди зун рази э* «отцом я довольна», *зе гъилилди ликIине зун кIедж бабае* «своей (моей) рукой я написала письмо матери», *зун зе гъилилди рухуни къадилкьам* «я своими руками соткала ковер», *зун кантIалалди тIуб атIуне* «я ножом

порезал палец», *ге гъилилди лиханди ая* «он работает руками» и т.д.

В своем грамматическом очерке агульского языка Р. Шаумян называет этот падеж trans-allativus-ом, хотя респективно дает и термин instrumentalis. Термин transallativus больше связан с обозначением предметов и лиц, переходящих из одного состояния в другое (новое) состояние, что не вполне соответствует предназначению superallativus- а, выполняющего роль орудия труда в процессе превращения предмета из одного состояния в другое (новое) состояние. Как бы Р. Шаумян не называл superallativus агульского языка, но его синтаксические функции он достаточно хорошо понял и сумел изложить в своей монографии [Шаумян 1941, с. 40].

Так, если суперессив в агульском используется для передачи функций индоевропейского инструменталиса, то его элатив (суперелатив) используется, во-первых, для выражения временных отрезков: *са йисалас зун весе Маскавди* «через год я поеду в Москву», *са саIатилас хъучIучIасе даре* «через час начнется урок», *Iу вазалас АхIмад адесе хулади* «через два месяца Ахмед вернется домой»...; во-вторых, для создания сравнительных оборотов: *чу зурба э ччIиччIилас* «брат сильнее сестры», *МахIамад дехе гьуккая АхIмедалас* «Магомед бежит быстрее, чем Ахмед», *чи гьава э бабалас* «сестра выше матери», *че-хал азманф э къуншинтилас* «наш дом больше, чем дом соседа» и т.д.

Сравнительные обороты в агульском языке создаются не только с помощью описанной выше падежной системы, но также с помощью сравнительной частицы *дала*, которая для создания сравнения примыкает к различным падежным формам. Этот вид сравнения не является предметом нашего исследования, так как *дала* не является эле-

ментом падежной системы агульского языка. Ср.: *че хал азманф э къуншинтилас* «наш дом больше, чем дом соседа» и *че хал азманф э къуншинтин дала* «наш дом больше, чем дом соседа».

С помощью постессива на *-хъ* в агульском передается понятие «обладания»: *Ибрагьимахъ хъая хал* «Ибрагим имеет дом», *хIададахъ хъая къизилдин сеIат* «дедушка имеет золотые часы», *зе кIиркIахъ хъая китаб* «мой мальчик имеет книгу» и т.д.

Постелатив этой же серии в агульском выступает для выражения: *во-первых,* функций русского предложного падежа: *чин фикир аркьайя дусттарихъас* «мы думаем о товарищах», *чин мактаби шиникkварихъас агъай уй* «мы говорили об учениках в школе», *зун ппаракъайгъу акьасе зе шиникkварихъас* «я очень забочусь о своих детях», *ге ппара фикир акьуне учин китабихъас* «он больше думал о своей книге»..., *во-вторых,* функций русского родительного падежа: *ягIа зун ушуне мактаби рушахъас* «сегодня я пошла в школу из-за девочки», *Ибрагьимахъас завас хундавуй гъас дарс* «из-за Ибрагима я не смогла провести урок», *ччуччун хатирихъас зун ликIине ме кIидж* «из-за брата (ради брата) я написала это письмо», *гихъас кIифе ге* «за него (ради него) он умер»..., *в-третьих,* для частичного выполнения функций русского винительного падежа: *кIиркIа гьемишан хъатгъишая учин бабахъас* «мальчик всегда защищает свою мать» и т.д.

Отдельные из описанных выше функций в агульском могут быть выражены и лексически, т.е. с помощью слова-частицы *бадалди*. ср.: *гехъас* (с помощью падежной формы) *зун ачикуне турмайи* «из-за него меня посадили в тюрьму» и *ге бададди* (с помощью лексемы) *зун ачикуне турмайи* «из-за него меня посадили в тюрьму» и т.д.

Что касается форм, выражающих совместное движение или действие (по Шаумяну Р. comitativus), а также пассивное состояние предмета при совместном действии (по Шаумяну Р. collativus), то они не представляют из себя морфологически маркируемые падежные формы, а образованы аналитически с помощью деепричастных форм вспомогательных глаголов, напр.: *зун дада къай ушуне дарадн* «я с отцом пошел в лес» (букв.: находясь позади отца, я пошел в лес), *хумбеф шиникkв фай ^ея* «женщина идет (несет) с ребенком» (букв.: женщина идет, имея при себе (находясь при ребенке) ребенка). Выражая те или другие синтаксические отношения, формы с деепричастиями *къай, фай, гъай* ... в агульском языке не принимают участия в образовании его падежной системы и в этой связи не могут служить предметом нашего исследования.

2.6. О взаимосвязи окончаний агульских локативных падежей и соответствующих им глагольных превербов

Как известно, в отдельных дагестанских языках, в которых функционируют системы локативных падежей, существует определенная связь между маркерами серий и вербальными маркерами, уточняющими нахождение предмета или лица в той или иной пространственной ориентации. Вербальные маркеры в дагестановедении приобрели название превербов по месту их фиксации в структуре глагола. На существование таких превербов в лезгинских языках впервые сообщается в монографиях Адольфа Дирра по табасаранскому, агульскому, рутульскому, цахурскому языкам. «В предисловии к своей работе о рутульском языке, я сказал, что цахурский язык не имеет местных префиксов в глаголе (стр. IV). Это была ошибка с моей стороны...» [Дирр 1916, с. 63]. Затем он приводит

сравнительную таблицу превербов цахурского, рутульского, агульского и табасаранского языков:

Цах.	**Рут.**	**Агульск.**	**Табас.**
k-	k-(повт.)	k-	k-
л-		л-	(а)л-л
h-	-	h-	h-
5-	(а) -5	-	-
г-	г-	-	-
к-	-	к-	к,кк
к-	к-	к-	к

[Дирр, 1913, с. 65].

После Адольфа Дирра проблемами превербов в лезгинских языках занимались Р. Шаумян: «Местные префиксы подразделяются на простые и сложные» [Шаумян 1941, с. 75], Карл Боуда, который замечает, что именные суффиксы в табасаранском языке могут повторяться перед глаголом для обозначения пространственных отношений [Bouda, 1939], Л.И. Жирков: в табасаранском языке связка «есть» выражает «понятие о пребывании, наличии в определенном месте: *а* – есть (в наличии), *айн* – был, *ади* – будучи» [Жирков, 1948, с. 139], Б.Г.-К. Ханмагомедов [Ханмагомедов, 1958], А.А. Магометов: Как по значению, так и материально пространственные превербы агульского языка в основном идентичны соответствующим превербам табасаранского языка [Магометов 1956, с. 335]. По мнению А.А. Магометова, превербы в лезгинском языке в настоящее время не составляют такую ясную и прозрачную картину, которая представлена в табасаранском и агульском языках.

Однако же анализ лезгинского глагольного корня, проведенный Б.Б. Талибовым, свидетельствует о том, что

структура лезгинского глагола «содержит пространственные превербы так же, как это имеет место в широком масштабе в табасаранском и агульском языках [Талибов 1958, с. 236; 247] и что лезгинский глагол широко пользовался пространственными превербами, которые по мере развития языка стали постепенно исчезать, а в некоторых случаях окаменели [Талибов 1958, с. 247].

«Актуальность проблемы, связанной с инвентаризацией локативных префиксов глагола, выходит, однако, далеко за пределы морфологии собственно глагола – как описательной, так и исторической. Дело в том, что во многих кавказских языках локативные префиксы глагола последовательно соответствуют падежным аффиксам именных классов слов. Это значит, что изучение способов, типов и семантики глагольной префиксации может быть опорой при выявлении и описании падежной системы языка в синхроническом и диахроническом планах...» [Тарланов 1980, с. 69-70].

Анализ глагольных основ арчибского языка показал, что такие местные префиксы, т.е. превербоиды, имелись и в глаголах арчибского языка, но впоследствии под влиянием других языков (аварского...), не имеющих подобных местных префиксов, они окаменели и срослись с основой глагола [Кахадзе, 1979, с. 519-520].

Подробная информация о превербах рутульского и агульского языков содержат и монографии Г.Х.Ибрагимова [1978; 1990, с. 122-127].

Образцами согласования морфем локативных падежей и превербов агульского языка могут служить нижеследующие примеры:

I серия: *АхIамада ал-ихъуне устули-л ручка.* «Ахмед положил ручку на стол».

II серия: *АхIамада кк-ихъуне устули-кк лег.* «Ахмед положил ногу под стол».

III серия: *АхIамада сиви-ъ (ъ-)-ихъуне гуни.* «Ахмед в рот положил хлеб».

IV серия: *АхIамада гI-ихъуне хула-гI тIагарар.* «Ахмед вставил окна в доме».

V серия: *АхIамадан хула-гь гь-ая дукан.* «Перед домом Ахмеда имеется (стоит) магазин».

VI серия: *АхIамадан хула-ф ф-ая мактабин цIил.* «У дома Ахмеда есть (стоит) школьная стена».

VII серия: *АхIамадан берхIеми-ккея къизилдин медаль.* «На рубашке Ахмеда (есть) золотая медаль».

VIII серия: *АхIамадан хулари-хъ хъ-ая батIар мукьар.* «За домом Ахмеда (есть) красивые места».

Подобное же согласование существует и в исходном, и направительном падежах всех восьми серий агульских локативов.

При всей своей привлекательности проблема превербов, принимающих участие в составе глагола и их согласование с существительными, стоящими в местных падежах, в целом она выходит за рамки нашего исследования и переходит в область морфологии и синтаксиса вербальной системы агульского языка.

Установление генезиса как показателей агульских местных падежей, так и соответствующих им превербов, также является одной из основных проблем исторической морфологии агульского и других лезгинских языков.

2.7. Синтаксические функции агульских локативов

Как известно, второстепенные члены предложения (в частности дополенение и обстоятельство) в русском языке

не всегда выступают в предложении с достаточно ясными, характерными формальными признаками. Приходится, с одной стороны, учесть реальное ощущение пространственных отношений, место размещения чего-либо, а с другой стороны, то, в какой мере существительное сохраняет или теряет реальное значение «предмета» в данном контексте Так, в примерах: *Пугачев сидел в креслах на крыльце коменданстког о дома* («Капитанская дочка», А.С. Пушкин) и *Соловьи заливались в рощах* («Весна на Одере», Эм. Казакевич). В первом случае (в креслах) еще не определяет места, а значит, представляет дополенение, в то время как во втором случае (в рощах) осознается реальное ощущение места размещения предмета, а значит, является обстоятельством. В таких случаях необходим семантико-функциональный подход, чтобы выявить отнесенность той или иной лексемы к определенному вопросительному члену в составе предложения. Однако в русском языке встречаются и случаи, когда одна и та же лексема в составе предложения выступает (и рассматривается) то дополнением, то обстоятельством. Напр.: *книга лежит на столе* (где? и на чем?), или *муха сидит на книге* (где? и на чем?). Такие переходные случаи А.А. Шахматов определяет следующим углом зрения. Существительное с предлогом, не потерявшее своего реального значения (значение предмета), следует рассматривать как особый вид дополнения, а именно – как релятивное, т.е. относительное, дополнение [Шахматов, 1941, с. 274]. Некоторые русисты такого рода случаи рассматривают как обстоятельство-дополнение [Руднев 1960, с. 142], стремясь ввести для обозначения «промежуточных» семантико-синтаксических функций членов предложения синтетический термин.

Что же касается аналогичной ситуации в агульском языке, то его локативы как покоя, так и движения больше ориентированы для обозначения расположения предметов и лиц в различных точках простраснства. И в этой связи падежные формы имен существительных четче выполняют их обстоятельственные функции. Но это не свидетельствует о том, что агульские локативы выполняют в предложении лишь функции обстоятельств. Принимая ту или иную форму местного падежа, агульское имя существительное одновременно сохраняет свою предметную (материальную) сущность и может считаться дополнением предложения.

Что же касается вопросов, задаваемых к именам существительным, стоящим в том или ином локативном падеже агульского языка, то можно отметить, что, за исключением редчайших случаев, имя существительное агульского языка в локативном падеже с одинаковым успехом принимает как обстоятельственные (наречные), так и именные (местоименные) вопросы. Таким образом, имя существительное в локативном падеже в агульском языке является одновременно и обстоятельством, и дополнением. Напр.: *джигьил инсан экьуна ая хIададан бугулив* «юноша (зд.: молодой человек) сидит около дедушки». В данном предложении к имени существительному *бугулив* с одинаковым успехом можно поставить и вопрос обстоятельства *нандив?* -где?, и именной вопрос *гьинав*? -около кого?

В зависимости от того, какой вопрос ставится к имени существительному, стоящему в одном из локативных падежей, и решается вопрос – быть ему в предложении обстоятельством или дополнением.

После длительных раздумий о двойственной природе агульских существительных, стоящих в формах локатив-

ных падежей, мы пришли к выводу о том, что этот вопрос в агульском языке необходимо разрешить как в пользу обстоятельства, так и в пользу дополнения. И в этой связи для таких форм агульских имен существительных мы предлагаем аналитический термин *«обстоятельственное дополнение»*, а во множественном числе *«обстоятельственные дополнения»*. Как нам думается, этот термин больше всего соответствует природе агульских имен существительных, стоящих в различных формах локативных падежей. Кроме того, это снимает и двусмысленность этих падежных форм в составе предложения в процессе синтаксического его разбора и в школах и в вузах республики.

Так, разбирая предложение: *тIутI экьуна ая тIагарил* «муха сидит на окне», один студент утверждает, *тIагарил* «на окне» является дополнением, так как отвечает на вопрос *фиттил*? – на чем? Другой же студент не соглашается с ним и утверждает, что тIагарил «на окне» отвечает на вопрос *нандил?* – где? и в связи с чем является обстоятельством.

Конечно, утверждения обоих студентов не подлежат сомнению. Они верны по своей сути. Единственная помеха здесь – это то, что в локативных падежах имена существительные агульского языка приобретают двойственную синтаксическую натуру, которую мы и постарались снять, не ущемляя самой двойственной природы таких имен существительных.

Теперь, разбирая предложение: *тIутI экьуна ая Iалил* «муха сидит на Али», студент не станет утверждать, что *Али* – это одушевленное разумное существо и что к нему надо задать вопрос *гьинал*? – на ком? вместо *нандил*? – где?, как это делается в русском! Студент, наоборот, ответит, что в данном случае агульский язык адекватно допус-

кает оба вопроса, независимо от предмета или лица и что как член предложения «*Iалил*» является обстоятельственным дополнением.

Или же, разбирая предложение: *кIиркI кечушуне устуликк* «мальчик зашел под стол», студент сразу же отвечает, что существительное «*устуликк* – под стол» как член предложения является обстоятельственным дополнением, так как с одинаковой семантико-функциональной значимостью отвечает как на вопрос *нандик*? – куда?, так и на вопрос *фиттик*? – под что?

Выше мы отметили, что подобному подходу препятствуют отдельные случаи. Мы их назвали редчайшими случаями. Одни из них мы описываем в нижеследующием примере, так как с другими случаями подобного порядка в агульском языке нам не приходилось встречаться.

Возьмем такой пример: *къучма вея хIайвандил* «товарищ едет на коне». Как в русском, так и в агульском языках имя существительное *хIайвандил* – на коне требует только одного вопроса, а именно – в русском: «на чем?», а в агульском: *фиттил?*, тоже «на чем?», несмотря на то, что агульский вариант занимает позицию суперессива «на». Это является фактически единственным случаем в агульском языке, когда имя существительное, стоящее в локативе, не может рассматриваться как обостоятельственное дополнение, а, наоборот, должно в составе предложения рассматриваться как полноценное дополнение. С другими подобными случаями пока нам не приходилось встречаться.

Думается, что этот единственный случай не нарушит той стройной закономерности, наблюдающейся с агульскими именами существительными, стоящими в формах локативов и рассматриваемыми нами как обстоятельственные дополнения.

ГЛАВА III. АГУЛЬСКИЕ АТРИБУТИВНЫЕ ИМЕНА (ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ)

I. Имя прилагательное

1. Образование и функционирование агульского прилагательного (адъектива)

В тех дагестанских языках, в которых регистрируется действующая система грамматических классов, между определяемым именем существительным и ответвляющим словом (адъективом) возникает классное согласование. Так, например, в лакском: *д-угьарасся нину* «пожилая мать» (д-экспонент II грамматического класса, указывающий, что слово нину «мать» – имя второго грамматического класса). Те прилагательные, которые принимают экспоненты грамматических классов, могут выполнять одновременно и функцию категории числа: *б-угьарасса нину-хълу* «пожилые матери» (экспонент *б-* в данном случае указывает, что имя существительное второго грамматического класса стоит во множ.числе).

Подобное падежное согласование, какое мы наблюдаем в современном русском языке, ни в одном из дагестанских языков не зарегистрируется:

	един, число	**множ. число**
Им. п.	*пожилая женщина*	*пожилые женщины*
Род. п.	*пожилой женщины*	*пожилых женщин*
Дат. п.	*пожилой женщине*	*пожилым женщинам*
Вин. п.	*пожилую женщину*	*пожилых женщин...*

род

Им. п.	*хороший мальчик*	*хорошие мальчики*
Род. п.	*хорошего мальчика*	*хороших мальчиков*
Дат. п.	*хорошему мальчику*	*хорошим мальчикам*
Вин. п.	*хорошего мальчика*	*хороших мальчиков и т.д.*

Эти и аналогичные им другие образцы русского склонения свидетельствуют о том, что в этом языке представлена одна из форм синтаксической связи – согласование, которое устанавливает связь между определяющим и определяемым именами по трем морфологическим категориям одновременно: по роду, числу и падежу.

В этом отношении прилагательное агульского языка, в котором отсутствует действующая система грамматических классов, не в состоянии представить ни грамматический класс, ни число определяемого существительного, но и падеж, так как в функции атрибутива агульское прилагательное по падежам не изменяется. Наблюдается лишь препозиционное примыкание одной и той же несогласуемой формы прилагательного к склоняемой части имени существительного:

	единственное число	множественное число
	един. ч.	**множ. ч.**
Им. п.	*гьава хал* «высокий дом»	*гьава хул-ар*
Эрг. п.	*гьава хул-а*	*гьава хул-ар-и*
Род. п.	*гьава хул-ан*	*гьава хул-ар-и-н*
Дат. п.	*гьава хул-ас*	*гьава хул-ар-и-с*

В1 серии (в суперессиве)

1. *Суперессив гьава хула-л* *гьава хул-ар-и-л*
2. *Суперелатив гьава хул-а-а-ас* *гьава хул-ар-и-л-ж*
3. *Супераллатив гьава хул-а-л-ди* *гьава хул-ар-и-л-ди*

В 2 серии (в субессиве)

1. *Субессив гьава хул-а-кк* *гьава хул-ар-и-кк*
2. *Субелатив гьава хул-а-кк-ес* *гьава хул-ар-и-кк-ес*
3. *Субаллатива гьава хул-а-кк-ди* *гьава хул-ар-и-ъ-ди*

В 3 серии (в инессиве первом I)

1. *Инессив I гьава хул-а-ъ* *гьава хул-ар-и-ъ*
2. *Инелатив I гьава хул-а-ъ-ас* *гьава хул-ар-и-ъ-ас*
3. *Иналлатив I гьава хул-а-ъ-ди* *гьава хул-ар-и-ъ-ди*

В 4 серии (в инессиве втором II)

1. *Инессив II гьава хул-а-гI* *гьава хул-ар-и-гI*
2. *Инелатив II гьава хул-а-гI-ас* *гьава хул-ар-и-г 1-ас*
3. *Иналлатив II гьава хул-а-гI-ди* *гьава хул-ар-и-г 1-ди*

В 5 серии (в адессиве первом I)

1. *Адессив Iгьава хул-а-гь* *гьава хул-ар-и-гь*
2. *Элатив I гьава хул-а-гь-ас* *гьава хул-ар-и-гь-ас*
3. *Аллатив I гьава хул-а-гь-ди* *гьава хул-ар-и-гь-ди*

В 6 серии (в адессиве втором II)

1. *Адессив II гьава хул-а-ф* *гьава хул-ар-и-ф*
2. *Элатив II гьава хул-а-ф-ас* *гьава хул-ар-и-ф-ас*
3. *Аллатив II гьава хул-а-ф-ди* *гьава хул-ар-и-ф-ди*

В 7 серии (в обессиве)

1. *Обессив гьава хул-а-к* *гьава хул-ар-и-к*
2. *Обелатив гьава хул-а-к-ес* *гьава хул-ар-и-к-ес*
3. *Обаллатив гьава хул-а-к-ди* *гьава хул-ар-и-к-ди*

В 8 серии (в постессиве)

1. *Постессивгьава хул-а-хъ* *гьава хул-ар-и-хъ*
2. *Постелатив гьава хул-а-хъ-ас* *гьава хул-ар-и-хъ-ас*
3. *Посталлатив гьава хул-а-хъ-ди* *гьава хул-ар-и-хъ-ди*

Из приведенного образца склонения имени существительного хал «дом» в сочетании с адъективом гьава «вы-

сокий» в атрибутивной функции ясно видно, что в агульском языке адъектив не согласуется с определяемым существительным ни в одном из падежей, включая как основных, так и локативных падежей. Он морфологически совершенно инертен в отношении постпозиционного имени существительного, которое и является основным носителем морфологической и синтаксической нагрузки в подобных свободных словосочетаниях агульского языка.

Как известно, в диалектах агульского языка в формировании прилагательных участвует несколько показателей: *д, р, т* и *ф*. По поводу этих показателей впервые Р. Шаумян заметил: «Хотя агульский язык не сохранил категории класса, однако рассмотренные нами частицы прилагательных -*ф*, -*р*, -*д* и *т* мы вправе возводить к классным (родовым) показателям, которые в дальнейшем, утеряв свое значение, соответственно были использованы в различных диалектах и говорах в качестве характерных частиц прилагательных. Это подтверждается материалами родственных языков, где классных показатели соответствуют указанным частицам прилагательных агульского языка. Этот интересный факт из истории развития агульского языка позволяет нам установить функциональную смену грамматических категорий, что очевидно из сопоставлений, приведенных в сравнительной таблице прилагательных [Шаумян, 1941, с. 47]. В указанной таблице к сравнению привлекаются экспоненты грамматических классов прилагательных табасаранского языка, в котором система категории класса пока что еще жива.

В высказывании Р. Шаумяна примечательно то, что, во-первых, он впервые устанавливает генезис показателей прилагательных агульского языка, во-вторых, высказывает предположение о трансформации функций экспонентов грамматических классов в процессе эволюции языка, и

самое главное – указывает, что в диахронии и агульскому языку было присуще согласование по грамматическому классу.

В данном разделе нас же прежде всего интересуют прилагательные, образуемые с помощью показателя -ф, так как данная морфема характеризует особенности прилагательных собственно агульского диалекта, лежащего в основе современного литературного агульского языка. Как известно, в числе экспонентов грамматических классов дагестанских языков такого экспонента, как *-ф*, не встречается. Однако, как нам думается, его верную интерпретацию дает А.А. Магометов: «В большинстве говоров агульского языка прилагательное имеет в исходе окаменелый классный показатель *ф̲ (в←б)*» [Магометов, 1970, с. 94].

Имя прилагательное в агульском языке, как известно, обозначает признак предмета. Это может быть обозначение качества идже гада «хороший мальчик»; ире тук «красный цветок», ире пайдагъ «красное знамя» и т.д. Когда качественное прилагательное в агульском языке использовано в атрибутивной функции, то оно выступает без показателя прилагательного -ф̲ *(х←д→р* – в диалектах), возводимого к окаменелому классному показателю [Шаумян, 1941, с. 47]. При этом такие прилагательные, как указано выше, не склоняются по падежам и не изменяются по числам. Изменяемой же частью является определяемое имя существительное, которое и склоняется по падежам и принимает числовую морфему. Имя прилагательное в русском языке может выразить и отношение к другому предмету или принадлежность. Например: городская улица, т.е. улица, находящаяся в городе; вчерашнее сообщение, т.е. сообщение, сделанное вчера; сестрин платок, т.е. платок, принадлежащий сестре; дедова землянка,

т.е. землянка, принадлежащая деду и т.д. Такие отношения, которые не содержат в себе качественной характеристики предмета, а называют лишь признак, являющийся одновременно указанием на отношение одного предмета к другому предмету, или означают принадлежность предмета к тому или другому лицу, агульские прилагательные не в состоянии выполнить, так как нет в этом языке ни относительных, ни притяжательных прилагательных, функционирующих ныне в русском языке.

Так как в агульском языке, подобно другим дагестанским языкам, нет ни относительных, ни притяжательных прилагательных, то их функции выполняют имена существительные, стоящие в форме генитива перед определяемым словом.

Основа качественных прилагательных в агульском языке, так же, как и имена существительные в назывной форме, может иметь в ауслауте как гласные, так и согласные звуки, включая сонорные д и н, которые не имеют ничего общего с аналогичными окончаниями генитива имен существительных или с показателями адъективов.

Агульскому прилагательному как части речи *сравнительная степень* не присуща. Чтобы выразить сравнение двух объектов (существительных) название сравниваемого объекта (существительного) ставится в суперелативе первой серии местных падежей, а прилагательное при этом все время остается в положительной степени (в исходной форме): *гъван цIуппеф э хьитта-л-ас* «камень тверже воды» (букв.: камень твердый есть, чем вода), *зун хIаф э зе ччуччу-л-ас* «я старше своего брата» (букв.: я старший есть моего брата); *ирефф иджсе э джагартилас* «красноелучше белого» (букв.: красный (цвет) лучше (есть), чем белый (цвет); *кIиркI хIаф э рушалас* «сын

(мальчик) старше дочери букв.: сын старший (есть), чем дочь).

Сравнение в агульском языке создается и с помощью частицы дала, которая примыкает к любой падежной форме сравниваемого объекта (существительного): *къунши идже э, багунф дала* «сосед лучше, чем родственник» (букв:: сосед хороший есть, родственник чем); *зе ччиччин кучерар ирхе э, зе дала* «моей сестры косы длиннее, чем мои» (букв.: моей сестры косы длинней есть мои чем); *час ппара кандай хIабаб, хIадад дала* «мы очень любим бабушку, чем дедушку» (букв.: мы очень любим бабушку, дедушка чем); *иреф идже э, джагарф дала* «красный лучше (есть), чем белый (имеется в виду «цвет»); *бицIиф идже э, азманф дала* «маленький лучше (есть), чем большой» (имеется в виду любой большой объект) и т.д.

И, наконец, если к сравнению привлекаются два и более полноправных (полноценных) объекта, то используется наречие *суман* «как», которое переводится на русский язык как «такой (-ая, -ое), как»: *ге(-ра) азманф э, вун суман* «он такой же большой, (есть), как и ты»; *хIабаб(-ра) Iусеф э, хIадад* суман «бабушка такая же старая (есть), как и дед»; че гIур фая нецIвув, чвёф суман «наше селение расположено так же у реки, как и ваше»; ме кIуранин *хIачар гъазеттар э, текIуранин суман* «яблоки на этом дереве такие же зеленые (есть), как на том дереве»; *АхIмед(-ра) Iакьул кейеф э, учин дад суман* «Ахмед такой же умный (есть), как и свой отец» и т.д.

При этом следует иметь в виду и то, что, хотя к сравнению привлекаются различные объекты, выраженные именами существительными, присутствие их признака или качества, выраженные именами прилагательными в исходной форме (в положительной степени), является не-

обходимым условием степеней сравнения агульского языка.

Нет в агульском языке и морфологически оформляемой превосходной степени.

Превосходная степень здесь образуется лексически путем прибавления заимствованных слов *лап* «очень» и *ппара* «очень», «много»: *зе курар лап идже хьунай* «мои дела очень хорошо пошли (стали)»; *че мукьунтар ппара дуьхьуьттар э* «мои родственники очень дружны».

Для превосходной степени в агульском языке, кроме лексем *лап* и *ппара,* используется еще *Iайе* «очень», «сильно»: *че сусан баб са Iайе идже инсан э* «мать нашей невесты чрезвычайно (очень) хороший человек (есть); *че ададан чшникквар са Iайе батIарттар э* «дети нашего дяди чрезмерно (очень) красивы» и т.д.

Прилагательные в агульском языке могут субстантироваться, т.е. материализоваться, приобретая определенный оттенок существительного. Субстантировавшееся прилагательное может быть употреблено только самостоятельно и не в состоянии выполнить атрибутивную функцию.

Когда агульское прилагательное субстантивируется, оно, как и существительное, приобретает и склоняемость по падежам и числовую категорию. При этом прилагательные диалекта, лежащего в основе литературного языка, которые имеют в форме именительного падежа ауслаутный -ф, замещают его в эргативе на *-тт-(д)* и в формах всех остальных падежей единственного и множественного чисел. Так например: в эргативе: *идже -тт-и кIине хIуч* «хороший убил волка», если в атрибутивной функции, то имеем следующую форму: *гIурчахъан-д-и* (эрг.)кIине идже *(хорошую) гъуй* «охотник убил хорошую собаку». Субстантивированное прилагательное в функции

генитива принимает следующую форму: *идже-ттин Іуьмур* (а в функции определения – идже Іуьмур «хорошая жизнь») ирхе верефе «хорошего жизнь (имеется в виду жизнь хорошего человека) бывает долгой (длинной). В дативе формы те же, что и у существительного: Іуссеттис ппара иджвелар акьуна канде «старому следует (надо) делать много добра и т.д.

2. Образец склонения субстантивированных прилагательных по местным падежам

ІСЕРИЯ

1. *Суперессие ире-тт-и-л* ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-л*
2. *Суператтатив ире-тт-и-л-ди* ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-л-ди*
3. *Суперелатив ире-тт-и-л-ас* ***мн. ч.*** *ире-тт-ар-и-л-ас*

1. Иреттил алйх гъил «на красное положи руку.
2. Иреттилди алгутуне кІаре ранг «на красный перешел черный цвет».
3. Иреттилас алайтуне ранг «с красного отошел цвет», т.е. красный цвет поблек.

II СЕРИЯ

1 .Субессив ире-тт-и-кк ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-кк*
Субаллатив ире-тт-и-кк-ди ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-кк-ди*
2. Субелативире-тт-и-кк-ес ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-кк-ес*

1. Иреттикк ккея джагарф «под красным лежит (находится) белый».
Иреттиккди хъудуьхьефе джагарф ягълухъ «к красному подходит белый платок».
3.Иреттиккес кедикІая джагарф «из-под красного выглядывает белое».

III СЕРИЯ

1. *Инессив первый ире-тт-и-ъ* **мн.ч.,** *ире-тт-ар-и-ъ*
2. *Иналлатив первый ире-тт-и-ъ-ди* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-ъ-ди*
3. *Инелатив первый ире-тт-и-ъ-ас* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-ъ-ас*

1. *Джагвар тибйтилас иреттиъ ппара арукая шейэр «чем в белом сундуке,* в красном больше вмещается вещей».
2. *Иреттнъди агьатуне хьед* «в красное налили воду».
3. Ирреттиъас гъуюна ахъ джагвар бадрайи «из красного высыпь в белое ведро».

IV СЕРИЯ

Инессив второй ире-тт-и-гI **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-гI*
Иналлатив второй ире-тт-и-гI-ди **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-г* ***I*** *-ди*
Инелатив второй ире-тт-и-гI-ас **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-г* ***I****-ас*

1. ИреттигI гIахъуне ппара шакар «в красное насыпали много сахара».
2. ИреттигIди г 1 ачушуне к 1 аре ранг «в красный перешел черный цвет».
3. ИреттигIас гIаттивуна гIиккIуне кIаре ранг «из красного вытащили и положили в черную'краску».

V СЕРИЯ

1. *Адессив первый ире-тт-и-гъ* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-гь*
2. *Аллатив первый ире-тт-и-гь-ди* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-гь-ди*

3. *Элатив первый ире-тт-и-гь-ас* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-гь-ас*

1. Иреттигь гьуй батIар шибер «у красной были (находились) красивые девушки».
2. Иреттигьди гьучушуне че хIабабан вец «к красному подошел бык нашей бабушки».
3. Иреттигьас фера аргвай адавуй «из-за красного ничего не было видно».

VI СЕРИЯ

1. *Адессив второй ире-тт-и-в . мн.ч. ире-тт-ар-и-в*
2. *Аллатив второй ире-тт-и-в-ди мн.ч. ире-тт-ар-и-в-ди 3.Элатив второй ире-тт-и-в-ас мн.ч. ире-тт-ар-и-в-ас*

1. Иреттив фачихьуне джагарф «к красному (цвету) приложили белый».
2. Иреттивди гьуфукI джагарф «к красному приложили белый (цвет)».
3. Иреттивас гьаттивуне джагарф «от красного убрали белый (цвет)».

VII СЕРИЯ

1. *Обессив ире-тт-и-к* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-к*
2. *Абаллатйв ире-тт-и-к-ди* **мн.ч.** *ире-тт-ар-и-к-ди*
3. *Обелатив ире-тт-и-к-ес* **мн. ч.** *ире-тт-ар-и-к-ес*

1. *Ирреттик кия парра дарманар* «в красном имеется много лекарств (витаминов)».
2. *Иреттикди китI тукар* «к красному повесь цветы».

3. *Иреттикес хьунай ширин чахир* «из красного получилось вкусное вино».

VIII СЕРИЯ

1. Постессив *ире-тт-и-хъ* ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-хъ*
2. Посталлатив *ире-тт-и-хъ-ди* ***мн.ч***. *ире-тт-ар-и-хъ-ди*
3. Постеллатив*ире-тт-и-хъ-ас* ***мн.ч.*** *ире-тт-ар-и-хъ-ас*

1. Иреттихъ гъузуна а инсанар «за красным стоят люди».
2. Иреттихъди ушуне джалга идемарин «за красным пошла толпа мужчин».
3. Иреттихъас ппара гъургъубур хьефе зе «из-за красного много скандалов было у меня».

II. Числительное.
Значение имени числительного

Числительное – это класс слов, которые являются названием выраженного в числах количества предметов, а также, порядка их по счету. Из этого следует, что не всякое слово со значением количества(тройка, сотня) относится к числительным, а только слова, в которых количественные понятия выражены с помощью чисел, то есть, общепринятых единиц счета.

Понятие числа, по Энгельсу, взято из действительного мира. «Десять пальцев, – писал он, – на которых люди учились считать, то есть производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума» [Энгельс 1950, с. 37]. Так, имена числительные сами по себе в современном агульском языке чрезмерно абстрактны. Например, числительные *хьибуд* «три», *къад* «двадцать»,

цIехьи£уд «тринадцать» и т.д., взятые вне контекста речи, дают лишь общее представление о количестве. Содержание же их количественного признака уточняется и конкретизируется только после присоединения к ним предметных слов: *хьибу хIайван* «три лошади», *къа гитан* «двадцать кошек», *цIехьибу йис* «тринадцать лет» и т.д.

Такая отвлеченность значений числительных находит себе объяснение в самом процессе познания действительности. Дело в том, что понятие числа возникает на той стадии развития познания, когда при рассмотрении предметов человек отвлекается от всех их свойств, кроме *количественных*. Энгельс писал: «Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств, кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития» [Энгельс 1950, с. 37].

В области согласования и выполнения синтаксических функций между количественными числительными русского и агульского языка наблюдаются существенные расхождения. Так, родительный падеж существительных русского языка, употребляемый при числительных, является носителем предметного значения всего словосочетания, так как употребляемое самостоятельно, без предметного уточнителя, любое количественное числительное весьма абстрактно. В сочетаниях же типа *десять дней, девять страниц* оно получает реальное значение, входя при этом в весьма сложные отношения с предметными словами. Как в свое время на это обращали внимание А.А. Шахматов и В.В.Виноградов, в таких синтаксически неделимых словосочетаниях (два дня) следует видеть *грамматические идиомы,* неразложимые грамматические обороты [Шахматов 1941, с. 14].

Близость этих сочетаний (два дня, четыре книги) к идиомам подтверждается не совсем обычным согласованием имен прилагательных, например, в таких выражениях, как: *два новых дома, три больших стола.* Определение в таких случаях имеет форму родительного падежа множественного числа (новых, больших), в то время как определяемое слово (дома, стола) стоит в форме родительного падежа единственного числа, а в сущности же – форму переосмысленного по-новому бывшего именительного падежа исчезнувшего двойственного числа. В косвенных же падежах указанное противоречие не встречается: *двум новым домам, тремя большими столами.*

Если при именительном падеже числительных *два (две), три, четыре,* имя существительное, обозначающее считаемый предмет, ставится в родительном падеже единственного числа *(две стены, четыре друга),* то при именительном падеже числительных, начиная с пяти, имя существительное ставится в родительном падеже множественного числа (*пять домов, двадцать самолетов и т.д.).* В косвенных падежах (кроме винительного) существительные при числительных, кроме «один» и составных, оканчивающихся словом «один», ставятся во множественном числе, причем, числительные согласуются в падеже с существительны *(двумя домами, ста двадцатью самолетами и т.д.).*

Что касается агульских количественных числительных, то в них такие значительные расхождения не наблюдаются. Выполняя атрибутивную функцию в отношении определяемого имени, агульские числительные, во-первых, не согласуются с существительными ни по классу (т.к., грамматические классы в языке ныне не функционируют), ни по числу, ни по падежам. Так, если в русском языке синхронически при числительных наблюдается

синтаксическая связь – управление, то в агульском языке представлено простое примыкание. Количественное числительное, как правило, занимает препозицию в отношении определяемого имени существительного, которое не принимает форм множественного числа, независимо оттого, стоит ли перед ним числительное *сад* «один», *йицӀуд* «десять», или *верш* «сто». Например, *са даги* «один осел», *йицӀуд даги* «десять ослов», *верш даги* «сто ослов». Грамматические формы определяемого имени существительного *даги* «осел» остаются неизменными, несмотря на определительные числительные, принимающие препозицию. За числительными могут стоять и существительные других грамматических родов. И в этом случае их формы остаются неизменными:

са чи «одна сестра»
хьибу чи «три сестры»
йерхьи чи «шесть сестер»
къа чи «двадцать сестер» и т.д.

Числительное сад «один» в агульском языке, как и во многих дагестанских языках, обозначает, также, понятие неопределенного местоимения «некий», «какой-то»: *са инсан* «некий» (какой-то) человек» и часто соответствует по своей функции неопределенным артиклям индоевропейских языков. Например, немецкий язык – *ein, eine, eines*; английский язык – *a* (II *an*), в основе которых заложено числительное «один». Если определяемое существительное, стоящее после числительного *сад* «один» принимает показатель множественности – *-ар*, то числительное *сад* «один» переводится на русский язык с помощью неопределенного же местоимения в форме множественного числа *са инсан* «некий» (какой-то) человек и *са инсанар* «некие люди»(какие-то) люди», *са вец-ар* «одни быки», *са гӀайнабур* «одни очки».

Пайнабур в значении «очки» (оптические) в агульском языке является словом pluraliatanum.

2. Образование и состав агульских количественных числительных.

В статике агульские числительные, начиная с одного и до десяти включительно, имеют простую (неосложненную) основу: *сад* «один», *Iуд* «два», *хьибуд* «три», *якьуд* «четыре», *гIуфуд* «пять», *йерхьид* «шесть», *йерид* «семь», *муяд* «восемь», *йерчIуд* «девять», *йицIуд* «десять». Неосложненную основу имеют и числительные *къад* «двадцать», *верш* «сто» и заимствованное из персидского *агъзур* «тысяча». Счет в литературном агульском языке десятеричный (децимальный), но в диалектах наблюдается и двадцатеричная (вигезимальная) система в керенском диалекте и хпугском говоре, по мнению Н.Д. Сулейманова, представляет явление позднее, которое возникло в результате влияния лезгинского языка, с которым граничат данные локальные единицы [Сулейманов 1993, с. 1187]. По мнению Р. Шаумяна, в собственно агульском, гекхюнском и кошанском диалектах находим вполне последовательную систему [Шаумян 1941, с. 54].

Сложные числительные до «двадцати» образуются путем сложения на «десять» простых числительных первой десятки:

цIесад «одиннадцать»
цIеIуд «двенадцать»
цIехьибуд «тринадцать»
цIеякьуд «четырнадцать»
цIегIфуд «пятнадцать»
цIейерхбид «шестнадцать»
цIейерид «семнадцать»
цIемуяд «восемнадцать»

цIейерчIуд «девятнадцать».

Как указано выше, числительное двадцать имеет простую (неосложненную) основу *къад*, с помощью которого образуются сложные числительные: *къаннасад* «двадцать один», *къаннаIуд* «двадцать два», *къаннахьибуд* «двадцать три», *къаннаякьуд* «двадцать четыре», *къаннагI уфуд* «двадцать пять», *къаннайерхьид* «двадцать шесть», *къаннайерид* «двадцать семь», *къаннамуяд* «двадцать восемь», *къаннайерчIуд* «двадцать девять». При образовании данных числительных ауслаутный окаменелый классный показатель *-д*, ассимилируясь с последующим сонорным *н*, союза на «и», переходит в *ы*.

С помощью этого союза на «и» образуются и числительные с сотнями и тысячами: вершна *сад* «сто один», *вершна Iуд* «сто два»..., *вершна цIесад* «сто одиннадцать»..., *агъзурна сад* «тысяча один», *агъзурна цIесад* «тысяча одиннадцать» и т.д.

В литературном агульском языке, где представлена децимальная система счета, сложные числительные, начиная с «тридцати» до «ста», образуются путем сложения на простые основы первой десятки числительных слова «десять», который меняет ауслаутный окаменелый классный экспонент *-д* на *-р*. Одновременно утрачивают ауслаутный окаменелый классный экспонент и простые основы первой десятки числительных: *хьибуд – хьиб+цIуд – хьибцIур* «тридцать», *ягъцIур* «сорок», *гIифцIур* «пятьдесят», *йехьцIур* «шестьдесят», *ярцIур* «семьдесят», *майцIур* «восемьдесят, *йерцIур* «девяносто».

Числительное «сто», как сказано выше, имеет простую основу *верш* и образует сотни с помощью союза на «и»: *вершна* сад «сто один»..., однако числительные: 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900 состоят из числительных первой десятки плюс *верш* «сто»: *Iуверш* «двести»

(два+сто), *хьибуверш* «триста» (три+сто), *якьуверш* «четыреста», *гIуфуверш* «пятьсот», *йерхьиверш* «шестьсот», *йериверш* «семьсот», *муяверш* «восемьсот», *йерчIуверш* «девятьсот.

3. Субстантивация, агульских количественных имен числительных

Как и прилагательные, агульские числительные также могут материализоваться, т.е. приобрести в некотором смысле черты, характерные субстантивам, т.е. приобретают материальную сущность, указывая то на лиц, то на предметы. При этом количественные числительные не теряют своей основной функции – обозначение количества (численности) лиц и предметов: *хьибуйи* к 1 инай *хIуч*I «трое убили волка», *но са инсани кIинай хIучI* «один (некий) человек убил волка», *верш инсани к 1 инай хIучI* «сто мужчин убили волка». Самостоятельно употребленное количественное числительное в агульском языке одновременно выполняет две функции – функцию субъекта предложения или прямого и косвенного объекта, а также количественное исчисление как субъекта, так и объекта.

Напр.: *Iуд ушуне мактабиди* «двое ушли в школу» (*Iуд* «двое» в номинативе при интранзитиве *вея* «идти»); *хибуйи хурайая китабар* «трое читают книги» (*хибуйи* «трое» в эрг. при транзитиве *хурас* «читать»); *засалийне хьибуд* «я получила тройку (три)» (*хьибуд* «три», «тройка» в номинативе в роли прямого объекта); *вун гьаттушуне хьибударигьас* «я отошел от троих» (*хьибударигьас* «от троих» – пятая серия локатива в качестве косвенного объекта).

ед. число	множ. число
Им.п. *хьибцIур* «тридцать	*хьибцIур-ар*
Эрг.п. *хьбцIур-а*	*хьибцIур-ар-и*
Род.п. *хьибцIур-а-н*	*хьибцIур-ар-и-н*
Дат.п. *хьибцIур-а-с*	*хьибцIур-ар-и-с*

Кроме того, самостоятельно использованное количественное числительное склоняется по падежам единственного и множественного чисел, точно так же, как и имя существительное:

Склонение числительного «тридцать» по сериям местных падежей

1 серия (в суперессиве)

Суперессив	*хьибц 1ур-а-л*	*хьибц 1 ур-ар-и-л*
Суперелатив	*хьибц lур-а-л-ас*	*хьибц Iур-ар-и-л-ас*
Супераллатив	*хьибц lур-а-л-ди*	*хьибц Iур-ар-и-л-ди*

2 серия (в субессиве)

Субессив	*хьибцIур-а-кк*	*хьибц Iур-ар-и-кк*
Субелатив	*хьибц lур-а-кк-ес*	*хьибц Iур-ар-и-кк-ес*
Субаллатив	*хьибц lур-а-кк-ди*	*хьибц Iур-ар-и-кк-ди*

3 серия (в инессиве первом)

Инессив 1	*хьибцIур-а-ъ*	*хьибцIур-ар-и-ъ*
Инелатив 1	*хьибц lур-а-ъ-ас*	*хьибц Iур-ар-и-ъ-ас*
Инаплатив 1	*хьибц lур-а-ъ-ди*	*хьибц Iур-ар-и-ъ-ди*

4 серия (в инессиве втором)

Инессив 2	*хьибцIур-а-гI*	*хьибц Iур-ар-и-гI*
Инелатив 2	*хьибц Iур-а-гI -ас*	*хьибц Iур-ар-и-гI-ас*
Инаплатив 2	*хьибц lур-а-гI-ди*	*хьибцIур-ар-и-гI-ди*

6 серия (в адессиве втором)

Адессив 2 *хьибц Іур-а-ф(-в)* *хьибц Іур-ар-и-ф(-в)*
Элатив 2 *хьибц Іур-а-ф(-в)-ас* *хьибц Іур-ар-и-ф(-в)-ас*
Аллатив 2 *хьибц Іур-а-ф(-в)-ди* *хьибц Іур-ар-и-ф(-в)-ди*

7 серия (в обессиве)

Обессив *хьибц lур-а-к* *хьибц Іур-ар-и-к*
Обелатив *хьибцІур-а-к-ес* *хьибцІур-ар-и-к-ес*
Обаллатив *хьибц lур-а-к-ди* *хьибц Іур-ар-и-к-ди*

8 серия (в постессиве)

Постессив *хьибцІур-а-хъ* *хьибцІур-ар-и-хъ*
Постелатив *хьибц lур-а-хъ-ас* *хьибц Іур-ар-и-хъ-ас*
Посталлатив *хьибц lур-а-хъ-ди* *хьибцІур-ар-и-хъ-ди*

Несмотря на то, что субстантированные количественные числительные и склоняются в агульском языке как в парадигме единственного, так и множественного числе всех основных и локативных падежей, сфера их употребления в речевом общении крайне ограничена.

Больше они выступают как количественные определители имен существительных и в этом качестве, как и прилагательные, они занимают препозицию, синтаксическая связь которых определяется как простое примыкание:

Им.п. *хьибц Іур инсан* «тридцать человек»
Эрг.п. *хьибц Іур инсан-ди*
Род.п. *хьибц Іур инсан-ди-н*
Дат.п. *хьибц Іур инсан-ди-с* и т.д.

4. Разряды имен числительных агульского языка

Кроме демонстрированных выше количественных числительных, агульский язык располагает еще и следующими разрядами числительных:

а) *порядковыми числительными,* совпадающими по форме и синтаксическому употреблению с именами прилагательными, но существенно отличающимися от них по своему значению и функциям. Основное, что их отличает от прилагательных, – это отчетливо представленное значение порядка следования предметов при их счете. Образованные от корней количественных числительных, они сохраняют и основную их семантику – семантику счета. Синтаксические же функции порядковых числительных определяются их значением и стилистическими функциями в речи. Типичная и основная их функция – выражать определение, т.е. атрибутивная функция.

В агульском языке порядковые числительные образуются аналитическим способом, т.е. с количественными числительными сочетают причастную форму *пеф* «сказанный» от глагола «сказать» – *пас* (собственно агульский диалект): *сад пеф* «первый», *Iуд пеф* «второй», *хьибуд пеф* «третий» и т.д.

Если порядковое числительное в агульском используется в атрибутивной функции, то его причастная форма теряет окаменелый экспонент грамматического класса *-ф* (в соб. агульском диалекте), например: *сад пе гада* «первый мальчик», *Iуд пе чу* «второй брат», *хьибуд пе кIур* «третье дерево», *якьуд пе кул* «четвертая ветка», *муяд пе будай* «восьмая кукла», *йицIур пе тIу* «десятый палец», ... *къад пе даги* «двадцатый осел» и т.д.

В определительной функции порядковые числительные агульского языка не изменяются ни по падежам, ни по числам, но могут сочетаться с именами существитель-

ными в единственном и во множественном числах: *муяд пе кIетIабур* «восьмые лопаты» – *муяд пе кIетIа* «восьмая лопата», *йицIуд пе хIуни* «десятая корова» – *йицIуд пе хIунивар* «десятые коровы», *якьуд пе т!уб* «четвертый палец» – *якьуд пе тIубар* «четвертые пальцы», *сад пе майдан* «первая площадь» – *къад пе майданар* «двадцатые площади и т.д.

При субстантивированном состоянии, т.е. при самостоятельном использовании, причастная часть порядкового числительного пеф склоняется по падежам и изменяется по числам по образцу имен прилагательных:

Им.п.	*сад пеф* «первый»	**мн.ч.**	*сад петтар*
Эрг. п.	*сад петти*	**мн.ч.**	*сад петтари*
Род. п.	*сад петтин*	**мн.ч.**	*сад петтарин*
Дат.п.	*сад петтис*	**мн.ч.**	*сад петтарис*

В формах локативных падежей:

I СЕРИЯ

ед.ч.	**множ.ч.**
Супересситв *сад петти-л*	*сад петтари-л*

II СЕРИЯ

Субессив *сад петти-кк* — *сад петтари-кк*

III СЕРИЯ

Инессив I *сад петти-ъ* — *сад петтари-ъ*

IV СЕРИЯ

Инессив II *сад петти-гI* — *сад петтари-гI*

V СЕРИЯ

Адессив I *сад петти-гь* — *сад петтари-гь*

VI СЕРИЯ

Адессив II *сад петти-в(-ф)* *сад петтари-в(-ф)*

VII СЕРИЯ

Обессив *сад петти-к* *сад петтари-к*

VIII СЕРИЯ

Постессив *сад петти-хъ* *сад петтари-хъ*

Если же порядковое числительное, выполняя атрибутивную функцию, стоит перед именем существительным, то склонению единственного и множественного чисел подвергается лишь определяемое имя существительное (см. «Склонение имени существительного» по всем падежам и числам).

б) *распределительными числительными,* которые образуются от количественного числительного путем редупликации его корней или синкопированной его части плюс суффикс наречия *-тти (-ди): са-са-тти* «по одному», *Iу-Iу-тти* «по два», «по две», «по двое», *хьи-хьибутти* «по три», «по трое», *я-якьутти* «по четыре», *гIу-гIуфутти* «по пять», *яхярхьитти* « шесть», *му-муятти* «по восемь», *я-ярчIутти* «по девять», *йи- йицIутти* «по десять», «по десяти», *къа-къатти* «по двадцать»...; *са-сатта ачийне хулади* «по одному зашли домой» и т.д.

в) *собирательными числительными,* образующимися от количественных путем присоединения союза *-ра* «и»: *Iуд-ра* «оба», «обе» (букв.: и два), *хьибудра* «трое», *якьудра* «четверо», *гIуфудра* «пятеро»: *хьибудра ачашаб экзаменди* «трое (троем) заходите на экзамен»; *хьибудра чувар касиб хьунай* «трое братьев обеднели» и т.д.

г) *дробными числительными,* которые образуются от генитива количественных числительных (знаменатель)

и номинатива количественного же числительного (числитель): одна третья – *хьибуйинса пай* (букв.: третьего одна часть, 1/3); *якьуйин са пай* «одна четвертых» (букв.четвертого одна часть, 1/4); *йи хьуйин Iу пай* «две пятых» (букв.: пятого две части, 2/5); *якьуйин хьибу пай* «три четвертых» (букв.: четвертого три части, 3/4); *йерийн са пай* «одна седьмых» (букв.: седьмого одна часть, 1/7) и т.д.

д) *кратными числительными,* образующимися от количественных путем присоединения к ним ауслаутной частицы *гелай* (собств. агульский диалект): *са гелай* «один раз», «однажды»; *Iу гелай* «два раза», «дважды»; *къа гелай* «двадцать раз»; *къанна са гелай* «двадцать один раз», *гIуфцIур гелай* «пятьдесят раз» и т.д.

Что касается вопросительной лексемы *хьимуд?* «сколько?», то она, на наш взгляд, представляет собой вопросительно-относительное местоимение, которое содержит в своей семантике, во-первых, вопрос о неопределенных предметах и личностях, не конкретизируя количественное содержание предметов и личностей, к которым адресован вопрос относительного характера *хьимуд?*

Вопросительно-относительное местоимение *хьимуд?* «сколько?» не может быть отнесено к разряду числительных [Сулейманов 1993, с. 124], так как оно не содержит в себе даже отдаленное представление о количественном понятии, выраженного с помощью числе, т.е. общепринятых единиц счета.

Кроме того, *хьимуд?* «сколько?» в агульском языке обладает категорией падежа и склоняется по образцу прилагательного:

Им.п. *хьимуд?* «сколько?»
Эрг.п. *хьимуйи?*
Род.п. *хьимуйин?*
Дат.п. *хьимуйие?*

А.А. Магометов указывает, что числительное *сад* «один» с союзом *-ра* «и» – *садра* в отрицательном предложении означает «ни один» [Магометов 1970, с. 100]. Нам думается, что в отрицательном предложении агульского языка садра не означает «ни один», а переводится на русский язык сочетанием «ни один», так как отрицание при глаголе в агульском языке.превращает все предложение в отрицательное, в то время, как в русском предложении требуется два отрицания, чтобы превратить неопределенные местоимения в отрицательные: был кто-нибудь дома? – никого не было дома. Числительное *сад* «один» в агульском языке, одновременно выполняя и функцию неопределенного местоимения «некий» (-ая, -ое)», «какой-то», «кто-то», «кто-нибудь», переводится на русский язык отрицательными местоимениями «никто», «никого», «ничто», «ничего». Так, в агульском языке: *садра уйва хъулаъ?* «кто-нибудь был дома?» (букв: хоть и один был дома?), а ответ будет: *садра адавуй хулаъ* «никого не было дома» (букв: и одного не было дома) и т.д.

5. Основы агульской элементарной арифметики

Агульская элементарная арифметика в основном состоит из числительных, то есть из арифметических действий сложения, вычитания, умножения и деления.

При сложении используются две формы (полная и краткая при беглом сложении).

При образовании полной формы берется числительное в суперессиве на -<u>*д*</u> и плюсуют к нему слагаемое, числительное в номинативе с добавлением слов *алчихьугуна* «добавить» и *аттархьа* «выходит»: *цIегIуфуйил* (15) *якьуд* (4) *алчихиугуна* (добавить) *аттар1хьа* (выходит): *цIейерчIуд* (19). В краткой форме отпускаются слова *ал-*

чихьугуна «добавить» и *аттар1хьа* «выходит»: *цІегІуфуйил якьуд цІейерчІуд*(15+4=19); *цІейерийил* (17) *майцІурна хьибуд* (83) *алчихьугуна аттархьа верш* (100): «на семнадцать восемьдесят три добавить – выходит (будет) сто» В краткой форме: *цІейерийил майцІурна хьибуд-верш* (17+83= 100)

б) <u>вычитание</u>

Берется числительное в обелативе на *-<u>к</u>-<u>ес</u>* и добавляют к нему вычетаемое числительное, используя слова: *кеттивугуна»снять*(убрать) и *аттархьа* «выходит»: *цІейерчІуйикес муяд цІесад* (19-8=11); *вершакес* (100) *къад* (20) *кеттивугуна аттархьа майцІур* (80), т.е. из ста отнять двадцать будет восемьдесят (100-20=80). Краткая форма будет: *вершакес къад – майцІур* (100-20=80).

в) <u>умножение</u>

При умножении берется количественное числительное в номинативе и умножается кратным числительным с частицей *гелай,* добавляя слова *акьугуна* «сделать» и *аттархьа* «выходит»: *хьибцІурна* (30) *муяд* (8) *еригелай* (7 раз) *акьугуна* (сделать) *аттархьа* (выходит) *Іу* (2) вершна (100) *ехьцІурна* (60) *ерхьид* (6), т.е. тридцать восемь умножить на 7 будет двести шестьдесят шесть. Допускается и строй: *еригелай хьибцІурна муяд* (семь раз тридцать восемь) – двести шестьдесят шесть); *хьибц Іур* (30) *якьугелай* (4 раза) *акьугуна* (сделать) *аттархьа* (выходит), *вершна къад* (120), т.е. 30 х 4=120. В краткой быстротечной речи агульцы обычно используют форму:

1 у гелай (2 раза) Іуд (2) – якьуд (4) дважды два – четыре

1 у гелай (2 раза) хьибуд (3) – ерхьид(б) дважды три – шесть,

хьибугелай (3 трижды) хьибуд (3) – ерчIуд(9) трижды три – девять,

якьугелай (4 раза) якьуд (4) – цIейерхьид(16), 4 X 4 – 16.

якьугелай (4раза) гIуфуд(5) – кьад(20), 4 X 5 = 20.

гIуфугелай (5 раз) гIуфуд къанна гIуфуд (25), 5х5=25

гIфугелай (5 раз) ерхьид (6) хьибцIур (30), 5х6=30

ерхьигелай (6 раз) ерхьид (6) хьибцIурна ерхьид (36), 6х6=36

ицIугелай (10 раз) ицIуд (10) верш (100), 10х10=100...

г) деление

При делении берется числительное, которое необходимо делить в номинативе, а числительное, на которое делится в дативе со словом *пай* в значении «часть» и слова *акьучин* «сделать» и *аттархьа* «выходит» *цIегIуфуд* (15) *хьибуйис* (3 в дативе) *пай* (части) *акьучин* (сделать) *аттаркьа* (выходит) *гIуфуд* (5), т.е. если 15 на три части (половины) сделать (разделить, то получится (выходит) пять; можно и в краткой форме: *цIегIуфуд* (15) *хьибуйис пай – гIуфуд* (15:3=5); *верш* (100) *якьуйис пай* 4 части) *акьучин* (сделать) *аттархьа* (выходит) *къанна гIуфуд* (25), т.е., если сто на четыре части разделить (здесь: сделать), то получится (выходит) двадцать пять (100:4=25); можно и в краткой форме: *верш якьуйис пай – къанна гIуфуд*, т.е. сто на четыре части – двадцать пять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При определении темы настоящей диссертации учитывалось не только то, что она станет первым монографическим исследованием падежной системы имени существительного агульского языка, но и научно-теоретическим описанием принципиальных положений системы агульского склонения, которые имеют существенную практическую ценность как для студентов и преподавателей вузов, техникумов республики, так и для учителей и учеников агульских школ.

В процессе исследования вопроса выявилось, что основными падежами агульского языка, выполняющими его абстрактно-синтаксические функции, являются номинатив, эргатив, генитив и датив. За исключением номинатива, который оканчивается в агульском языке на любой гласный или согласный (нулевое оформление), остальные падежи синтетически маркируются самостоятельными окончаниями, строго соблюдая принцип «двух основ», присущий системе склонения и других дагестанских языков.

При определении морфем агульского эргатива гласные элементы, стоящие перед сонорными н, д и р, мы предпочли отнести их к составу морфем, поскольку эти гласные не являются принадлежностью основы имен существительных и появляются совместно с морфемой эргатива. При этом количество морфем агульского эргатива доходит до 15 плюс одна нулевая морфема.

Одновременно прослеживается и древнейшая связь согласных морфем эргатива агульского языка *д→ р→ (н, л)→ й* и показателей грамматических классов, ныне действующих в, других дагестанских языках *д→ р→ (н, л)→ й*.

Фонетическая рефлексация согласного элемента морфемы эргатива д (д→ р→ ∅) свидетельствует о том, что эргатив в агульском языке переживает период ущербности, упадка его морфологической значимости, период его деструкции. Особенно это проявляется в именах существительных, эргатив которых образуется нулевой морфемой или гласными морфемами а, и, у. Об этом же свидетельствуют и данные агульских диалектов, где одна и та же лексема образует эргатив различными морфемами.

В процессе склонения отдельных лексем регистрируются и следы бывшего корневого аблаута – этого древнейшего фонетико-морфологического явления как индоевропейских, так и иберийско-кавказских языков.

Образование агульского генитива не представляет особой трудности. Зная основу эргатива единсвтенного числа, его легко образовать путем прибавления сонорного -н- морфемы генитива, т.е. склонение придерживается «принципа двух основ» – одна основа – для номинатива, а другая – (эргативная) – для остальных падежей, что вполне соответствует парадигме склонений других дагестанских языков.

Принимая во внимание практическую значимость исследования, разностороннему освещению подвергнуты процессы формирования номинативной, эргативной и дативной конструкций. Учитывая, что специальная лингвистическая литература по агульскому языку не располагает достаточно надежными исследованиями по вопросу дифференциации транзитивных глаголов чувственного восприятия и по формированию дативной конструкции, в работе значительное внимание уделяется глаголам, вокруг которых концентрируется датив то в роли субъекта, то в роли объекта.

При рассмотрении функций основных падежей обнаруживается также, что эргатив в агульском языке является не только падежом субъекта при переходных глаголах, но и инструменталисом – падежом, с помощью которого совершается действие реальным субъектом: *руша* (эргатив в роли субъекта) *гвар* (RO – реальный объект) *ацIас акьуне хьетти* (эргатив в роли инструменталиса) «девушка заполнила кувшин водой». Это вполне созвучно соответствующей конструкции аварского языка: *инсуца* (эрг.) *къотIула цIул* (RO) *гIоштIоца* (эрг. в роли инструменталиса) «отец рубит дрова топором»...

При исследовании функций основных падежей учитывается и специфика самого агульского языка. Так, в агульском имеем выражение: *зун кIесхьунай мекIила* «я чуть не умер от холода», т.е. «мне было очень холодно». В действительности же имеем: зун «я» (номинатив в роли прямого дополнения) *кIесхьунай* (переходный глагол) «убил» и *мекIила* (эргатив в роли субъекта при переходном глаголе *кIесхьунай*).

Таким образом, мы имеем дословно «холод убил меня». Получается своеобразный фразеологизм. Подобная специфика языка выявлена и при рассмотрении функции агульских основных падежей.

При создании общей картины агульских основных падежей мы пришли к выводу, что использование терминов «прямая основа», «прямой падеж», «косвенная основа», «косвенный падеж» абсолютно неприемлемо для агульской морфологической структуры, так как и эргатив, и датив, в отличие от номинатива, являются в агульском результатом косвенной основы, но выступают в нем в роли реального субъекта при переходных глаголах и глаголах чувственного восприятия, что чуждо природе-индоевропейских языков, в недрах которых сформирова-

лись эти понятия и в определенной степени соответствуют их морфологической структуре.

Значительную роль в морфологической структуре агульского языка играет и глубоко развитая система локативных (местных) падежей. Эта система включает в себя 8 серий, в каждой из которых входит по три падежа (эссив-падеж «покоя»; элатив «исходный» падеж и аллатив – «приближения» к покою).

Латинские термины, обозначающие сериальные падежи, в работе приведены в соответствие с содержанием их семантики, присутствующим в них в языке-оригинале.

При рассмотрении локативов замечено, что III и IV серии (серии инессивов) в агульском языке имеют общие семантические точки соприкосновения. В частности, мы имеем фактически две серии инессива, т.е. одна серия инессива – для обозначения предметов и личностей, покоящихся внутри пустого (полого) пространства, а другая серия инессива для обозначения предмета или лица, покоящегося в плотном (однородном) пространстве. И что удивительно, к плотному пространству (материи) агульцы относят и сыпучие, текучие вещества, и травы, и дрова, и отары (овец, лошадей, коров), и камни, и металл и т.д.

Много общего имеют в агульском языке пятая и шестая серии местных падежей. Так, если пятая серия обозначает предмет или лицо, которое покоится около (поблизости) чего-либо или кого-либо, то шестая серия обозначает лица или предметы, покоящиеся в непосредственном соприкосновении (контакте) с кем-либо или с чем-либо. Однако же ни III и IV серии, ни V и VI серии в нашем исследовании не объединяются, так как эти серии образуются самостоятельным морфемным инвентарем и имеют целый ряд отличительных особенностей, препят-

ствующих использованию форм одной серии вместо другой, или же их взаимозамещению.

Зарегистрированы и случаи, когда формы локативных падежей в агульском языке используются для передачи синтаксических функций, передаваемых в индоевропейских языках основными падежными формами.

Отмечается, что в агульском нет самостоятельного творительного падежа (инструменталиса); его функции в этом языке выполняет в основном супераллатив и частично эргатив.

Сравнительная степень (сравнение) в агульском передается сулерелативом на – д-ас: зун бицIиф э дадалас «я меньше отца»..., но способ передачи сравнительной степени с помощью частицы *дала* не является предметом нашего исследования, так как данная частица может примыкать к любой падежной форме агульского языка и тем самым создать сравнительную степень этих падежных форм. Частица *дала* не является падежной морфемой и не составляет структуру падежной системы агульского языка.

Нет в агульском языке и падежа comiaiv-a (падежа совместности), а есть способ передачи совместности, выражающийся аналитически с помощью деепричастных форм. В этой связи и этот способ к падежной системе агульского языка не имеет прямого отношения.

Принимая во внимание роль, выполняемую локативными формами имен существительных в составе агульского предложения и, учитывая, что эти формы одинаково отвечают как на вопросы наречной принадлежности, так и именной природы, могут рассматриваться в вузах и школах республики то в качестве дополнения, то в качестве обстоятельства. При определении синтаксической сущности локативных форм имен существительных в составе

предложения мы пришли к убеждению, что локативные формы, выступающие в предложении с двумя синтаксическими функциями – с функциями дополнения и обстоятельства, – необходимо в агульской грамматике именовать аналитическим термином «обстоятельственное дополнение» (обстоятельственные дополнения) как научно выдержанный термин, вполне отвечающий природе локативных форм агульского языка в процессе выполнения ими синтаксических функций в составе предложения.

При описательно-аналитическом анализе агульского имени прилагательного мы пришли к выводу о том, что в вновь создаваемых для агульских школ практических грамматиках, а также в теоретических пособиях для агульских студентов вузов республики необходимо сначала же закрепить понятие об отсутствии в нем прежде всего морфологически оформляемых относительных и притяжательных прилагательных. Что функции, выполняемые русскими относительными и притяжательными прилагательными, в агульском языке – эта прерогатива родительного падежа имен существительных.

Особо следует обратить внимание на отсутствие у агульских прилагательных морфологически оформляемой категории сравнительной и превосходной степеней, нагрузка которых также выполняет то локатив имен существительных (суперелатив): *че хал азманф э къуншинтилас* «наш дом больше (большой) есть, чем соседа (дом)», или же лексически с помощью *яексеиыдала* (именуемой сравнительной частицей): *че хал азманф э къуншинтин дала* «наш дом больше (есть), чем соседа (дом)..., а также использование лексем лап *«очень»* и *ппара* «очень», представляя лексико- аналитическую форму образования.

Не следует акцентировать внимание на окаменелом показателе грамматических классов – *ф̲ (← * в ← б),* ре-

конструируемого по данным агульских диалектов или близкородственных языков, так как ныне действующая агульская морфологическая система не предусматривает категорию грамматических классов и конечный – *ф* (собственно агульский диалект) прилагательных выпадает, когда они примыкают к именам существительным, и в исходной форме ауслаутный – *ф*, даже семантически, ныне не увязывается с былым его классовым функционированием.

Что касается прилагательных, выступающих в атрибутивной функции, а также их субстантивированных форм, то информация о них встречается у всех предшествующих исследователей агульского языка. Мы же впервые предлагаем вниманию читателя полные парадигмы склонения как прилагательных в атрибутивной функции, так и в субстантивированном виде.

В настоящее время агульский *литературный язык* не располагает даже элементарным учебным пособием по арифметике для начальных школ. Арифметическую и математическую литературу необходимо создавать. И это, как известно, непосредственно связано с лексикой, в семантике которой заложен счетный механизм. В этой связи в нашей работе углубленное освещение получают почти все разряды имен числительных: количественные, порядковые, собирательные, распределительные, кратные и дробные. Освещаются особенности их образования, функционирования в составе предложения, их падежная система и их определительный характер, сближающий их синтаксическую функцию с функцией имен прилагательных. Особенно ценным в нашем исследовании, видимо окажется материал, описывающий арифметические действия сложения, вычетания, умножения и деления, так как в истории изучения агульского языка этот раздел не

рассматривался ни одним из его исследований, за исключением пяти примеров по умножению, приведенных А.А. Магометовым, и то характеризующих особенности диалектов агульского языка. Мы же подвергли подробному анализу не только формирование сложения, вычетания, умножения и деления, но и привели их варианты: полные и краткие формы. Проведенная в этой области работа может, на наш взгляд, достойно оценить научно-методический коллектив, деятельность которого непосредственно связана с проблемами народного образования Республики Дагестан.

Приложение

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА (ОБРАЗЕЦ) ОСНОВНЫХ И ЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Нумерация серий	Наименование серий	Сериальные показатели	Приблизительные средства передачи в русском языке	Им. хал «дом» Эрг. хул-а Род. хул-а-н Дат. хул-а-с	мн.ч. хул-ар хул-ар-и хул-ари-н хул-ари-с	Им.цил «стена» Эрг. цил-и Род. цил-и-н Дат. цил-и-с	мн.ч цил-ар цил-ар-и цил-ар-и-н цил-ар-и-с	Им. тIагар «окно» Эрг. тIагар-и Род. тIагар-и-н Дат. тIагар-и-с	мн.ч.тIагар-ар тIагар-ар-и тIагар-ар-и-н тIагар-ар-и-с
1 сер.	1. Суперессив Superessiv 2. Суперелатив 3. Супераллатив	л	на, (на горизонтальной плоскости)	1. хула-л 2. хула-л-ас 3. хула-л-ди	хул-ари-л хул-ари-л-ас хул-ари-л-ди	1. цили-л 2.цили-л-ас 3.цили-л-ди	цил-ар-и-л цил-ар-и-л-ас цил-ар-и-л-ди	1. тIагари-л 2. тIагари-л-ас 3. тIагари-л-ди	тIагар-ар-и-л тIагар-ар-и-л-ас тIагар-ар-и-л-ди
2 сер.	1. Субессив Subessiv 2. Субелатив 3. Субаллатив	кк	под	1. хула-кк 2. хула-кк-ес 3. хула-кк-ди	хул-ари-к хул-ари-кк-ес хул-ари-кк-ди	1. цили-кк 2. цили-кк-ес 3. цили-кк-ди	цил-ар-и-кк цил-ар-и-кк-ес цил-ар-и-кк-ди	1. тIагари-кк 2. тIагари-кк-ес 3. тIагари-кк-ди	тIагар-ар-и-кк тIагар-ар-и-кк-ес тIагар-ар-и-кк-ди
3 сер.	1. Инессив I Inessiy 2. Инелатив I (первый) 3. Иналлатив I	ъ	внутри полого пространства	1. хула-ъ 2. хула-ъ-ас 3. хула-ъ-ди	хул-ари-ъ хул-ари-ъ-ас хул-ари-ъ-ди	1. цили-ъ 2. цили-ъ-ас 3. цили-ъ-ди	цил-ар-и-ъ цил-ар-и-ъ-ас цил-ар-и-ъ-ди	1. тIагари-ъ 2. тIагари-ъ-ас 3. тIагари-ъ-ди	тIагар-ар-и-ъ тIагар-ар-и-ъ-ас тIагар-ар-и-ъ-ди

4 сер.	1. Инессив II Inessiv 2. Инелатив II (второй) 3. Иналлатив II	*гI*	внутри плотного простран-ства	1. хула-гI хул-ари-гI 2. хула-гI-ас хул-ари-гI-ас 3. хула-гI-ди хул-ари-гI-ди	1. цили-гI 2. цили-гI-ас 3. цили-гI-ди	цил-ар-и-гI цил-ар-и-гI-ас цил-ар-и-гI-ди	1. тIагари-гI 2. тIагари-гI-ас 3. тIагари-гI-ди	тIагар-ар-и-гI тIагар-ар-и-гI-ас тIагар-ар-и-гI-ди
5 сер.	1. Адессив I Adessiv 2. Элатив I (первый) 3. Аллатив I	*гь*	около ч/н перед, у	1. хула-гь хул-ари-гь 2. хула-гь-ас хул-ари-гь-ас 3. хула-гь-ди хул-ари-гь-ди	1. цили-гь 2. цили-гь-ас 3. цили-гь-ди	цил-ар-и-гь цил-ар-и-гь-ас цил-ар-и-гь-д	1. тIагари-гь 2. тIагари-гь-ас 3. тIагари-гь-ди	тIагар-ар-и-гь тIагар-ар-и-гь-ас тIагар-ар-и-гь-ди
6 **сер.**	1. Адессив II Adessiv 2. Элатив II (второй) 3. Аллатив II	*в (ф)*	у, около (в, при)	1. хула-ф хул-ари-ф 2. хула-ф-ас хул-ари-ф-ас 3. хула -ф-ди хул-ари-ф-ди	1. цили-ф 2. цили-ф-ас 3. цили-ф-ди	цил-ар-и-ф цил-ар-и-ф-ас цил-ар-и-ф-ди	1. тIагари-ф 2. тIагари-ф-ди 3. тIагари-ф-ди	тIагар-ар-и-ф тIагар-ар-и-ф-ди тIагар-ар-и-ф-ди
7 сер.	1. Обессив Obessiv 2. Обелатив 3. Обаллатив	*к*	на (на вертик. плоек.)	1. хула-к хул-ари-к 2. хула-к-ес хул-ари-к-ес 3. хула-к-ди хул-ари-н-ди	1. цили-к 2. цили-к-ес 3. цили-к-ес	цил-ар-и-к цил-ар-и-к-ес цил-ар-и-к-ес	1. тIагари-к 2. тIагари-к-ес 3. тIагари-к-ди	тIагар-ар-и-к тIагар-ар-и-к-ес тIагар-ар-и-к-ди
8 сер.	1. Постессив Posessiv 2. Постелатив 3. Посталлатив	*хъ*	за, поза-ди	1. хула-хъ хул-ари-хъ 2. хула-хъ-ас хул-ари-хъ-ас 3. хула-хъ-ди хул-ари-хъ-ди	1. цили-хъ 2. цили-хъ-ас 3. цили-хъ-ди	цил-ар-и-хъ цил-ар-и-хъ-ас цил-ар-и-хъ-ди	1. тIагари-хъ 2. тIагари-хъ-ас 3. тIагари-хъ-ди	тIагар-ар-и-хъ тIагар-ар-и-хъ-ас тIагар-ар-и-хъ-д

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961.

2. Абдуллаев И.Х. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала, 1974.

3. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954.

4. Агулы (тематический сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре), Махачкала, 1975.

5. Акиев А.Ш. Способы образования форм множественного числа имен в лакском языке. Автореф. дисс... канд. филол. наук, Махачкала, 1964.

6. Акиев А.Ш. Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков. Махачкала, 1977.

7. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М., 1985.

8. Алексеев М.Е., Климов Г.А. Типология кавказских языков. М., 1980.

9. Андгуладзе Н.Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси (на груз, языке с подробным резюме на русском языке), 1968.

10. Бокарев Е.А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка. // Вопросы грамматики. М.-Л., 1960.

11. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

12. Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. Сб. «Язык и мышление», XI, М.-Л., 1948.

13. Бурчуладзе Г.Т. Склонение имен в лакском языке. Автореф. канд. филол. наук. Тбилиси, 1970.

14. Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке. Уч. Записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, V, Махачкала, 1958.

15. Ганиева Ф.А. Некоторые особенности падежной системы джабинского диалекта лезгинского языка // Вопросы дагестанского и нахского языкознания. Махачкала, 1972.

16. Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1961.

17. Гаприндашвили Ш.Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966.

18. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

19. Грамматика русского языка. ч. I, АН СССР, М., 1960.

20. Гукасян В.Л. Об одном случае замены эргативного падежа при переходном глаголе именительным падежом в ниджском диалекте удинского языка // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977.

21. Гюльмагомедов А.Г. Об основных морфологических особенностях дуруджинского говора лезгинского языка. В сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Вып. 2, Махачкала, 1966 б.

22. Гюльмагомедов А.Г. Об основных особенностях дуруджинского говора лезгинского языка. В уч. записках ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, серия филол. Махачкала, 1968.

23. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка т. II, М., 1956.

24. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

25. Джейранишвили Е.Ф. Некоторые общие основы в цахурско-рутульско-удинском и в других иберийско-кавказских языках. Тбилиси, ИКЯ, IX-X, 1957.

26. Джейранишвили Е.Ф. Окаменелые элементы грамматических классов вглагольных основах и отглагольных именах удинского языка (на груз, языке, резюме на русском), ИКЯ, т.VIII, Тбилиси, 1956,

27. Джейранишвили Е.Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Тбилиси, 1966.

28. Дибиров И.А. Склонение имен в южных диалектах аварского языка (на материале закатальского и анцухского диалектов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Махачкала, 1993.

29. Дирр А. Грамматический очерк табасаранского языка. СМОМПК, вып. XXXV, Тифлисъ, 1905.

30. Дирр А. Агульский язык. СМОМПК, вып. XXXVII, Тифлисъ, 1907.

31. Дирр А. Рутульский язык. СМОМПК, вып. XLII, Тифлисъ, 1912.

32. Дирр А. Цахурский язык. СМОМПК, вып. XLIII, Тифлисъ, 1913.

33. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. М., 1926.

34. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.

35. Жирков Л.И. Табасаранский язык. М.-Л., 1948.

36. Загиров В.М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.

37. Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978.

38. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М., 1990.

39. Исаев М. Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка: Автореф. дис... канд. филолог, наук. Махачкала, 1975.

40. Калоев Б. А. Агулы (Материалы научной сессии по истории народов Дагестана). М., 1954.

41. Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков (на груз. языке с подробным резюме на русском языке). Тбилиси, 1979.

42. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.

43. Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. Изд-во МГУ. 1972.

44. Курбанов К.К. Морфология табасаранского языка. Дагучпедгиз, Махачкала, 1986.

45. Курбанов К.К. Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала, 1995.

46. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.

47. Калоев Б.А. Агулы (Материалы научной сессии по истории народов Дагестана). М., 1954.

48. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

49. Магометов А.А. Склонение личных и указательных местоимений в табасаранском языке. В сб.: Сообщ. АН Груз. ССР, XXVII, N 5. Тбилиси, 1961.

50. Магометов А.А. Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках), ИКЯ, VIII, VIII, Тбилиси, 1956.

51. Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.

52. Магометов А.А. Об одном числительном в агульском языке. ИКЯ, XVII, 1970.

53. Магометов А.А. Агульский язык «Языки народов СССР», IV, Иберийско-кавказские языки. Москва, 1967.

54. Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.

55. Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.

56. Магометов А.А. Реликты грамматических классов в агульском языке. Вестник отделения общественных наук АН Груз.ССР, N 3, Тбилиси, 1962.

57. Магометов А.А. Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.

58. Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

59. Магомедов М.А. Арадерихские говоры аварского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1993.

60. Магомедова С.Д. О некоторых вариантах эргатива в агульском языке. Тезисы докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 г, Махачкала, 1994.

61. Магомедова С.Д. Отношение падежей к сравнительной степени агульского языка //Актуальные проблемы русского и дагестанских языков. Вып. 1. Махачкала, 1997. С. 30–32.

62. Маллаева З.М. Категория локализации и ее репрезентация в аваро-андийских языках. Махачкала, 2002.

63. Маллаева З.М. Способы грамматикализации пространственных значений в дагестанских языках // Ма-

териалы III Международного симпозиума лингвистов-кавказоведов. Тбилиси, 2011. С.310-313.

64. Маллаева З.М. Суперэссив в функции субъекта действия при глаголах внешнего и чувственного восприятия // Вестник ДГУ. Вып 3. Махачкала, 2011. С. 81-85.

65. Маллаева З.М. Синтаксизация пространственных падежей андийских языков // V. Международная научная конф. «Язык, культура, общество». М., 2009.

66. Маллаева З.М. , Меджидова М.К. Грамматикализация пространственной семантики в системе имени даг. яз. Махачкала, 2008.

67. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

68. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.

69. Мейланова У.А. Гюнейский диалект – основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.

70. Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.

71. Мейланова У.А. Направительные падежи в современном лезгинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.

72. Мейланова У.А. О категории грамматического класса в лезгинском языке // Уч. записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, XI, Махачкала, 1962.

73. Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

74. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964.

75. Микаилов К.Ш. Арчинский язык. Махачкала, 1967.

76. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. Махачкала, 1971.

77. Мусаев М.-С. М. Падежные окончания и их генетические параллели в системе превербов и послелогов даргинского языка // Системы превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.

78. Мусаев М.-С.М. Падежный состав даргинского языка. Махачкала, 1984.

79. Муталов Р.О. Ицаринский диалект даргинского языка. Автореф. канд. филол. наук. Махачкала, 1992.

80. Никифоров С.Д. Старославянский язык. М., 1952.

81. Панчвидзе В.Н. К вопросу об аффиксе эргатива (resp. творительного падежа) в удинском языке (резюме) // Сообщ. АН Груз.ССР, т.Н, Ы 9, Тбилиси, 1949.

82. Панчвидзе В.Н. К вопросу о генезисе аккузатива в удинском языке (резюме) // Изв. Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра. V-VI, Тбилиси, 1940.

83. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.

84. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгейских (черкесских) языках. Тбилиси, 1959.

85. Руднев А.Г. Синтаксис простого предложения. М.: Учпедгиз, 1960.

86. Саадиев Ш.М. Склонение имен существительных в крызском языке (с предварительными сведениями о звуковом составе, лексике и грамматическом строе): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1953.

87. Именное склонение в дагестанских языках // Сб. трудов ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, Махачкала, 1979.

88. Падежный состав и система склонения в кавказских языках // Сб. трудов ИИЯЛ Даг. ФАН АН СССР, Махачкала, 1987.

89. Сулейманов Н.Д. Склонение существительных в керенском диалекте агульского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

90. Сулейманов Н.Д. Направительные превербы агульского языка (в их связи с направительными превербами группы лезгинских языков) // Мат. VI рег. научной сессии по сравн.-историч. изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980.

91. Сулейманов Н.Д. Направительный падеж серии ъ «в», «внутри» в языках «восточнолезгинской подгруппы (к агульско-лезгинским ареальным связям) // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана, Махачкала, 1990.

92. Сулейманов Н.Д. К истории формирования направительных морфем с вариативной ориентацией в дагестанских языках (историко- типологический аспект) // Проблемы сравн.-историч. исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992.

93. Сулейманов Н.Д. Применение приемов релятивной хронологии при исследовании напрвительных превербов в группе лезгинских языков // Материалы XIII-ой рег. научной сессии по истор.-сравн. изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках). Майкоп, 1993.

94. Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.

95. Сулейманов Я.Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани). Автореф. канд. филол. наук. Махачкала, 1960.

96. Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка // Сб. статей к 75-летию акад. Мещанинова, М.-Л., 1960.

97. Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках // Материалы I сессии по сравн.-историч. изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.

98. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.

99. Тарланов З.К. К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // ВЯ, № 3, М., 1980.

100. Тарланов З.К. О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка // ВЯ, № 1, М., 1989.

101. Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск. Изд. Петрозаводского университета, 1994.

102. Тарланов З.К. Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка. Махачкала, 2013.

103. Тарланов З.К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск, 2007.

104. Тарланов З.К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005.

105. Топуриа Г.В. К образованию множественного числа в лезгинских языках.

106. Иберийско-кавказское языкознание, XVIII, Тбилиси, 1973.

107. Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках: Автореф. дис. … док. филол. наук. Тбилиси, 1987.

108. Уленбек Х К. Agens и Paiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

109. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлисъ, 1896.

110. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлисъ, 1979.

111. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык.

112. Тифлисъ, 1892.

113. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлисъ, 1896.

114. Услар П.К. Этнография Кавказа, языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.

115. Хайдаков С.М. Характер функционирвоания послелогов, превербов и местных падежей в дагестанских языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.

116. Ханмагомедов Б.Г.-К. Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1958.

117. Ханмагомедов Б.Г. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы // Уч. записки института ИЯЛ, Даг. ФАН СССР, N 4, Махачкала, 1958.

118. Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Дагучпедгиз, Махачкала, 1958.

119. Ханмагомедов Б.Г. Табасаранский язык // Языки народов СССР, т. IV, Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

120. Церцвадзе И.И., Чикобава А.С. Аварский язык (на груз. языке), Тбилиси, 1962.

121. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.

122. Чикобава А.С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. 1, Махачкала, 1948.

123. Чикобава А.С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. Сообщ. АН Груз. ССР, т. Ш, N 4, Тбилиси, 1942.

124. Чикобава А.С. К генезису повествовательного падежа в картвельских языках. Труды Тбилисского госуниверситета, т.Х, Тбилиси, 1939 (на груз, языке).

125. Чикобава А.С. Несколько замечаний об эргативной конструкции. В сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950.

126. Чикобава Арн., Церцвадзе И.И. Аварский язык (на груз, языке), Тбилиси, 1962.

127. Чикобава А.С. Об эргативном падеже – «косвенном» и «прямом» – в иберийско-кавказских языках // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала, 1987.

128. Чикобава А.С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков // ВЯ. № 6. М., 1955.

129. Шалбузов Т. Табасаран чIалнан грамматика. Часть I, фонетика ва морфология. Махачкала, 1952.

130. Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

131. Шаумян Р. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. Сб. «Язык и мышление», VI-VII, М.-Л., 1936.

132. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, Л., 1941.

133. Шухардт Г. Об активном и пассивном характере переходного глагола. В сб. «Эргативная конструкция предложения.». М., 1950.

134. Bouda K. Beirage zur kaukasisehen und sibirischen Sprachwissenschaf. 3. Das abassaranische. Leipzig, 1939.

135. Dirr A. Einführung in das Sudium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.

136. Ercker R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes, II Teil. Sprachproben und grammaische Skizen. Wien. 1895.

137. Güldenstädt I.A. Reisen durch Russland und im caucasischen Gebürge. t.II, S. Petersburg, 1791.

138. Klaproth I. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. B.II. Kaukasische Sprachen. Halle und Berlin, 1814.

139. Schiefner A. Ausführlicher Berich über Baron P.K. Uslar's kürinische Studien. S.-Petersbourg, 1873.

140. Troubezkoy N. Die Konsonanensyseme der oskaukasischen Sprachen, Caucasica, fasc.8, Leipzig, 1931.

141. Troubezkoy N. Les consonnes Laerales des langues caucasiques sepenrionales. Bull. de la Sociee deLing. de Paris, . XXIII, fasc. 3(N 70), Paris, 1922.

142. Tschikobawa A. Die ibero-kaukasischen Gebirgssprachen und der heuige Sand, ihrer

Содержание

Научное издание

МАЛЛАЕВА-МАГОМЕДОВА
СВЕТЛАНА ДЖАВАДОВНА

ИМЕННАЯ МОРФОЛОГИЯ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Формат 60х84 1/8. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Тир. 300 экз. Размножено ИП «Бисултанова П.Ш.»,
Махачкала, ул. М.Гаджиева, 34.*